

ВЕСТНИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

№2, 2001

(Россия. В начале движения...)

При финансовой поддержке
АМР США и Меннонитского центрального комитета
в рамках Программы
«Партнерские проекты:
продолжение в следующем столетии»,
осуществляемой
Советом
по международным исследованиям и обменов.

Общественный центр
«Судебно-правовая реформа»
Издательская лицензия ЛР № 030828
от 3 июня 1998 г.

Редакторская группа: Карнозова Л. М., Максудов Р. Р., Флямер М. Г.

Ответственный за выпуск: Флямер М. Г.

Литературный редактор: Левицкая Т. В.

Компьютерная верстка: Гордеева Е.

Адрес Центра:
Москва, Кржижановского 20/30
корпус 5, к.522
телефон: (095) 129-98-01
e-mail: mfliamer@mtu-net.ru
интернет: www.a-z.ru/assoc/sudebnprav

ISBN 5-901075-08-0

© Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 3

КОРНИ И ОРИЕНТИРЫ

Максудов Р. Движение за восстановительное правосудие
в России: предмет институализации 4

ПРАКТИКА

Флямер М., Максудов Р. Комментарий к статье Т. Лайши «Опыт организации и проведения программы примирения на этапе предварительного следствия» 13

Лайша Т. Опыт организации и проведения программы примирения на этапе предварительного следствия
..... 16

ПУБЛИКАЦИЯ ФОТОГРАФИИ Дзержинской группы 22

Карнозова Л. Сотрудничество Центра «Судебно-правовая реформа» с Черемушкинским межмуниципальным судом г. Москвы 23

ХРОНИКА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ РОССИИ

Максудов Р. Московская группа: обзор работы и эволюция 35

ПУБЛИКАЦИЯ ФОТОГРАФИИ Московской группы 47

Хроника восстановительного правосудия в регионах России (по состоянию на 15 декабря 2000 года) 49

АНОНС

Дугарская Т. Книга «Преступление, стыд и воссоединение» Джона Брейтуэйта 54

Брейтуэйт Дж. «Преступление, стыд и воссоединение» (фрагмент главы 5, перевод *Н. Хариковой*) 57

СТРАТЕГИИ И ПРОЕКТЫ

Лайша Т. О создании и организации работы деловой сети восстановительного правосудия в Приволжском федеральном округе 64

Флямер М. Социальные технологии как лозунг момента (заметки о ситуации в Приволжском федеральном округе после Ярмарки) 66

ЗА РУБЕЖОМ

Флямер М. Сообщение об организации движения за восстановительное правосудие в Европе 73

Устав Европейского форума программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции (перевод *А. Лаптева, М. Флямера*) 80

ДОКУМЕНТЫ

Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 года, и пояснительные заметки (перевод *Е. Клячина, М. Флямера*) 86

К читателям

Этот выпуск *Вестника восстановительной юстиции* второй. После нескольких лет работы мы, сотрудники Общественного центра «Судебно-правовая реформа» (СПР), подошли к качественно новой ситуации, которая и привела к необходимости выпуска журнала: в России складывается сообщество людей, ставящее себе целью задействование гуманитарных способов разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. Группы, которыми составляется это сообщество, работают не только в Москве — они начали действовать в Иркутске, Тюмени, Дзержинске, Арзамасе, Великом Новгороде, Урае. В ближайшей перспективе завершится организация работы подобных групп в Новороссийске, Перми. Однако сообщество должно укрепляться не только численностью, но и осознанностью, согласием в понимании своей миссии, ясностью и убедительной силой своих содержательных оснований, конкретностью планов и действий.

Изменения в одной из наиболее проблемных областей деятельности государственных и административных инстанций — в сфере работы с отклоняющимся и преступным поведением — назрели в России давно. И сегодня все больше граждан, все больше специалистов системы уголовного правосудия и политиков понимают, что не только рост, но и сохранение численности тюремного населения в России на нынешнем уровне (Россия занимает по этому показателю одно из первых мест в мире) чрезмерно затратно и чрезвычайно пагубно. Такое понимание создает предпосылки реформ. А способствовать преобразованиям в уголовной юстиции может лишь такое сообщество, которое способно не только критиковать, но создавать реальные прецеденты и способы восстановительной

работы с криминальными и конфликтными ситуациями и в конечном счете привести к крупным институциональным изменениям.

Значение восстановительной юстиции выходит далеко за рамки судопроизводства. Программы восстановительной юстиции родились из попыток людей найти более человечный путь выхода из конфликтных и криминальных ситуаций и предлагают альтернативу официальному процессу. Но нельзя забывать, что клеймение людей, наказание, словом, карательный подход присущ самым различным институтам и пронизывает многие наши взаимоотношения. Поэтому в последние годы восстановительные процедуры стали применяться и в школах, и в деятельности социальных работников, и при разрешении конфликтов родителей и детей и др. В этом проявляется более общая направленность программ восстановительного посредничества на оздоровление отношений людей, отравленных враждебностью. Восстановительные процедуры в некотором смысле помогают реставрировать социальную ткань, разорванную в результате конфликтных и криминальных ситуаций и, тем самым, имеют широкое социокультурное значение для жизни россиян.

На наш взгляд, сегодня «Вестник» уже нужен. Он сделает нарождающееся сообщество реальным, поскольку позволит познакомить его участников друг с другом, расширит и интенсифицирует распространение опыта и даст возможность выстроить планы и стратегии реализации восстановительного будущего России.

Из чего мы исходили при определении рубрик «Вестника» и подборе материалов для второго выпуска? В первую очередь — из необходимости сделать «Вестник» органом нарождающегося сообщества. В этом выпуске мы хотели показать весь спектр происходящих в России процессов, отражающих зарождение движения: прецеденты развития новых направлений работы, организационные идеи, становление групп и т.п.

В дальнейшем мы надеемся получать материалы для публикации, которые смогут обогатить наш совокупный опыт, и от вас, наших читателей и коллег.

Р. Максудов

ДВИЖЕНИЕ ЗА восстановительное правосудие В РОССИИ:

ПРЕДМЕТ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ¹

Сегодня можно говорить о появлении движения за восстановительное правосудие (ВП) в мире. Его целью является изменение способа реагирования правосудия на уголовно наказуемые деяния: с преимущественно карательного на преимущественно восстановительный. Такая реакция должна содействовать исцелению жертв, нормализации отношений жертвы и обидчика, инициировать участие правонарушителя в исправлении нанесенного им вреда и привлечь местное сообщество к разрешению криминальных ситуаций. По некоторым оценкам² сегодня существует около тысячи организаций, реализующих восстановительные программы. Почти вся Европа, Северная Америка, Новая Зеландия, Австралия, Южная Африка применяют данные программы. Представители различных профессий и специальностей – криминологи, социальные работники, юристы-практики и юристы-теоретики, учителя, политики, психологи, общественные деятели, чиновники, активисты местного самоуправления и деятели церкви – включились в движение за восстановительное правосудие.

В России программы ВП проводятся с 1998 года по инициативе Общественного Центра «Судебно-правовая реформа» (Москва). В настоящее время представители девяти регионов России (Пермская область: г.Пермь и село Карагай; Казань, Новороссийск, Тюмень, Иркутск, Дзержинск, Великий Новгород, Арзамас, Урай) изъявили желание внедрить у себя программы восстановительного правосудия, а некоторые провели первые встречи жертвы и правонарушителя.

Методологическое отступление: движение как исторический феномен³

Когда говорят о движении, то выделяют, во-первых, приверженность тех, кто считает себя включенным в него, некоторой общей идеологии, а во-вторых, отсутствие единообразного представления о социокультурном результате и соответственно о способе его достижения. П.Г. Щедровицкий отмечает, что основная цель движения – социализация чего-то⁴. На наш взгляд, кроме социальных целей можно выделить культурно-исторические. В работах А. Турена содержатся весьма продуктивные рассуждения о социокультурной направленности движения⁵. Поэтому, когда мы говорим о каком-либо определенном движении, необходимо вскрывать, прежде всего, напряжения социокультурной ситуации и конфликт различных способов решения данных напряжений, где движение – это поле проигрывания возможных вариантов в поисках того, который исторически «приживется» и будет социализован. Такая «игра» может растянуться на многие десятилетия или даже столетия. Здесь важно отметить, что разрывы социокультурной ситуации – историческое явление.

Таким образом, движением нельзя управлять. В нем можно участвовать, выдвигать свой способ решения ситуаций и в ходе столкновения с другими способами его развивать и практически апробировать. Такой способ может быть реализован, что повлечет за собой превращение движения в определенный социальный институт. Как отмечал П. Г. Щедровицкий, «движение является переходной формой организации человеческой деятельности: если оно хочет быть продуктивным в культурном плане, то оно должно неизбежно вылиться в другие формы социокультурной организации и отрицать самое себя»⁶.

Социокультурные предпосылки движения за восстановительное правосудие в России

Одной из важнейших характеристик жизни любого общества является его способность к сохранению и восстановлению связей и отношений между людьми, разрушенных в ходе конфликтов и криминальных ситуаций. В этом смысле отличительной чертой современной социокультурной ситуации (сформировавшейся, по всей видимости, в середине XIX века, когда процессы урбанизации и социальной мобильности стали фактически перестраивать облик общества) является появление множества факторов, затрудняющих такое сохранение и восстановление. Ослабевают и влияние прежних средств – общинных, сословных, религиозных, – обеспечивающих, образно говоря, восстановление социальной ткани.

Можно выделить следующие характерные особенности современного мира, негативно влияющие на область взаимоотношений людей:

1. Разделение структуры жизни (в основном урбанизированной) на отдельные сегменты ведет к разрушению личностных связей, удерживающих людей в рамках определенной культуры отношений. «Мы функционируем каждый день, двигаясь между группами людей, не нуждающимися ни в какой связи между собой, кроме как через того, кто между ними перемещается. Так что мы часто знаем своих сотрудников только как сотрудников, соседей только как соседей, членов лыжной команды только как членов лыжной команды»⁷. Таким образом, деструктивное поведение в настоящее время не может быть объектом эффективного контроля со стороны местных территориальных общин, поскольку само их существование в современном мире затруднено. «В современном обществе, – отмечает социолог В. Ф. Чеснокова, – различные поколения одной и той же семьи живут, как правило, раздельно. Дети вырастают вдали от бабушек и дедушек, они не знают их особой всепрощающей любви, совершенно не чувствуют их беспомощности и беззащитности – и в результате

не приобретают рефлекса их оберегать и помогать им... Современная «улица», в отличие от прежних городских «дворов», превратилась в пространство с неопределенными границами и полностью освободилась от контроля со стороны взрослых людей, которые не хотят, да и не могут оказывать какое бы то ни было влияние на подростковые уличные компании, все более напоминающие именно преступные шайки со своим кодексом чести, но весьма узким и довольно утилитарным»⁸.

2. Одновременно возрастает давление на человека социальной организации, воплощенной в различных учреждениях. По мнению К. Хорни, «человек до такой степени превратился в простой винтик сложной социальной системы, что отчуждение от самого себя стало почти всеобщим, а сами человеческие ценности пришли в упадок»⁹. Прессинг учреждений или корпоративной морали сегодня настолько велик, что можно говорить о корпоративном человеке, который считает ценности учреждения, где он работает, высшими и часто становится заложником этих ценностей.

3. Мировоззрение многих людей формируется не в традиционных каналах социализации (семья, образовательные учреждения, профессиональные сообщества), а через массовую культуру (СМИ, кино- и видеофильмы, музыка). Диада «человек–экран» приводит к еще большему отчуждению людей друг от друга. Социолог В. Ф. Чеснокова и правозащитник В. Ф. Абрамкин пишут, что «ребенка и подростка, проводящего очень много времени перед экраном, телевизор отключает от реального общения с ровесниками и взрослыми: они кажутся ему менее интересными и значимыми, чем те люди, которых ему показывают по телевизору, а ситуации общения с ними – будничными и слишком сниженными по сравнению с тем, что происходит на экране. В результате подросток не овладевает умением строить отношения с окружающими людьми: добиваться взаимопонимания, решать конфликты, овладевать ситуацией в сложных случаях. Эта изолированность современного зяждлого телезрителя в четырех стенах своей квартиры и в узком кругу ближайших родственников и одноклассников формирует личности романтического склада, совершенно оторванные от реальной жизни и ее сложностей, которые потом и становятся жертвами обмана, собственных иллюзий, своей неопытности и непредусмотрительности»¹⁰.

4. Интенсивные межличностные взаимодействия приводят к конфликтам, причиной которых часто является различие культурных образцов. Для их разрешения необходимы особые средства, технологию использования которых человечеству еще предстоит создать.

Вышеперечисленные социальные факторы способствуют, с точки зрения Р. Мея, возникновению таких черт современного человека, как неспособность чувствовать другого человека, боязнь близости, отчуждение. Эти качества могут приводить к взрывам агрессии¹¹ и деструктивному поведению. Анализируя особенности характера несовершеннолетних правонарушителей, В. Ф. Чеснокова отмечает, что у них не выработаны механизмы самоконтроля, а эмоции, напротив, бушуют, особенно, когда подростки в толпе и начинают «заводиться» друг от друга. Кроме того, у них еще очень слаба способность эмпатии, сочувствия другому человеку, сопереживания.

Вызов и ответ: усиление государства

Ответом на эти напряжения является, в частности, монополизация государством права на разрешение конфликтных и криминальных ситуаций¹². Почти во всех западных государствах (видимо, исключением здесь является Япония) существует тенденция к увеличению числа специалистов, отслеживающих и корректирующих человеческое поведение¹³, знающих, как решать проблемы, и зачастую фактически

принуждающих людей к определенному решению. Как отмечает Н. Кристи, «современные системы контроля за преступностью – это один из многочисленных случаев потери возможности вовлечения граждан в решение задач, имеющих для них непосредственную важность. Наше общество – это общество монополистов на решение задач»¹⁴. Однако работа подобных специализированных учреждений постепенно сводится к тем или иным ведомственным показателям или политическим запросам. В России правоохранительные органы воспринимаются скорее как средство устрашения населения, чем их защиты, а это способствует возрастанию враждебности. Тем самым создается определенный замкнутый круг. Монополизация конфликтов и криминальных ситуаций возникает вследствие слабого влияния местных сообществ и граждан для их разрешения. В то же время постепенно происходит закрепление такого реагирования как определенного стереотипа, который воспроизводится в законах, образовательных программах, конкретных действиях представителей органов уголовной юстиции и начинает тормозить попытки сообществ и граждан участвовать в разрешении конфликтов и криминальных ситуаций. Интересно, что некоторые юристы, считающие себя реформаторами, выступают против восстановительного правосудия. По их мнению, нормализация отношений между жертвой и правонарушителем невозможна. Преступника необходимо наказывать, и делать это должны специалисты. Такая точка зрения отражает идеи этатизма и принцип монополии юристов на разрешение социальных ситуаций. В то же время непрерывная позитивистская апелляция юристов к закону в отрыве от механизмов его реализации в российской ситуации и исторической эволюции правовых систем, возможно, имеет в своей основе разновидность социальной утопии – стремление к тотальной юридизации человеческих отношений.

Права человека: эволюция социокультурного смысла идеи

Попытки разрешить те или иные напряжения в области человеческих взаимоотношений были всегда. В настоящее время многие общественные деятели, благотворительные фонды, ученые стремятся разрешить различные социальные проблемы через трансформацию деятельности государственных органов в рамках представления о правах человека. Насколько созвучны идеи восстановительного правосудия идеям прав человека?

Т. Шанин выделяет три цикла философии прав человека. Первый связан с идеей гражданских прав и направлен на достижение равенства граждан перед законом:

Однако практическая реализация подобных программ вскоре выявила и их слабые места. Пример Америки и Франции показал, что республиканская форма правления, гарантирующая равенство политических и юридических прав, сама по себе не приводит к фактическому равенству граждан. Более того, разрушение старой системы взаимосвязей лишало многих людей прежних традиционных форм социальной защиты и умножало нищету. Поляризация общества по имущественному признаку усиливалась. Начало промышленной революции и формирование рабочего класса сопровождалось резким ухудшением условий существования и разрастанием нового мира – мира городских трущоб, бедняков, пьянства и проституции¹⁵.

Второй цикл Т. Шанин связывает с идеей социальных прав и соответственно с развертыванием крупных государственных социальных программ:

Важно отметить, что углублявшийся кризис как Запада, так и Востока (Юг, то есть так называемые «развивающиеся страны», требует специального анализа) был обусловлен не только экономической динамикой. Он с очевидностью демонстрировал несостоятельность планов искоренения социальных язв с помощью

широкомасштабных и общих государственных программ, особенно когда дело касалось разного рода «маргиналов» и «меньшинств». В современном мире, который становится все более разнообразным, но одновременно и более открытым, меньшинства как таковые в сумме постепенно превращаются в большинство. Путь, который ранее представлялся магистральным и прямо ведущим в светлое будущее, делается все менее ясным. Универсальные рецепты вызывают все большее недоверие. Государство, прежде воспринимавшееся как главный инструмент их реализации, все чаще оказывается основным препятствием на пути достижения свободы, равенства и братства – идеалов, которые вдохновляли борцов за права человека, как эволюционистов, так и революционеров¹⁶.

Третий цикл философии прав человека связан с решением социальных проблем меньшинств и маргинальных групп:

Новый этап коллективного мышления и третий цикл философии прав человека – это реакция на универсализм и огосударствленность старой системы, то есть на те ее качества, которые сковывают свободу индивидуального выбора, мешают видеть конкретные проблемы живых людей, реальные проблемы меньшинств. Все прежние системы, даже создававшиеся из лучших побуждений, в современном мире постепенно превратились в диктатуру экспертов и бюрократов, поскольку всегда покоились на убеждении, что эксперты могут дать точный прогноз, предложить оптимальные решения, и тогда путем принятия мудрых законов и постановлений можно будет в совершенстве отрегулировать все стороны жизнедеятельности общества. Утопичность подобных взглядов становится все более очевидной. Недоверие вызывает также сама идея абсолютного прогресса, понимаемого как одностороннее движение вперед и вверх, к все большей рациональности и универсальности¹⁷.

Основной проблемой третьего цикла является борьба между государством и крупными корпорациями с одной стороны и общественностью, представляющей меньшинства и маргинальные группы, с другой. Термин «меньшинства и маргинальные группы» употребляется не только в количественном и национально-территориальном смысле. Это, прежде всего, те социальные группы, у которых нет будущего. С такой точки зрения для экологов меньшинством является всё население планеты, для которого будущего может не быть из-за политики нескольких корпораций. Силой, помогающей реализовать идеи данного цикла, являются различные общественные движения и социальная работа. Деятельность систем уголовной юстиции в некоторых странах (особенно в США и России) приводит к выталкиванию людей из общества или к иным деструктивным процессам (имеются в виду ситуации с жертвами преступлений) и фактически порождает новые меньшинства. Обсуждение криминальных ситуаций на программах ВП обнажает проблемы бедственного положения тех или иных групп населения, позволяет увидеть пробелы в социализации молодежи, которые можно восполнить, привлекая к разрешению этих проблем сами группы, власть и позитивных лидеров местных сообществ¹⁸, и тем самым сближает комплекс идей прав человека третьей формации и идеи ВП. Поскольку ВП реализует интересы конкретных людей, превращаемых в меньшинства, на него начинают обращать внимание некоторые общественные деятели, правозащитные организации и ученые. Многим правозащитникам импонирует, что восстановительное правосудие стратегически ориентировано на трансформацию государственных органов и организаций в направлении программ ВП как альтернативы уголовному процессу и наказанию.

Основное различие восстановительного и правозащитного подхода состоит в том, что в первом случае определяющей (при сохранении стратегических реформаторских ориентиров) является установка на партнерство и совместное решение проблем

реагирования на криминальные ситуации, а во втором главную роль играет контроль за соблюдением прав человека и противодействие фактам его нарушения. Естественно, это не исключает сотрудничества правозащитных организаций и государства в решении тех или иных локальных задач¹⁹.

Посредничество и восстановительное правосудие

Одно из мощных средств разрешения конфликтов, возникшее как оппозиция монополии специалистов и распространившееся по всему миру, – это медиация, или посредничество. Целью подобных процедур является вовлечение людей в такие формы взаимодействия, которые давали бы им возможность самостоятельно находить выход из ситуации; фигура посредника нейтральна по отношению к содержанию конфликта или спора. Главным принципом, лежащим в основе медиации, остается принцип самоопределения сторон, то есть стороны сами должны найти взаимоприемлемый вариант разрешения конфликта или спора. Этим роль медиатора отличается от роли судьи, нейтрального к содержанию ситуации, но обязанного вынести приговор. В то же время идеология медиации базируется на технологии принятия решений сторонами, то есть процедуры медиации ограничиваются достижением конкретного результата в случае конфликта или спора. Восстановление личностного начала, взаимоотношений людей и укрепление сообществ (по крайней мере, в известных нам вариантах медиации) не являются следствием процедур посредничества. Тем самым область применения медиации для разрешения конфликтов и криминальных ситуаций, попадающих в орбиту уголовного правосудия, сужается.

Восстановительное правосудие основано на тех же, что и медиация, принципах нейтральности ведущего и самоопределения сторон. Новым здесь является то, что процедуры посредничества в рамках ВП должны помогать *восстанавливаться людям и их отношениям, служить возрождению сообществ*²⁰. Одновременно они учитывают особенности человеческих взаимоотношений и способствуют преодолению различных форм отчуждения людей друг о друга²¹. Именно такая направленность программ ВП дает возможность проводить их по криминальным случаям.

Программы ВП позволяют сохранить ценности, которые общество считает необходимыми при анализе последствий криминальных ситуаций. Вопрос безопасности решается при помощи механизмов воссоединяющего, а не клеймящего стыда; появляются такие формы ответственности, которые ведут к социальной интеграции преступников, а не к отвержению их обществом. Программы дают возможность учитывать нужды и потребности конкретных людей, исцелять жертв преступлений. Они направлены также на преодоление враждебности и ненависти людей друг к другу, на сохранение общностных отношений («Gemeinschaft» в том смысле, который в это понятие вкладывал Ф. Теннис)²². Восстановительное правосудие способствует проявлению гражданской активности людей, направленной на поддержку базовых общественных процессов – социализации и воспроизводства норм, устанавливающих способ выхода из криминальных и конфликтных ситуаций.

Современное общество предъявляет определенные требования к восстановительным процедурам: необходимо культивировать гражданское и личностное начало в людях, учитывать специфику существования таких процедур в условиях крупных городов. Программы ВП удовлетворяют названным социальным запросам и одновременно развивают традиции общинного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций.

Социокультурную ситуацию, имеющуюся на данный момент, можно в целом определить как поиск и апробирование методов восстановления отношений между людьми. Без новых средств воссоздания межличностных отношений и связей,

постоянно разрушающихся под давлением социальных обстоятельств и ситуаций, человечество просто не сможет выжить. Сегодня способы регулирования социальных ситуаций рассматриваются некоторыми специалистами с точки зрения восстановления государственности, укрепления духовного, прежде всего религиозного начала в человеческих взаимоотношениях. Не отрицая этих установок, хотелось бы подчеркнуть, что создание условий для деятельности по восстановлению взаимоотношений и преодолению последствий конфликтов и криминальных ситуаций²³ должно стать важнейшим ориентиром для преобразований в работе правоохранительных органов и судов, а также основой социальной политики.

Программы ВП как гражданская техника

Для движения в направлении институализации ВП важно ответить на некоторые вопросы:

1. Каким образом эта деятельность будет существовать в социальном смысле: начнет ли формироваться сообщество профессионалов ведущих программ ВП со своей этикой, специализированными образовательными учреждениями, теоретической и учебной дисциплиной, или это будет узкая элитарная группа медиаторов, разрешающих уникальные случаи, и множество групп волонтеров, для обучения которых необходимо 40–50 учебных часов.

2. Как восстановительное правосудие станет развиваться в культурном аспекте: как совокупность навыков, которые передаются от мастера к ученику, определенная обучающая дисциплина (образовательная технология), в результате функционирования которой мы получим профессионалов, или же это будет массовая техника, доступная большинству людей в современном мире.

3. Какова специфика существования этой деятельности в нашей стране: какие могут быть этапы и шаги, соответствующие российскому культурному полю, чтобы российское общество и государство было заинтересовано в практике восстановительного правосудия.

Нетрудно заметить, что все эти вопросы взаимосвязаны. Нельзя, ориентируясь на образовательную технологию, представлять такую деятельность как уникальное мастерство, и наоборот. На наш взгляд, практика ВП должна стать, прежде всего, массовой техникой, то есть совокупностью приемов разрешения социально значимых ситуаций, которой овладеет большая часть людей. При этом я не отрицаю существования узкой группы профессионалов экстра-класса. И эти профессионалы могут работать со сложными случаями, быть «переговорщиками» и тренерами и соответственно владеть таким мастерством, которому научиться в обыденном смысле нельзя.

В этом смысле техники восстановительного правосудия можно поставить в один ряд с техниками спасения жизни в экстремальных ситуациях. Людей сейчас начинают обучать простейшим способам поведения в чрезвычайных (социально значимых) ситуациях. Знакомство с техниками ВП, помогающими удержать социальность в заданных рамках, является не менее важной задачей. Такие техники можно, пожалуй, назвать гражданскими. Гражданские обязанности обычно связывают с выполнением государственно важных функций, однако подобные рассуждения были уместны лишь в условиях СССР, когда государство пыталось тотально контролировать и определенным образом формировать общество. В условиях советского мира, когда государство пыталось тотально контролировать и проектировать общество так можно было рассуждать. Сегодня следует говорить о комплексе общественно значимых направлений деятельности, возникающих в процессе передачи (и возврата) части полномочий государства общественным единицам (общественным организациям,

объединениям граждан и муниципальным образованиям). Этот процесс находится в начальной стадии. Попытки его интенсифицировать натываются на многие препятствия.

Принято считать, что одним из препятствий реформирования правоохранительных органов является ведомственность. Попытки силовых структур сохранить свое влияние, закрытость, устрашающие функции, милитаризованность – наследие социалистического строя – действительно мешают рационализации работы правоохранительных органов и судов. Тормозит реформирование силовых структур и традиция решать политические задачи репрессивным способом.

Кроме того, в основе противодействия (скрытого или явного) специалистов из правоохранительных и судебных органов проведению программ ВП наблюдаются и социокультурные моменты. В России распространено мнение, что поведение людей невозможно удерживать в определенных рамках без силы и давления. Почему люди не возмущаются пытками в милиции, чудовищными условиями содержания обвиняемых в СИЗО? Видимо, это связано с тем, что население считает деятельность правоохранительных органов неким каркасом, который удерживает общество от самоистребления и распада. Факты свидетельствуют, что люди в форме относятся к людям не в форме как к носителям вредного, лживого, эгоистичного и криминального поведения. Но такое отношение было бы невозможно, если бы не поддерживалось молчаливо самим населением. *Контроль над поведением людей, осуществлявшийся в нашей стране первоначально посредством репрессивного, а затем административного давления вне экономического, правового и религиозного регулирования, привел к феномену непредсказуемости российского человека в условиях ослабления такого давления.* Давайте спросим себя: как мы поступаем, когда над нами не довлеют административные методы, направленные на соблюдение элементарных правил общежития? С другой стороны, практика устрашения населения, которая наблюдается почти повсеместно в России, не способствует поддержанию таких правил.

По мнению некоторых исследователей, расцвет различного рода общественных образований позволяет культивировать в обществе принципы доверия, доброжелательности, бескорыстности и служения людям (в том числе заботы о детях, находящихся в трудной жизненной ситуации)²⁴. На основе участия общественности работали первые суды для несовершеннолетних в дореволюционной России.

Восстановительное правосудие может разорвать замкнутый круг, но для этого ВП необходимо интерпретировать не как профессию или специальность, имеющую государственную принадлежность или коммерческую направленность, а как способ проявления гражданской активности. Программы ВП можно рассматривать как такие технологии и одновременно как гражданские техники (искусство реализовывать себя как граждан), позволяющие восстанавливать:

социально значимые функции опеки и попечительства общественности над правонарушителями. На этой основе могут делаться шаги по укреплению местных сообществ²⁵;

гражданскую позицию людей как участников общественно важных процессов;

партнерство государства и общества;

индивидуально-личностный ресурс общества, разрушающийся в конфликтах и криминальных ситуациях;

социально-психологическую взаимопомощь людей друг другу. Это, на наш взгляд, также является важнейшей особенностью ВП как гражданской техники, поскольку содействие в восстановлении личностного ресурса является сегодня общественно значимым делом.

ВП не отменяет правосудие, а придает ему за счет использования определенного способа разрешения криминальных ситуаций восстановительный характер. Программы ВП происходят на основах партнерства общественности и правосудия. В рамках такого партнерства разрабатывается порядок направления случаев на программу и определяется юридическое значение результатов, полученных участниками. В странах, где программы ВП получили поддержку государства, при достижении позитивных результатов уголовное дело не возбуждается или прекращается. Чтобы программы ВП и в России стали реальной альтернативой наказанию, необходимо соответствующее изменение законодательства.

Важнейшим вопросом будущего является вопрос о финансировании программ ВП и соответственно о субъекте управления ими. Мы считаем, что субъектом управления должны быть общественные организации и органы местного самоуправления, не подверженные прямому давлению ведомств: это наряду с другими условиями позволит им сохранить верность базовым идеям ВП.

¹ Автор благодарит Михаила Флямера за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки рукописи к печати.

² *Умбрайт М.* Ответы на важные вопросы, связанные с восстановительным правосудием. В кн.: *Амстутс Л.С., Зер Х.* Конференция жертвы и правонарушителя в системе ювенальной юстиции Пенсильвании, 1997.

³ Представления о феномене движения сформировались у автора благодаря работе Г.П.Щедровицкого «Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии» // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М.: Школа Культурной Политики, 1995. С. 57–87; См. также: *Щедровицкий Г.П.* Вместо послесловия // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. С. 151–153.

⁴ См.: *Щедровицкий П.Г.* Вместо послесловия // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. С. 152.

⁵ См.: *Турен А.* Возвращение человека действующего. – М.: Научный мир, 1998.

⁶ *Щедровицкий П.Г.* Вместо послесловия // Вопросы методологии. – 1994. – № 1–2. С. 153.

⁷ *Кристи Н.* Конфликт как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 36.

⁸ *Чеснокова В. Ф.* Малолетка. Колонии для несовершеннолетних заключенных. Предисловие (Рукопись) // Библиотека Центра «Судебно-правовая реформа».

⁹ *Хорни К.* Наши внутренние конфликты. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 141.

¹⁰ *Чеснокова В.Ф., Абрамкин В.Ф.* Проект исследования в колониях для несовершеннолетних заключенных (Рукопись) // Библиотека Центра «Судебно-правовая реформа».

¹¹ Подробнее об этом см.: *Мей Р.* Любовь и воля. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. С. 11.

¹² См.: *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГУ западного образца? – М.: Идея-Пресс, Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1999.

¹³ «Вполне очевидно, что высокий уровень преступности и других проявлений антисоциального поведения служит показателем нехватки порядка; гораздо менее признан тот факт, что большое число полицейских, фининспекторов и ревизоров также является показателем упадка нравственности, даже если проявления антисоциального поведения ограничены.» (*Этциони А.* Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Академия. С. 323.)

¹⁴ *Кристи Н.* Конфликт как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 36.

¹⁵ См.: Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности (http://www.yabloko.ru/alt/Themes/History/Shanin/social_work.html).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Kay Pranis. Restorative Justice, Social Justice, and the Empowerment of Marginalized Populations. From Community Restorative Justice: Finding Common Ground for Victims, Offenders and Community forthcoming from Anderson Publishing. (Пранис К. Восстановительное правосудие, социальная справедливость и возвращение полномочий маргинальным группам населения (Рукопись) // Библиотека Центра «Судебно-правовая реформа».)

¹⁹ Блестящим примером этого взаимодействия являются совместные усилия Общественного центра содействия реформе уголовного правосудия и Министерства юстиции Российской Федерации по изменению законодательства.

²⁰ См.: Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998.

²¹ По мнению Марка Умбрайта, восстановительное правосудие может обогатить также и практику медиации. См.: Umbreit Mark S. Humanitic mediation: a transformative journey of peacemaking. Center for restorative justice & mediation. University of Minnesota. March 14, 1997, 13 p. (Умбрайт М. Гуманистический подход к посредничеству в разрешении конфликтов: путь преобразования, путь миротворчества (Рукопись) // Библиотека Центра «Судебно-правовая реформа».)

²² «Согласно Теннису, общность является носителем качеств, которые высоко оцениваются как обыденным сознанием, так и многими моральными системами: к ним относятся, прежде всего, человеческая близость, готовность прийти на помощь... Общностным социальным отношениям чужд расчет, те, кто в них включен, чувствуют себя в безопасности, защищенными, но в то же время связанными моральными обязательствами перед отдельными членами общности и всей общности в целом». (Малинкин А.Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тенниса // Социологический журнал. – 1998. – №3/4. С.205.)

²³ Именно так старейшины разрешали конфликты в русской деревне периода XIX – начала XX века. Прочитруем один из примеров. «В начале века по заданию Российского Сената в сельскую местность были посланы молодые адвокаты с целью разобраться с тем, как осуществляется общинное правосудие. Адвокат описал следующий случай. Старейшины судят двух крестьян, между которыми произошел спор из-за участка земли. В результате было принято решение: «А прав, а Б не прав. Поэтому А получит две трети, а Б одну треть участка земли». На это молодой адвокат замечает: «Если А прав, то он должен получить всю эту землю, а если нет, то он вообще не может получить эту землю. Как можно принимать такое решение, как Ваше?» Старейшина же ему отвечает: “Земля – это только земля, а им жить в одном селе до конца жизни”». (Цит. по: Шанин Т. Куда идет Россия? – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 170.)

²⁴ См.: Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: «Ад Маргинем». 1996.

²⁵ Более подробно о роли программ в процессе укрепления местных сообществ см. в: Kay Pranis. Restorative Justice, Social Justice, and the Empowerment of Marginalized Populations. From Community Restorative Justice: Finding Common Ground for Victims, Offenders and Community forthcoming from Anderson Publishing. (Пранис К. Восстановительное правосудие, социальная справедливость и возвращение полномочий маргинальным группам населения (Рукопись) // Архив Центра «Судебно-правовая реформа».)

М. Флямер , Р. Максудов

Комментарий к статье Т. Лайши
«Опыт организации и проведения программы примирения
на этапе предварительного следствия»

С 15 апреля 2000 года в трех городах России – Иркутске, Тюмени и Дзержинске – Центр «Судебно-правовая реформа» совместно с «Mennonite Central Committee» (USA) ведут проект «Партнерство за формирование восстановительной юстиции в России» (руководитель – М. Флямер). Одна из целей этого проекта определяется следующим образом: «создать в каждом из трех городов условия проведения программ примирения жертвы и правонарушителя и провести первые пробные программы». Ниже представлен отчет Татьяны Николаевны Лайши, координатора и ведущего в Дзержинске, о работе в одном из таких пробных случаев. Изложенные результаты не просто *выглядят* замечательно (стороны достигли взаимопонимания, смогли открыто говорить друг с другом; потерпевший получил возмещение как моральное, так и материальное; нарушители осознали последствия своего поступка, извинились перед жертвой и приняли на себя ответственность за содеянное, в том числе материальную; была инициирована работа по налаживанию отношений в семье, ведущая получила поддержку в городской прокуратуре и т.п.), я полагаю, что они действительно таковы. Однако редакционная группа «Вестника восстановительной юстиции» решила, что не может рекомендовать подобные методы работы в качестве образца при проведении восстановительных программ *в области уголовного правосудия*.

Менее всего мы бы хотели, чтобы, прочитав статью, наши коллеги из правоохранительных органов и суда утвердились во мнении, что программы примирения сродни некорректным, а иногда и незаконным действиям защитников, которые разваливают уголовные дела, подкупая потерпевшую сторону. Приступая к работе с уголовными делами несовершеннолетних в Москве, Центр «Судебно-правовая реформа» взял на себя обязательство¹ ни в коем случае не способствовать развалу уголовных дел.

В первую очередь эти правила касаются начала работы со случаем. В «Юридическом алгоритме осуществления процедур примирения по делам несовершеннолетних», созданном сотрудниками Центра совместно с представителями правоохранительных органов, процедура примирения начиналась после сбора следствием доказательственной базы. Поскольку требуется обеспечивать необходимое (для суда) качество расследования, то доказательственная база обвинения, которую предоставляет следствие, должна быть безупречной. Примирение, если его проводить не вовремя, может обернуться развалом дела. Следствию важно, чтобы позиция потерпевшего и сведения о произошедшем, которыми он располагает, были юридически однозначными и не менялись в ходе процесса. А программа примирения может (и должна) добиться именно этого – изменения позиции потерпевшего по вопросу о том, как можно решить его дело, не применяя карательных санкций. Поэтому при обсуждении вопроса об инициировании примирительных процедур наши коллеги из следствия – несмотря на желание содействовать проведению подобных программ – считают приоритетным свою заинтересованность в безупречной доказательственной базе. *Вначале* следователь проводит допрос потерпевшего и закрепляет его показания официально и *лишь потом* инициирует примирение. При этом предполагается, что результаты примирения не повлияют на обвинение и квалификацию.

Возможно, работа со случаем, который описала в своей статье Т. Лайша, не соответствовала данной норме. Однако мы решили опубликовать представленный материал, поскольку необходимо не только осваивать проведение примирительных встреч, но и учиться *вписывать программы примирения в сложившуюся практику по уголовным делам с характерным для нее противостоянием интересов обвинения и защиты*. Действительно, уголовное дело, по которому Т. Лайша и Д. Ильин проводили встречи потерпевшего и обвиняемых, развалилось. Это произошло потому, что в числе участников встречи был адвокат, стремившийся к такому результату и добившийся желаемого (потерпевший изменил свои первоначальные показания; возможно, его новые показания были надиктованы защитником).

Опыт Т. Лайши позволяет пронаблюдать коллизии, которые могут возникать при проведении программ примирения, в частности в связи с присутствием на встрече адвоката обвиняемой стороны. Интересно, что в статье очень мало говорится о роли и действиях защитника, хотя для судьбы уголовного дела эта роль, кажется, была ключевой. Практика показывает, что участие адвоката в программе необходимо оговорить специально. Защитник должен точно понимать смысл, процедуру и юридические возможности примирения. Часто, не зная сути примирения, приняв стратегию развала дела (что, кстати, не всегда идет на пользу обвиняемому), адвокаты таким образом влияют на обвиняемых и подсудимых, что те отказываются от примирения.

Яркий пример ситуации такого рода – угон велосипеда иностранного производства. После угона велосипед был испорчен, потерял товарный вид и нуждался в починке. Обвинение было квалифицировано следователями как грабеж, а не кража, причем по ст. 161 УК РФ, ч. 2, п. «д» – «с причинением значительного ущерба». Стратегия адвоката обвиняемого подростка состояла в том, чтобы воздействовать на потерпевшую сторону, изменить ее позицию по поводу масштаба ущерба, добиться перекалфикации обвинения на более мягкое (может быть, даже на кражу – ст. 158 УК РФ, ч. 1), и тогда подсудимый, признавший себя виновным, будет амнистирован. Ведущие начали работу с этим случаем, когда планы защитника уже вступили в действие, то есть фактически на фоне торга, который пыталась вести адвокат с родителями потерпевшего подростка. Эти планы настолько увлекли маму обвиняемого, что она отнеслась к примирительной встрече исключительно как к формальному мероприятию, нужному для реализации принятой ею стратегии спасения сына. Однако мама пострадавшего мальчика была обижена тем, что с ней спорят о сумме ущерба, и отказалась участвовать в торгах и любых других переговорах с обвиняемым и его законными представителями. В результате – ни возмещения ущерба, ни примирения². По-видимому, лучше вообще не допускать защитника к участию во встрече.

Текст, представленный Т. Лайшей, показывает также, что позиция ведущего не выявляет его отношения к наказанию, которое грозит подростку. Если ведущий и защитник солидарны во мнении, что обвиняемый подросток должен быть освобожден от уголовной ответственности (судимости и тюрьмы), то чем же различаются их точки зрения? На наш взгляд, переход ведущего на позицию адвоката, влекущий за собой подчинение хода программы адвокатской стратегии, не позволяет ему быть нейтральным и затрудняет партнерство с юристами-практиками. Разумеется, необходимо стремиться к изменению реакции на криминальную ситуацию с карательной на восстановительную, но делаться это должно в рамках тех возможностей, которыми располагает сама восстановительная программа, за счет превращения восстановительных эффектов в юридические последствия для хода уголовного дела. В ряде случаев мы отстаивали необходимость некарательного метода работы с нарушителем – для того, чтобы дать возможность осуществить программу примирения в полном объеме; решение по такому поводу должны были выносить правоохранительные органы или органы местного самоуправления (в лице Комиссии по делам несовершеннолетних).

В отличие от адвоката, ведущий, заинтересованный в дальнейшем развитии восстановительного правосудия, может стремиться к ограничению карательной реакции на криминальные ситуации и за рамками работы с отдельным случаем, поскольку суть участия в движении заключается, с одной стороны, в обобщении опыта восстановительных программ и демонстрации их эффективности, а с другой – в подготовке и лоббировании поправок к российскому законодательству, а также создании политических альянсов и блоков, нацеленных на ограничение карательной политики России.

¹ Флямер М. Опыт Центра «СПР» по включению процедур примирения в уголовное правосудие (комментарий к алгоритму) // Вестник восстановительной юстиции, вып. 1. С. 43–52.

Т. Лайша

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОГРАММЫ ПРИМИРЕНИЯ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Начиная работу по внедрению концепции и технологии восстановительного правосудия в рамках проекта «Партнерство за восстановительную юстицию в России», мы ориентировались, прежде всего, на сотрудничество с ПДН и проведение программ примирения по отказным делам (пункт 5 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР). Однако первую полномасштабную программу примирения потерпевшего и правонарушителей пришлось проводить по уголовному делу – по обвинению в тяжком преступлении. Включение процедуры примирения на этапе предварительного следствия было обусловлено необходимостью «отстаивать конкретных подростков и ставить некоторые преграды карательному подходу»¹, когда степень жестокости реагирования официального правосудия на правонарушение неадекватна совершенному деянию.

Фабула дела

Четверо шестнадцатилетних ребят в ночь с восьмого на девятое сентября забрались в легковую машину и украли аудиоколонки, кассеты и документы владельца машины. Подростков задержали с поличным, поэтому уголовное дело было возбуждено по факту совершения кражи, а не по заявлению потерпевшего. Ребята совершили правонарушение впервые, на учете в ПДН не состояли. Обвинение предъявлено по ст. 158 УК РФ, ч. 2, п. «а» (группой лиц) и п. «в» (с незаконным проникновением (в автомобиль)) и ст. 325 УК РФ (хищение документов).

Потерпевшей стороной был признан гражданин 42 лет, майор в отставке, проживающий в одном из военных городков Нижегородской области. В момент совершения правонарушения он оформлял документы для командировки в Чечню.

Информация о правонарушении поступила в Дзержинский правозащитный центр от преподавателя граждановедения средней школы № 2, в которой учится один из подростков-правонарушителей. Руководитель этого центра Э.З. Фельдштейн и координатор проекта «Партнерство за восстановительную юстицию в России» Центра «Судебно-правовая реформа» (г. Дзержинск) Т. Н. Лайша пригласили подростков и их родителей на предварительную встречу, которая состоялась в помещении Центра. На приглашение откликнулись все четверо правонарушителей и две мамы. Подростки выразили готовность принять участие в примирении с потерпевшим (в случае его согласия), признав свою неправоту и желая каким-то образом возместить нанесенный материальный и моральный ущерб.

После предварительной встречи необходимо было увидеться с потерпевшим, чтобы получить его согласие на примирительную встречу. Информация о том, кто является потерпевшим, была получена от правонарушителей и от начальника следственного отдела, который хоть и скептически, но с пониманием отнесся к идее проведения программ примирения между жертвами и правонарушителями. Следует отметить, что координатор ранее не была знакома с начальником следственного

отдела, и их первая встреча состоялась при посредничестве заместителя начальника ПДН 1 ОМ Н. В. Корнеевой. Наталье Викторовне уже были известны принципы восстановительного правосудия, и незадолго до описываемых событий она включилась в работу по проекту «Партнерство за восстановительную юстицию в России».

Однако организовать встречу координатора и потерпевшего оказалось достаточно сложно: майор проживал в военном городке, расположенном в 20 км от г. Дзержинска, и никто из правонарушителей не знал, как с ним возможно связаться. В следственном отделе координатору объяснили, что не имеют права разглашать информацию о месте жительства потерпевшего, но пообещали предоставить номер его домашнего телефона, если майор разрешит. Через несколько дней следователь, в чьем производстве находилось это дело, сообщил номер телефона майора.

Координатор позвонила потерпевшему, рассказала о воспитательном значении примирительных встреч для подростков, о задачах, которые решаются в программах ВП (восстановление справедливости и возмещение причиненного ущерба), и предложила ему встретиться с подростками и их родителями. Майор, несмотря на свою занятость, сразу согласился, поскольку был заинтересован в возмещении материального ущерба. Он также принципиально выступал против того, чтобы «судиться с детьми».

Приглашением участников на примирительную встречу занимались координатор и мать одного из подростков, которая первой обратилась за помощью. Как потом выяснилось, именно в этой семье отношения между подростком и его родителями были наиболее напряженными. 17 октября 2000 года состоялась примирительная встреча, на которой присутствовали потерпевший, подростки-правонарушители, а также матери двух и родная тетя третьего подростка, родители которого временно проживают в другом городе. Все трое – из полных семей. Четвертый подросток на момент совершения правонарушения и проведения примирительной встречи проживал вместе с 20-летним братом и бабушкой (мать живет в другом городе); ни брат, ни бабушка на встречу не пришли. Пришла также адвокат одного из подростков.

В роли ведущих выступили Т. Лайша – профессиональный психолог, координатор проекта «Партнерство за восстановительную юстицию в России» (г. Дзержинск) и Д. Ильин – студент юридического факультета, юрисконсульт Дзержинского правозащитного центра.

С согласия участников Л. В. Самохвалова, сотрудник правозащитного центра, вела стенограмму, где фиксировались ход встречи и некоторые высказывания, а имена участников были зашифрованы.

Ход встречи

1. Ведущая предложила потерпевшему выступить первым, но он изъявил желание сначала выслушать нарушителей. Однако тут же сам начал с возмущением говорить о том, какие неудобства и материальные затраты он понес из-за отсутствия документов, и что их крадут уже второй раз в его жизни. Подростки слушали, не перебивая.

2. У ведущих сложилось впечатление, что ребята понимают справедливость предъявленных обвинений и что потерпевший тоже чувствует их состояние и видит искреннее раскаяние. Вероятно, поэтому достаточно быстро агрессия и обида, проявляющиеся в поведении майора, сменились интересом к подросткам. Он стал обращаться к каждому в отдельности, желая понять мотивы его поступка и уточнить детали происшедшего. Ведущая оценила это как сигнал к началу конструктивного диалога.

3. Ведущий предоставил слово правонарушителям, подчеркнув при этом факт ущерба, нанесенного потерпевшему.

4. Высказывания правонарушителей:

И-н. – Принес извинения, сознался в непонимании причиненных потерпевшему неприятностей, сказал, что не думал о последствиях. При этом выглядел очень взволнованным.

А-й – Заявил, что не сговаривались, просто увидели и решили пошалить. Когда вызвали в милицию, осознал, что пошалили неудачно и что это не просто шалость. Говорил больше других, не терял самообладания.

А-р – Сказал, что раскаивается в содеянном. Выглядел очень растерянным, говорил мало.

В. – Оправдывался, утверждая, что сразу отнес паспорт обратно в машину.

И-н – Сильно волнуясь, еще раз признался, что виноват, и предложил помочь потерпевшему.

5. Потерпевший, выслушав их, сказал, что не стремился возбудить уголовное дело, и в настоящий момент хочет лишь получить возмещение материального ущерба. Это прозвучало так, словно он оправдывался.

6. На встрече присутствовали две мамы и тетя правонарушителей. Их заранее предупредили, что на встрече они будут иметь возможность высказаться только с разрешения ведущих. Обе мамы очень эмоционально реагировали на происходящее: мама А-ра тихо плакала, а мама И. все время порывалась заговорить, но ведущие ее останавливали. Однако через некоторое время ее «прорвало», она начала восклицать, что они (родители) теперь тоже потерпевшие, так как будущее их детей находится под угрозой, и стала призывать «войти в их положение». Потерпевший после ее слов снова начал оправдываться, а ведущая программы сказала, что чувства родителей очень естественны и что Ф. И. (потерпевший) согласился на эту встречу, поскольку понимает их состояние, ведь у него тоже есть дети.

7. На встрече присутствовала также адвокат одного из подростков (И-на). Ее также предупредили о возможности высказываться только с разрешения ведущих. Но она и сама активности не проявляла и только задавала вопросы, касающиеся размера материального ущерба, и пыталась уменьшить названную им сумму (500 рублей – расходы на ГАИ и на проезд в общественном междугороднем транспорте без пенсионного удостоверения). Ведущая восприняла это как давление и проявление несправедливости по отношению к потерпевшему, поэтому, когда он согласился на 450 рублей, она настояла на первоначальной сумме в 500 руб. К сожалению, следует признать, что ведущие плохо представляли себе роль адвокатов со стороны правонарушителей в программах ВП, к тому же не встречались с ними до примирительной встречи. Последующие встречи ведущей с адвокатом И-на заставили еще больше сожалеть об этом, поскольку ведущая убедилась в высоком профессионализме и порядочности этого специалиста. В настоящее время Нижегородское Отделение ЦСПР, созданное в Дзержинске, установило контакты с Нижегородской коллегией адвокатов, знакомит с идеями восстановительного правосудия ее членов и работает над вопросом возможной роли и целесообразности включения защитника в процесс ВП.

8. Примирительная встреча длилась около двух с половиной часов. Перелом в ходе встречи наступил после эмоционального высказывания мамы И., приведенного выше, и высказываний второй мамы о том, как ей стыдно за своего сына. Обратившись к своему ребенку, она сказала примерно следующее: «Как ты мог посягнуть на чужое? Твой отец всю жизнь работает на ответственных должностях, но он ни разу не позволил себе воспользоваться служебным положением! Для нашей семьи большой позор то, что ты совершил. Мы с отцом заболели, когда узнали об этом».

9. Дальнейшая беседа между участниками встречи проходила без крика и неприязни. Подростки так высказали свое отношение к случившемуся:

В. – Нам стыдно, что мы причинили неудобства, больше не хотим связываться с такими делами.

А-р – Я даже рад, что нас поймали. Это урок на всю жизнь. Я задумался о том, что натворил, сразу, а тут еще задержали. Мы осознали, сколько хлопот доставили владельцу автомобиля, и поняли, как тяжело оказаться в такой ситуации.

И-н – Трудно говорить. Понимаю, что виноват. Очень много проблем теперь у меня и у Ф. И. (потерпевшего). Страшно даже подумать, что сделали. Больше на чужое рука не поднимется.

А-й – Благодарим Вас (обращается к потерпевшему), что Вы пришли на встречу с нами. При таком общении мы получили урок, осознали, какой ущерб Вам причинили. Нам очень стыдно.

10. Потерпевший отказался от какой-либо отработки, и родители отдали ему в качестве компенсации материального ущерба 500 рублей. По требованию адвоката майор написал расписку в получении денег.

11. Был составлен и подписан примирительный договор, в котором

- говорилось, что правонарушение совершено 8 сентября 2000 года;
- указывались фамилии, имена и отчества обвиняемых и потерпевшего;
- было предъявлено обвинение по ст. 158 (ч. 2, п. «а» и «в») и 325 УК РФ;
- давалось определение совершенной несправедливости и нанесенного ущерба, а именно: кража из автомобиля аудиокассет, колонок и документов потерпевшего.

В пункте о восстановлении справедливости говорилось: «Потерпевший принял извинения от обвиняемых. Обвиняемые искренне раскаялись в содеянном, попросили прощения у потерпевшего и предложили отработку в качестве компенсации материального ущерба.

Мы договорились, что ущерб от неудобств, причиненных кражей документов, лучше возместить деньгами в размере пятисот рублей. Возмещение ущерба в виде физической работы не требуется ввиду скорого отъезда потерпевшего».

О дальнейших намерениях сказано: «Мы поняли, что у участников встречи (правонарушителей) существуют следующие проблемы: непонимание, что своей шалостью они могут причинить ущерб другим людям и что за «шалости» придется отвечать перед законом».

Участники договорились о проведении следующей встречи, она необходима для того, чтобы придать процессуальную форму факту примирения сторон.

12. Представляется важным упомянуть о моменте, характеризующем отношение родителей к самой примирительной встрече. После окончания встречи к ведущей подошли мама А-ра и тетя А-я и выразили свою признательность за то, что им была предоставлена такая возможность. Они сказали, что считают эту встречу очень важной для подростков, независимо от того, как решится их судьба в правоохранительных органах.

13. Когда ведущая принесла примирительный договор следователю, который вел данное дело, он отказался рассматривать факт примирения, заявив, что ему не важно, какие программы мы проводили, и что примирения по статье 158 быть не может. Справедливости ради отметим, что следователь беседовал вполне корректно, не раздражаясь в ответ на настойчивые и эмоциональные высказывания ведущей (координатора проекта в г. Дзержинске) о необходимости особого – ювенального – подхода к правонарушениям несовершеннолетних.

14. Ведущая программы знала, что, поскольку сотрудники общественной организации не являются процессуальными лицами, примирительный договор следствию представляют потерпевший, правонарушители или адвокаты, однако посчитала необходимым лично сообщить о факте проведения примирительной встречи. Этот шаг оказался оправданным: следователь отказался приобщить к

уголовному делу примирительный договор от адвоката и родителей, высказав предположение, что они могли просто «купить» потерпевшего и что по данной статье примирение невозможно.

Дальнейшие переговоры пришлось вести самой ведущей. Она обратилась к начальнику следственного отдела, который без энтузиазма отнесся к факту примирения. После долгого и эмоционального разговора он посоветовал обратиться к зам. прокурора К.М. Шапкину.

Константин Михайлович, который ранее был участником семинара по восстановительному правосудию (в Москве, в ноябре 1999 года), выслушал доводы ведущей с пониманием. Он ознакомился с материалами дела и дал указание объективно оценить ущерб от кражи аудиокассет и кассет, которые не были новыми. В уголовном деле ущерб был оценен в 135 рублей. По заключению экспертов Торгово-промышленной палаты, стоимость украденного не превышала размера минимальной з/п на тот период времени (октябрь 2000г. – 83 рубля 49 коп.). После этого следователь согласился передопросить потерпевшего и взять у него новые показания. Потерпевший заявил, что украденные документы и колонки с кассетами не представляют для него ценности, а автомобиль не был заперт². В результате данное уголовное дело было прекращено со следующими формулировками: «за малозначительностью ущерба отсутствует состав уголовно наказуемого деяния» и «похищены документы, не имеющие особой ценности», то есть в связи с отсутствием состава преступления на основании ст. 5, п. 2 УПК РСФСР.

Примирительный договор, подписанный участниками примирительной встречи, не был приобщен к делу в виду отсутствия на тот момент документально закреплённых договорённостей об алгоритме проведения ПП между правоохранительными органами г.Дзержинска и общественными организациями, проводившими программу. Однако, как прокомментировал этот случай зам. прокурора К.М. Шапкин, «данная программа примирения подтолкнула следствие к более объективной оценке размера уголовно наказуемого ущерба и тем самым способствовала более справедливому разрешению криминального конфликта. Если бы не было этой программы, возможно дело было бы направлено в н.суд и эти ребята получили бы реальный или условный срок».

Замечательным представляется тот факт, что после примирительной встречи потерпевший встал на сторону подростков. Он сам обратился к следователю с просьбой взять с него новые показания, хотя для этого надо было специально приезжать в Дзержинск, а он занимался срочным оформлением документов для командировки. И когда следователь ему отказал, мотивируя вышеназванными причинами, потерпевший предложил родителям подростков написать заявление, в котором подтвердил, что не имеет никаких претензий к обвиняемым. Такое поведение потерпевшего может показаться слишком заинтересованным и мотивированным какими-либо скрытыми причинами, например, гораздо более значительной суммой компенсации материального ущерба, чем та, что записана в примирительном договоре. И в этом случае нам очень трудно строго аргументированно подтвердить или опровергнуть данную гипотезу. Поэтому, основываясь только на собственных ощущениях и впечатлениях непосредственного участника событий, ведущая считает, что дополнительной платы потерпевшему со стороны родителей подростков не было.

15. Что же касается позиции следователей, то, как поняла ведущая программы в процессе взаимодействия с ними по данному делу, они «люди подневольные» и прекращение дела у них квалифицируется как брак в работе, за который «по головке не погладят». Таким образом, наш опыт взаимодействия со следствием подтвердил предположения, высказанные М. Флямером по поводу неоднозначности отношения представителей правоохранительных органов к программам примирения потерпевшего и несовершеннолетнего обвиняемого³.

Продолжение программы

Примирительная встреча состоялась 17 октября 2000 года, а 22 декабря того же года была проведена повторная встреча ведущих программы примирения и подростков-правонарушителей. Дело в том, что подростки (со слов мамы-организатора, которая первой обратилась за помощью, узнав от педагогов о программах восстановительного правосудия) захотели еще раз встретиться с ведущими – якобы для того, чтобы поблагодарить их. Но по ряду причин эта встреча откладывалась. И только тогда, когда мама-организатор снова обратилась, открыто сказав о трудностях ее взаимоотношений с сыном И-ном и высказав опасение, что он может опять совершить правонарушение, решили срочно провести встречу.

Предварительных встреч с каждым из подростков не проводилось; пригласили только самих ребят, без родителей, поскольку их присутствие могло помешать откровенному разговору. Кроме ведущих и подростков во встрече принимали участие руководитель правозащитного центра Э. З. Фельдштейн, психолог и социальный педагог школы № 2, где учится И-н. Один из ребят прийти не смог: вскоре после прекращения уголовного дела мать забрала его к себе в Самару. Во время встречи ведущим удалось создать атмосферу доверия и сотрудничества. Беседа продолжалась около двух часов, и высказывания становились все более конструктивными. Однако уже в самом конце некоторые реплики социального педагога и ее излишне критичная позиция чуть было не разрушили возникшее взаимопонимание. Возможно, это произошло из-за отсутствия у молодой девушки-педагога опыта общения с «взрослыми» подростками; к тому же она лишь теоретически была знакома с идеями восстановительного правосудия. К счастью, возникшее напряжение удалось преодолеть. Были достигнуты следующие договоренности:

1. Подростки зарабатывают деньги и отдают их родителям в качестве компенсации ущерба потерпевшему. В трудоустройстве им поможет Дзержинский правозащитный центр.
2. Школьный психолог проконсультирует И-на, как установить нормальные отношения с родителями.
3. А-ю отделение Центра «Судебно-правовая реформа» (в лице ведущей программы примирения) поможет наладить отношения с мастером в техникуме, где он учится.

Описанный опыт проведения примирения на этапе следствия и ситуация повторной встречи заставляют задуматься о некоторых важных моментах, влияющих на результаты подобных программ:

- Координатор программы примирения не должен питать излишних иллюзий по поводу готовности следствия и прокуратуры к сотрудничеству, с достаточной долей объективности представляя их внутренние правила и профессиональные интересы.
- Экстраполируя наш случай на обычные ситуации взаимоотношения подростков с родителями и педагогами, можно предположить, что реабилитационно-поддерживающие мероприятия для правонарушителей в ходе программ или разовая помощь (хотя бы индивидуальные консультации) нужны в большинстве случаев.
- Повторная встреча подростков-правонарушителей и ведущих с участием социального педагога и психолога выявила необходимость специальной подготовки социальных педагогов, привлекаемых к работе в программах примирения.

² Здесь фактически и произошел «развал» дела. Потерпевший изменил показания и тем самым произошло разрушение доказательственной базы обвинения. Здесь можно также наблюдать противоречие между юридической стороной дела и тем, что происходило на встрече – *прим. авторов комментария.*

³ *Флямер М.* Вестник восстановительной юстиции, вып. 1. Опыт Центра «СПР» по включению процедур примирения в уголовное правосудие (комментарий к алгоритму). С. 49, 50.

группа из Г. дзержинска

Сидят (слева направо):

Заря Сергей Алексеевич – руководитель Общественного Фонда «Братство» (помощь заключенным).

Фельдштейн Эмма Захаровна – руководитель Общественной Организации «Дзержинский правозащитный центр».

Лайша Татьяна Николаевна – руководитель Нижегородского областного отделения Центра «Судебно-правовая реформа».

Стоят (слева направо):

Грицик Татьяна Валентиновна – отделение Центра «Судебно-правовая реформа», координатор проекта «Партнерство за формирование восстановительной юстиции в России».

Егорова Татьяна Владимировна – исполнительный директор Нижегородского областного отделения Центра «Судебно-правовая реформа».

Лайша Елена Константиновна – социальный педагог, технический работник проекта «Партнерство за формирование восстановительной юстиции в России».

Ильин Дмитрий Владимирович – юрист, ведущий программ примирения.

Л. Карнозова

Сотрудничество Центра «Судебно-правовая реформа»
с Черемушкинским межмуниципальным судом г. Москвы

Дело Р.: программа примирения подсудимого и потерпевшего

Участники примирительной встречи

Правонарушитель – Р., 17 лет, сирота (родители лишены родительских прав). Рос на улице, затем был помещен в приют. В настоящее время учится в ПТУ, живет в общежитии. Не судим.

Законный представитель – мастер ПТУ.

Потерпевший – К., 15 лет.

Законный представитель – отец.

Ведущие – Л. Карнозова и А. Коновалов.

Социальный работник – Н. Марченко.

Дело передано из Черемушкинского межмуниципального суда г. Москвы.

Фабула дела

В 19.30 Р., гуляя с группой сверстников, в состоянии алкогольного опьянения нанес удар коленом в лицо шедшему мимо незнакомому подростку К., причинив ему телесные повреждения (гематома носа, трещина правой носовой кости). Потерпевшему пришлось несколько дней провести в больнице. Обвинение предъявлено по ст. 213 ч. 1 УК РФ (хулиганство – преступление небольшой тяжести).

Предварительные встречи

На предварительной встрече Р. признал факт драки, но оправдывался тем, что был пьян и не мог контролировать свое поведение. При этом уверял присутствующих, что он не алкоголик, выпивает нечасто, и произошедшее было случайностью. О том, что ударил незнакомое мальчика без всякого повода с его стороны, говорил с большим сожалением. Выражал намерение попросить прощения, компенсировать нанесенный вред материально за счет собственных сбережений (помимо учебы он еще работает).

Конечно, ведущие должны отдавать себе отчет, что обвиняемый (подсудимый), который признался в содеянном, чаще всего заинтересован в примирении, поскольку связывает с ним надежду на смягчение наказания. Это естественный мотив, который, однако, ни в коей мере не является препятствием для программ восстановительного правосудия, скорее – их условием, которое нужно принимать.

Родители потерпевшего и сам К. были настроены миролюбиво. По их словам, в ходе следствия они просили вернуть заявление и прекратить дело, однако следователь объяснил, что не имеет права возвращать заявление по возбужденному делу публичного обвинения. К сожалению, он не добавил, что дело может быть прекращено в случае примирения сторон.

В соответствии со ст. 46 и 53 УПК РСФСР следователь с формальной точки зрения может и не разъяснять сторонам суть «права на примирение»: в этих статьях дан конкретный перечень прав, о которых необходимо информировать стороны. Однако согласно ст. 9 УПК РСФСР, где речь идет о возможности прекращения дела в отношении определенной категории лиц, к которой и относился Р. (в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой тяжести), и ст. 19 УПК РСФСР, гарантирующей обвиняемому право на защиту установленными законом средствами и способами (о чем говорится и в ст. 46 УПК РСФСР), в данном случае следователь должен был рассказать сторонам о праве на примирение и его юридических последствиях.

Вообще говоря, термина «право на примирение» в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве нет, это естественное право человека, которое он может реализовать безотносительно к юридической квалификации совершенного им деяния. Беда в том, что люди, попадающие в сферу уголовного судопроизводства, тем более впервые, нередко забывают о своих естественных правах и практически не осведомлены о правах процессуальных. К тому же стороны разделены враждой, что мешает их непосредственному контакту, поэтому именно уголовное судопроизводство рассматривается (по крайней мере, потерпевшими) как способ разрешения конфликта. В результате следователь обязан «содействовать обвиняемому и подозреваемому в реализации его права на защиту путем разъяснения их процессуального положения»¹, а ст. 9 УПК РСФСР задает особое процессуальное положение сторонам по преступлениям небольшой тяжести, если обвиняемый совершил противоправное деяние впервые. Введенная в российское уголовное законодательство ст. 76 (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением, процедура которого указана в ст. 9 УПК РСФСР) поставила применение этого вида освобождения от уголовной ответственности в зависимость от волеизъявления потерпевшего². Как видим, потерпевший и его законный представитель в деле Р. изъявили желание прекратить дело, и по закону его можно было закрыть в связи с примирением, однако

для следователя такой исход невыгоден: качество его работы оценивается количеством дел, переданных в суд, в то время как прекращенные дела служат отрицательной характеристикой.

Потерпевший и его законные представители (родители) уже на предварительной встрече с ведущими выразили готовность к примирению. Родители мотивировали это нежеланием отправлять нарушителя в колонию и необходимостью мирно уладить дело между ребятами, никаких материальных требований не предъявляли. К. был настроен миролюбиво, ему не хотелось (возможно, было неприятно) вспоминать подробности события пятимесячной давности.

Предварительной встрече с потерпевшим предшествовал неприятный для нас эпизод. По телефону мы договорились с мамой и К. о встрече. В условленном месте мы прождали больше часа, но безрезультатно. Впоследствии выяснилось, что они собрались на встречу, но потом испугались (поскольку о нашей организации и программах примирения узнали только из телефонного разговора с ведущими, никакого официального подтверждения у них не было) и поехали на работу к отцу К. (работнику милиции), чтобы рассказать о нашем предложении и принять решение. Встретиться удалось лишь на следующий день. Отец К. отнесся к идее примирения положительно, а к нам – с доверием. Анализируя эту ситуацию и еще несколько случаев, где первоначальный контакт с потерпевшими оказался затруднен из-за неинформированности людей о программах восстановительного правосудия, было решено по возможности предварительно уведомлять их официальным письмом, содержащим некоторые сведения о нашей организации и целях программы. Нужно учитывать, что неожиданное предложение о проведении примирения способно напугать жертву, поскольку оно не исходит от известной официальной структуры и может быть воспринято как давление со стороны правонарушителя.

Примирительная встреча

Исходная установка К. и его родителей на примирение привела к тому, что фаза выражения чувств со стороны потерпевшего заняла немного времени. К. коротко рассказал о случившемся – как он упал после неожиданного удара, как было обидно и больно, – но говорить подробно о своих переживаниях настроен не был. С момента совершения преступления до примирительной встречи прошло почти пять месяцев, негативные эмоции ослабели, и мы не считали нужным их искусственно усиливать.

Отец К. (сам сотрудник милиции) рассказал, как он был возмущен случившимся и каких огромных усилий стоило ему найти Р., поскольку в местном отделении милиции в приеме заявления ему отказали, мотивируя тем, что разыскать обидчика не смогут (Р. был из другого района, здесь его никто не знал, к тому же он быстро убежал с места происшествия). Но отец потерпевшего в конце концов нашел Р., и уголовное дело было заведено. Однако этого, с его точки зрения, вполне достаточно, чтобы обидчик понял, что совершил преступление, и осознал вину за содеянное; применять же к нему уголовное наказание не нужно, и поэтому еще на следствии он и вся его семья – сам К. и его мать – хотели, чтобы уголовное дело было закрыто.

Стоит обратить внимание на такое двойственное отношение потерпевших и родителей пострадавших детей к несовершеннолетним правонарушителям (с этим феноменом ведущие программ примирения сталкивались неоднократно): с одной стороны – первая сильная эмоциональная реакция на несправедливость, которая выражается в жажде мщения, поскольку пострадавшему невыносима мысль о безнаказанности обидчика; с другой, как нередко оказывается впоследствии, речь идет не о мести, не о наказании провинившегося, а именно о привлечении его к ответственности, к осознанию, что он причинил страдание или убыток, к раскаянию и реальному возмещению нанесенного ущерба³. «Я не жажду крови. Парень оступился, я

скажу, что претензий к нему не имею», – заявил в разговоре с нами перед судебным заседанием по другому делу (о краже в магазине) начальник службы безопасности, представлявший потерпевшую сторону. Правда, узнав, что подсудимый совершил правонарушение в третий раз, он изменил свою позицию. (К сожалению, по данному делу программа примирения проведена не была: слишком поздно дело было получено. Трансформация позиции жертвы нередко происходит именно в ходе встречи с обидчиком.)

Р. объяснил свой поступок тем, что не контролировал себя, поскольку был в состоянии алкогольного опьянения. Теперь он, по его словам, если случается выпить, на улицу не идет, а ложится спать. Сказал, что испытывает стыд и раскаяние. Р. почувствовал, что зла на него не держат, еще до того, как спросил об этом: «Ведь ты меня простил, да?» Ведущим пришлось специально «замедлить» процесс, чтобы Р. все-таки произнес слова извинения (было видно, что он не приучен просить прощения, слова давались ему с трудом). Никаких материальных претензий у потерпевшего и его законного представителя не было. Само примирение (принятие извинения потерпевшим) произошло довольно быстро, и основная часть встречи была посвящена вопросу о том, что нужно сделать, чтобы со стороны Р. подобные поступки не повторялись.

В большинстве случаев такого рода поведение провоцируется наличием свободного времени, которое в среде Р. (ПТУ, общежитие) заполняется употреблением спиртных напитков. Прежде Р. занимался спортом (и тогда не пил), но теперь такой возможности нет, поскольку спортивные секции стоят немалых денег, а его заработок составляет около 300 рублей в месяц.

Р. говорил о своих планах на будущее (получение профессии, работа, создание семьи). Большую активность в обсуждении этого вопроса проявил отец потерпевшего. Среди недостатков он назвал то, что в роли воспитателей мальчиков-сирот и в ПТУ, и в общежитии выступают женщины (одна из женщин – мастер ПТУ – присутствовала на примирительной встрече, и возникла неловкая ситуация), однако никаких предложений относительно изменения такого положения не внес. Что касается условий жизни Р., то здесь обнаружены как положительные моменты (обучение в ПТУ, после получения первой специальности – обязательное обучение второй специальности в другом училище; наличие квартиры, которую государство дает воспитанникам детдомов), так и отрицательные, которые касаются привычек, окружения и способов проведения свободного времени. К сожалению, участникам не удалось окончательно разрешить ситуацию, связанную с частым употреблением спиртных напитков, хотя рассматривались некоторые варианты организации досуга Р.

Заинтересованность чужих людей в его судьбе, великодушие потерпевшего, благодаря позиции которого уголовное дело в суде было закрыто, само обсуждение на примирительной встрече, как представляется, дали Р. положительный импульс.

Юридические последствия

Результатом встречи стало составление договора, который был передан адвокату Р. и по его ходатайству приобщен судьей к материалам дела. Суд состоялся примерно через месяц после проведения программы, дело прекращено в связи с примирением. Это первый в практике нашего Центра случай прекращения уголовного дела, в котором судья опиралась на примирительный договор.

Описанное дело – одно из весьма немногих, которые по закону могут быть прекращены в связи с примирением (дела в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой тяжести). Как свидетельствует уголовная статистика (и наш опыт), наибольшее число правонарушений, совершенных подростками, приходится на кражи (которые относятся к преступлениям средней тяжести и тяжким – в зависимости

от квалифицирующих признаков). По исследованиям Г. И. Забрянского, решения о прекращении дел в связи с примирением выносятся судами редко, поскольку число правонарушителей, на которых распространяется такая возможность, довольно мало по отношению к общему количеству несовершеннолетних, дела которых рассматриваются судами⁴.

В дальнейшем (в том числе и после суда) социальный работник несколько раз связывалась по телефону с самим Р., его мастером в ПТУ и социальным педагогом в общежитии. Отрицательных отзывов нет.

Особенности дела

Пожалуй, основная отличительная черта данного дела состоит не в каких-то нетривиальных затруднениях и способах их разрешения в ходе примирительной процедуры и не в юридических последствиях, а в том, что программа примирения стала способом, который помог жертве реализовать установку на прекращение дела, поскольку разделенные конфликтом стороны не могли вступить в контакт. Чтобы закрыть дело данной категории, довольно редкое в судебной практике, недостаточно одного только желания потерпевшего: согласно закону, здесь необходимо именно *примирение*. В данном случае мы действительно оказались «в нужное время в нужном месте». После того как дело было прекращено, нас благодарили не только Р. и его законный представитель, но также К. и его родители.

Взаимодействие Центра «Судебно-правовая реформа» с судом

В 1999 году началось сотрудничество Центра «СПР» с Черемушкинским межмуниципальным судом г. Москвы, которое предусматривало привлечение социального работника и передачу дел о преступлениях несовершеннолетних на программы восстановительного правосудия (ВП). Работа строилась в экспериментальном режиме⁵; проведено пять программ ВП⁶. В мае 2000 года с судом был заключен договор о сотрудничестве, закрепивший эти отношения. В настоящее время дела для программ примирения мы получаем в основном от судьи Т.Р.Захаровой.

С сентября 2000 года работа с судом была продолжена в рамках проекта «Восстановительное правосудие в России: технология взаимодействия общества и государства» (руководитель проекта – Р.Максудов, координатор по работе с судом – Л.Карнозова, социальный работник – Н.Марченко). За основу сотрудничества Центра с судом взят «Юридический алгоритм деятельности социального работника по уголовным делам несовершеннолетних в суде», предложенный А.Грасенковой и являющийся частью упомянутого договора. В настоящее время этот алгоритм уточняется и корректируется.

Когда дело касается несовершеннолетних обвиняемых, юристы-практики, с которыми мы сотрудничаем⁷, выражают свою заинтересованность главным образом в социальной работе⁸, поскольку нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства имеют определенную специфику, предопределившую появление подобной позиции в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних. Во-первых, речь идет о расширении *предмета доказывания*: при производстве предварительного следствия и судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних соответствующими органами рассматривается значительно более широкий круг обстоятельств, нежели при следствии по преступлениям взрослых. Необходимо также выяснить условия жизни и воспитания подростка, причины, спровоцировавшие преступление (ст. 392 УПК РСФСР). Во-вторых, нужно учитывать специфику *уголовной ответственности*. Так, в отношении несовершеннолетних,

впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, предусмотрена возможность *освобождения от уголовной ответственности* с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ, ст. 8 УПК РСФСР) – как видим, прекращение дел на этом основании охватывает больший массив правонарушителей, нежели в связи с примирением. Кроме того, в соответствии со ст. 401² УПК РСФСР суд при вынесении приговора несовершеннолетнему *обязан* рассмотреть варианты условного осуждения, назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также освобождения от ответственности в случаях, когда исправление правонарушителя может быть достигнуто иными способами (ст. 92 УК РФ). Поэтому при вынесении приговора несовершеннолетнему помимо общих начал суд руководствуется специальными нормами, обязывающими учитывать *особенности личности несовершеннолетнего, обусловленные его возрастом и условиями жизни и воспитания* (ст. 89 УК РФ). Но в таких ситуациях должны быть веские основания, чтобы суд сделал вывод о возможности исправления осужденного без отбывания наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ – «Условное осуждение») – путем применения санкций, альтернативных лишению свободы, или мер воспитательного воздействия, освобождающих от уголовной ответственности либо от наказания.

Перечисленные законодательные предписания заставляют суд стремиться к получению подробной и объективной информации о несовершеннолетнем подсудимом и его окружении и соответственно о реальных перспективах исправления подростка при использовании программ реабилитации. Однако сегодня круг лиц, предоставляющих данные о подростке, и способы получения подобных сведений являются достаточно формальными и не отвечающими даже тем гуманистическим целям, которые провозглашаются в действующем российском законодательстве⁹. Именно поэтому социальный работник рассматривается заинтересованными судьями, прокурорами и следователями, во-первых, как дополнительный источник достоверной информации, а во-вторых, как фигура, способная обеспечить позитивный эффект некарательного реагирования государства на преступление подростка за счет проведения программ реабилитации. Широко распространенное в нашей судебной практике условное осуждение часто воспринимается подростками как возможность избежать наказания и без подкрепления специальной социально-реабилитационной работой не несет в себе собственно исправительного заряда.

Заинтересованность судьи Т. Р. Захаровой именно в деятельности социального работника помогла программам примирения правонарушителя и жертвы (в уголовно-процессуальных терминах применительно к делам, попавшим в суд, – подсудимого и потерпевшего) стать дополнительным элементом гуманистического подхода в правосудии по делам несовершеннолетних¹⁰. Социальная работа становится связующим звеном, позволяющим программам ВП проникать в действующее уголовное правосудие, а с точки зрения суда специфические для восстановительной юстиции программы (такие, как примирение правонарушителя и жертвы) вписываются в общий контекст социально-реабилитационного процесса.

Данное обстоятельство не означает, что предлагаемый путь – передача дел в программы примирения через социального работника – единственная схема взаимодействия Центра «СПР» с судом. Оно лишь указывает на те условия, в которых начиналась наша работа, и на реальные потребности, которые *могут появиться* (а сегодня имеются у немногочисленных приверженцев гуманистических ценностей) у представителей уголовного судопроизводства, ориентированных на соблюдение законодательных предписаний. Тем не менее *полная структура* процесса восстановления при работе с несовершеннолетними правонарушителями, скорее всего, предполагает участие социального работника (либо выполнение его функций), что обусловлено, во-первых, особенностями контингента, а во-вторых, спецификой

конечных решений, принимаемых относительно обвиняемых и подсудимых в рамках уголовного процесса, – решений, от которых действительно зависит дальнейшая судьба подростка.

Что касается особенностей контингента, то среди семнадцати подростков, информация о которых поступила в Центр в период с сентября 1999 года по январь 2000 года, у семи человек (41%) экспертиза выявила задержку психического развития (что отражено в материалах дела), тринадцать (77%) состоят на учете в ПДН, девять (53%) – на учете в наркологическом диспансере. Одиннадцать подростков (65%) из неполных семей, трое (17,6%) судимы не в первый раз. Дисфункциональные семьи отдельно не названы, однако в большинстве семей, с которыми мы имели дело, нарушены условия реализации базовых функций¹¹: конфликты между родителями, конфликты детей с родителями, отсутствие у детей позитивных образцов, родительского авторитета, эмоциональных привязанностей, в некоторых семьях отец бьет (или бил, когда жил с семьей) жену и детей, и пр.¹² Именно неблагоприятные «социальные атомы» провоцируют криминальное поведение несовершеннолетних (естественно, здесь нет однозначной предопределенности). Поэтому некарательная юстиция предполагает не замену лишения свободы либеральным попустительством, а *формирование равномогущих тюрьме инфраструктур*, позволяющих адекватно реагировать на преступления несовершеннолетних, учитывая и потребность подростка в нормальных условиях жизни и развития, и необходимость обеспечения безопасности общества. Программа восстановительного правосудия (в узком смысле), за которую отвечает ведущий, – к какому бы типу она ни относилась (примирение правонарушителя и жертвы, семейная конференция и пр.) – более локальна (хотя, безусловно, сила ее позитивного воздействия огромна), нежели сложный и нелинейный процесс восстановления системы ценностей правонарушителя, включающий как неотъемлемую составляющую общую ресоциализацию подростка, – процесс, который может инициироваться этими программами, но требует сопровождения (предполагающего возможность изменения и коррекции реабилитационных траекторий и мероприятий), а также непосредственного воспитательного воздействия и поддержки со стороны значимого взрослого¹³.

Отнюдь не все подростки требуют постоянного внимания со стороны социального работника; безусловно, есть и случайные преступления, и более или менее благополучные семьи, которые могут вполне эффективно выполнять функцию воспитания и контроля. То есть *социально и реабилитационно значимая поддержка* правонарушителя не обязательно должна осуществляться социальным работником¹⁴.

Интересно посмотреть на решения, принятые судом относительно упомянутых подростков: условное лишение свободы – 14 человек (82%), реальное лишение свободы – 1 (6%), обвинительный приговор с последующей амнистией – 1 (6%), прекращение дела в связи с примирением – 1 (6%), освобождение от уголовной ответственности с использованием принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) – 0. Оказалось, что специфическое именно для несовершеннолетних наказание – прекращение уголовного дела с применением принудительных мер воспитательного воздействия – ни разу не было востребовано. Речь идет о мерах, перечисленных в ст. 90 и 91 УК РФ: предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению. Очевидно, что для применения таких санкций у суда должна быть уверенность в наличии надежного социального контроля со стороны семьи, ближайшего окружения и т.п., в противном случае никакого «воспитательного воздействия» эти меры не окажут. Значит, по мнению суда, семьи и ближайшее окружение этих подростков таковы, что сами по себе, без дамклова меча

условного осуждения они не могут служить достаточным условием для исправления подростков.

Из 13 дел (17 подростков) 6 дел (по 6 подросткам) были приняты для проведения примирения. Причина того, что на программы примирения попадают не все дела, не в жестких критериях отбора (судья Захарова передает социальному работнику практически все дела по несовершеннолетним), а в других обстоятельствах, таких как нежелание подсудимых участвовать в программе, состоявшееся без нашей помощи примирение и возмещение ущерба, а также (в ряде случаев) невозможность разыскать подростка. Вполне вероятно, что впоследствии появится необходимость определения принципов отбора дел; пока есть лишь предварительные соображения, которые высказывались участниками проекта: не работать с наркоманами, психически больными или криминально зараженными подростками. Эти ограничения диктуются тем, что ведущие программ пока не умеют взаимодействовать с перечисленными категориями лиц. Однако практика показывает, что для выяснения, относится ли подросток к их числу, все равно необходим личный контакт с ним социального работника, первичная диагностика, поскольку по материалам дела однозначный вывод сделать невозможно.

Из шести дел, отобранных для проведения программы, по одному удалось достичь соглашения о примирении (описанное выше дело Р.), одно в настоящее время находится в работе, остальные по разным причинам не доведены до примирительных встреч либо соглашений.

В соответствии с утвержденной схемой работы офиса Центра ведущие пишут отчеты не только по успешно завершенным программам ВП, но и по тем случаям, когда основная встреча (например, правонарушителя и жертвы) не состоялась. Анализ подобных случаев очень важен для совершенствования нашей деятельности – определения новых организационных схем, уточнения содержания, корректировки средств и техник. Поэтому центральное место в таком отчете занимает пункт под названием «извлеченные уроки».

Это не значит, что анализировать удачно проведенные программы не стоит, просто «тяжелые» дела (либо отдельные сложности), как правило, дают больше материала для размышлений. Нужно только не заниматься самобичеванием или попытками уличить коллег в некомпетентности и не перекладывать вину на объективные обстоятельства, а понять эти обстоятельства и сообразить, что можно сделать в следующий раз.

Я хотела бы рассказать о нескольких уроках, касающихся ряда организационных аспектов. Возможно, это пригодится тем, кто работает в аналогичных условиях.

Некоторые уроки

1. Сроки

Когда мы работаем с делами, полученными в суде, время становится важнейшим фактором эффективности программы примирения как формы, способствующей некарательному реагированию на правонарушение. Суд только тогда минимизирует репрессии в сравнении с тем, что было бы возможно без нашего вмешательства, если к моменту разбирательства дела удастся получить конкретные результаты: организовать встречу нарушителя и жертвы, закончившуюся не только примирительным договором, но и фактическим возмещением ущерба и заглаживанием вреда, либо наладить деятельность социального работника без использования того или иного вида программ ВП, но позволившую собрать достаточную информацию о личности подсудимого, условиях его жизни, причинах противоправного деяния, а также увидеть первые

результаты программы реабилитации, которые дают социальному работнику уверенность в правильности его рекомендаций суду, направленных на сведение карательных санкций к минимуму.

Одна из начавшихся программ примирения не была завершена только потому, что мы не рассчитали время на ее проведение. Получая дела из суда, нужно соразмерять длительность нашей работы с процессуальными сроками.

Когда дело поступает в суд, начинается процессуальная стадия – стадия назначения судебного заседания, или подготовительные действия к судебному разбирательству¹⁵. На данном этапе судья может принять решение о назначении судебного заседания или, напротив, о прекращении дела (ст. 221 УПК РСФСР). В соответствии с ч. 2 ст. 223-1 УПК РСФСР вопрос о назначении судебного разбирательства должен быть разрешен не позднее чем через 14 суток после поступления дела в суд, если обвиняемый содержится под стражей, и в течение месяца по остальным делам. На судебном заседании рассмотрение дела начинается максимум через 14 суток с момента вынесения судьей соответствующего постановления (ст. 239 УПК РСФСР). Поскольку мы пока имеем дело с подростками, *к которым не применена такая мера пресечения, как заключение под стражу*, максимальный период, в течение которого может разворачиваться комплекс работ, включающих обследование, социально-реабилитационные программы (первые шаги) и программу примирения, составляет полтора месяца¹⁶. В связи с этим в алгоритме взаимодействия с судом должны быть указаны сроки передачи дела социальному работнику (или координатору) для наиболее полного использования данной стадии процесса.

2. Организация встреч ведущего с потерпевшим

После несостоявшегося примирения по делу П., когда отец потерпевшего (подростка) не позволил ведущему даже пообщаться с мальчиком, а также ряда других случаев, где ведущие испытывали большие трудности при первоначальном контакте с потерпевшей стороной из-за отсутствия каких-либо официальных данных о программах ВП и нашей организации (см. описание дела Р.), стало ясно, что жертву необходимо специально информировать. В связи с этим было разработано (и уже опробовано) официальное «письмо потерпевшему»¹⁷, а всем ведущим программ выданы удостоверения сотрудников Центра.

«Письмо жертве» как официальное предложение Центра о сотрудничестве необходимо в первую очередь для того, чтобы снять страх и недоверие потерпевшего, не дать сформироваться предубеждению по поводу возможного давления на него со стороны нарушителя, чтобы просто-напросто «открыли дверь» (тем более, что телефоны в деле не всегда указаны). В случае же, если потерпевшей стороной является юридическое лицо (магазин, ЖЭК, телефонный узел и т.п.) мы сталкиваемся с другой ситуацией. Здесь бессмысленно разыскивать по телефону человека, который указан в деле как *представитель* (обычно со времени происшествия до момента, когда дело попадает в суд, проходит несколько месяцев, и человек, который будет выступать в суде в этом качестве, может смениться – так было, например, в деле Ч.: на телефонные поиски виртуального представителя магазина, где произошла кража, ушло время, в результате примирительную встречу до суда провести не успели, и подросток был приговорен к реальному лишению свободы¹⁸). Значительно лучше пойти непосредственно в организацию и либо найти указанного в деле представителя, либо сразу обратиться к директору (или иному руководителю) и, предъявив удостоверение (возможно и специальную «Памятку потерпевшему»), разъяснить суть программ и провести предварительную встречу.

С подсудимыми пока подобных сложностей не было, поскольку первый контакт с ними осуществляется социальным работником, который по договору с судом может быть представлен как социальный работник суда, что вызывает достаточно доверия.

В одном из дел мы уже использовали «письмо жертве» (ведущая – А. Грасенкова). Поскольку там было три потерпевших, в качестве обратной связи мы получили разные реакции на письмо. В одном случае – резко негативную: члены семьи молодого человека (около 20 лет), довольно серьезно пострадавшего от избиения, обсудили письмо и приняли решение, что мириться они не намерены, а преступников нужно покарать. Реакция других потерпевших, напротив, была положительной. Это не значит, что они сразу согласились на примирение (один в результате согласился, второй – нет). Но поскольку они вступили в контакт с ведущим без страха и с уважением к нашей организации, предварительные встречи с ними были проведены. Однако урок, преподнесенный первым потерпевшим, побудил нас изменить текст письма: его содержание не должно вызывать преждевременного сопротивления встрече с ведущим. Напомню, в таком письме не требуется исчерпывающая информация о программе, оно нужно лишь для того, чтобы обеспечить возможность проведения предварительной встречи.

Вскоре после этого в Центре был завершен перевод пособия для ведущих программ восстановительного правосудия¹⁹, из которого мы узнали, что вопрос о названии программы является дискуссионным по той же самой причине: «По мере развития программ возникало ощущение, что жертвам трудно воспринимать слово «примирение». Примирение часто используется, чтобы замаять существующий конфликт или избавить правонарушителей от последствий их действий через процесс поспешного примирения с жертвой. При проведении некоторых программ складывалось впечатление, что такая терминология препятствует участию жертв, так как на данном этапе они еще и не помышляют о примирении. Трудно объяснить, что здесь никого не принуждают к примирению, просто процесс позволяет к этому прийти»²⁰. Авторы цитируемого пособия предлагают термин «конференция жертвы и правонарушителя», мы же пока предпочитаем называть программу «встречей жертвы и правонарушителя». Изложенные соображения не ведут к изъятию из нашего лексикона термина «программа примирения» для обозначения сущности и названия программы, речь идет лишь о коммуникации с потерпевшими (а возможно, и не только с ними).

3. Интересы сторон

Несостоявшееся примирение по делу С. показало, что не только у подсудимого, но и у потерпевшего могут быть интересы, лежащие вне ценностей и целей ВП. Именно поэтому ведущим пришлось *отказать* сторонам в примирительной встрече: потерпевшему встреча с обвиняемым нужна была для того, чтобы выяснить, имеет ли он или его друзья отношение к другому преступлению – угону автомобиля, совершенному спустя несколько месяцев после правонарушения, в котором обвинялся С. (кража молдингов с той же машины). Дело не в том, что подобные устремления потерпевшего нам «не понравились»: при проведении программы необходимо прогнозировать безопасность самой встречи и ее последствий и не превращать примирение в сделку.

Если бы мы располагали достаточным временем для серии предварительных встреч, возможно, установки потерпевшего в связи с предполагаемой примирительной встречей удалось бы изменить. Однако мы оказались в цейтноте: до суда оставались считанные дни, а после судебного разбирательства программа примирения для обвиняемого не имела смысла.

4. Не идеология, а реальность

некарательных альтернатив

Главное в программах ВП и социальной работе с подростками, совершившими противоправное деяние, – реальный положительный эффект иного реагирования, нежели уголовная репрессия. Необходимо не только убедить судью, что в колонии подросток не исправится, но и показать возможный путь исправления без лишения свободы, без наказания вообще, но с использованием особых форм, где подросток берет на себя и выполняет реальные обязательства за совершенное им зло. Разумеется, судьи и так знают, что в тюрьме нет никакого исправления, но уповают на позитивную роль устрашения – не в силу своей ограниченности или «обвинительного уклона», а из-за *отсутствия действенной некарательной инфраструктуры, обеспечивающей исправление и ресоциализацию, тем более для педагогически запущенных подростков*. Поскольку нередко приходится работать с подростками, имеющими отставание в умственном развитии, растущими в неблагополучных семьях, с весьма убогими представлениями о способах проведения досуга, несформированными социальными навыками и пр., некарательный подход должен обеспечиваться не столько борьбой с «обвинительным уклоном» сотрудников правоохранительных органов и судов, сколько *созданием альтернативных инфраструктур социализации, демонстрирующих эффективность такого подхода*²¹.

Дело Ч. – яркий пример. Подросток фактически в третий раз нарушает закон (третий обвинительный приговор, хотя с юридической точки зрения преступление совершил впервые: по предыдущему делу амнистирован). К сожалению, это дело находилось у нас в работе меньше недели, успеть что-либо было практически нереально. Но что можно было бы предпринять, располагай мы, скажем, чуть большим временем? Данное правонарушение (кража в магазине на сумму 205 рублей) Ч. совершил через три дня (!) после приговора по предыдущему обвинению, по которому тем же судьей к нему была применена амнистия. При этом – сниженный интеллект, образование – 9 классов в спецшколе для детей с отставанием в умственном развитии (состоит на учете в психоневрологическом диспансере), частое употребление спиртных напитков (на учете в ПДН и наркологическом диспансере), воспитывается матерью, которая не является для него авторитетом. Работает, по месту работы характеризуется положительно. Его трудно назвать «закоренелым преступником» (хотя судья отнеслась к нему именно так), но проблемы социальной адаптации налицо. А «исправляться» будет в тюрьме. И Ч. не исключение, скорее модель.

Суд приговорил его к шести месяцам лишения свободы, поскольку мы не предложили никакой реальной альтернативы. Но если судья передала нам это дело, вероятно, она ждала, чтобы мы ее в чем-то переубедили.

Следовательно, необходимо продумать и реализовать действенные восстановительные программы. Если речь идет не об одном отдельно взятом подростке (возможно, в случае Ч. нам действительно не хватило времени), *в отсутствие реальной восстановительной инфраструктуры* некарательная альтернатива становится проблематичной. Большинство юристов вообще не рассматривают правосудие по делам несовершеннолетних как карательное: и без проведения программ примирения подавляющая часть приговоров сводится к условному осуждению. Однако задача ВП относительно правонарушителя состоит главным образом в осознании подростком несправедливости совершенного деяния, взятии им на себя обязательств по компенсации ущерба и выполнении их, а также в том, чтобы избежать подобного в будущем. Таким образом, юридические последствия программ примирения в виде прекращения дела или смягчения наказания нам важны не сами по себе (мы не адвокаты), а потому, что они позволяют решать восстановительные задачи. Точно так же и условное осуждение предоставляет подобную возможность, но пока мы ею не

воспользовались, поскольку ограничены в том числе и ресурсами конкретных проектов.

Осознание этих обстоятельств должно стать стимулом для разработки будущих проектов с привлечением новых кооперантов.

* * *

Наш небольшой опыт пока не позволяет делать какие-то обобщающие выводы относительно роли программ примирения в судебной практике по делам несовершеннолетних: мы провели их слишком мало. Сейчас важно понять общую ситуацию взаимодействия Центра с судом, запрос на подобную работу со стороны суда, наши установки и возможности, особенности контингента, с которым приходится иметь дело, содержание и обеспечение восстановительного процесса, а также причины столь малого числа успешно завершенных программ.

Одним из важнейших условий нашей деятельности является заинтересованность судьи в социальной работе с подростками, следовательно, проблема заключается не в «обвинительном уклоне», а в нашей собственной состоятельности, хотя в первую очередь требуется преодолеть преграду в виде карательного юридического сознания. Для восстановительного правосудия в целом идеологическая задача остается актуальной, однако ее успешное решение невозможно без складывания собственного поля деятельности, появления соответствующих технологий и средств.

¹ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. / Под ред. И. Л. Петрухина. – М., 2000. С. 53 (комментарий к ст. 19).

² Комментарий к уголовному кодексу РФ. / Под ред. А. В. Наумова. – М., 1996. С. 197 (комментарий к ст. 76).

³ Ср. также с позицией потерпевшего в случае, описанном в статье: *Лайша Т.* «Опыт организации и проведения программы примирения на этапе предварительного следствия». С. 16–22.

⁴ *Забрянский Г. И.* Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. – М., 2000. С. 22.

⁵ О предыдущей попытке включения социальной работы в деятельность суда (Гагаринский суд г. Москвы, 1998–1999 годы), а также перспективах использования социально-реабилитационных и примирительных технологий в суде в производстве по делам несовершеннолетних см.: *Грасенкова А.* Социальная работа в суде в рамках восстановительного правосудия // Правосудие по делам несовершеннолетних. Вып. 1. Перспективы развития. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 214–231.

⁶ См.: *Грасенкова А.* Комментарий к алгоритму деятельности социального работника в суде // Пакет внедренца / Библиотека Центра «СПР».

⁷ Прокурор Таганского р-на г. Москвы А.М.Атаршиков, судья Черемушкинского межмуниципального суда г. Москвы Т. Р. Захарова.

⁸ См. также заметку судьи Т.Р.Захаровой в сб.: Ювенальная юстиция: правовые и технологические аспекты. – М.: НАН, 2000. С. 119.

⁹ Перечень вопросов, которым следует уделить внимание при изучении личности, условий жизни и воспитания подростка, а также криминогенных факторов, способствовавших совершению преступления, можно найти в комментарии Э. Б. Мельниковой к ст. 392 УПК РСФСР (Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. / Под ред. И. Л. Петрухина. – М., 2000. С. 492–499). Понятно, что сегодня в уголовном процессе нет таких фигур, которые реально могли бы заниматься подобной работой.

¹⁰ Мы не можем говорить о некарательном подходе, поскольку программы ВП по уголовным делам в России пока не заменяют официальный уголовный процесс, ориентированный на наказание, то есть существуют не как альтернативное правосудие, а как некий *некарательный элемент, встроенный в карательную систему.*

¹¹ *Московичев В.В.* Социальная работа с несовершеннолетними. – М.: НАН, 2000. С. 18–19.

¹² Как отмечают теоретики, «проблемы, заключающиеся в дисфункциональности семейных связей, в патологизации отношений между супругами, между родителями и детьми, по общему правилу не зависят от социального статуса семьи и с такой же вероятностью могут возникнуть и в обеспеченной, интеллигентной семье» (Словарь-справочник по социальной работе. / Под ред. проф. Е. И. Холостовой. С. 299.).

¹³ «До сих пор литература о восстановительном правосудии... в основном была посвящена нуждам жертв и именно в этой связи касалась процесса восстановления. Относительно меньше внимания уделялось вопросам реабилитации преступника... Но если не удастся четко включить реабилитацию как часть целостной восстановительной идеологии, то останется «пустота», которая, скорее всего, будет заполнена ожившей медицинской моделью либо новыми, придерживающимися жесткости подходами, такими как дисциплинарные лагеря, в которых пытаются объединить реабилитацию с наказанием и шоком» (*Бэйзмор Г.* Три парадигмы ювенальной юстиции // *Правосудие по делам несовершеннолетних. Вып. 1. Перспективы развития.* – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 83). См. также: *Максудов Р.*, *Флямер М.* Ювенальная юстиция в мире: проблема переноса опыта в Россию // *Правосудие по делам несовершеннолетних. Вып. 2. Мировая мозаика и перспективы в России.* – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. С. 103–120.

Ведущие программ восстановительного правосудия тем не менее отмечают, что «в необходимых случаях профилактико-реабилитационная работа выступает как сопровождение этих программ» (с. 115) и в ориентации на становление в России ювенальной юстиции необходимо в экспериментальном режиме строить «комплексы программ примирения и профилактико-реабилитационных мероприятий» (с. 117).

¹⁴ «Средство реабилитации является, прежде всего, функциональным понятием. Все, что обеспечивает реабилитацию подростка и встраивание его в позитивные формы социализации, может выступать в функции средства» (*Максудов Р.* Замечания об основных этапах деятельности социального работника в рамках ювенальной юстиции // *Ювенальная юстиция: правовые и технологические аспекты.* / Под ред. О.В.Зыкова, Н.Л.Хананашвили. – М.: НАН, 2000. С. 77).

¹⁵ Гл. 20 УПК РСФСР. См. также: *Уголовный процесс.* / Под ред. И. Л. Петрухина. – М., 2001. С. 332.

¹⁶ Социальные работники, чья деятельность не связана с судом, недоумевают, как можно провести хоть какую-то реабилитационную работу за столь короткое время. Срок в полтора месяца определяется исключительно процессуальными ограничениями.

¹⁷ Образец такого письма был роздан участникам тренинга для ведущих программ восстановительного правосудия, который состоялся в Москве 1–10 декабря 2000 года.

¹⁸ Неизвестно, оказала бы примирительная встреча влияние на исход судебного процесса или нет, но независимая позиция судьи остается условием нашей деятельности.

¹⁹ *Амстутс Л. С., Зер Х.* Конференция жертвы и правонарушителя в системе ювенальной юстиции в Пенсильвании: Пер. с англ. – Библиотека Центра «Судебно-правовая реформа».

²⁰ Указ. соч.

²¹ Важно не путать такую ориентацию с так называемой медицинской моделью, или моделью индивидуализации обращения, согласно которой преступное поведение рассматривается как симптом личностных отклонений, нарушенных процессов социализации, а потому нарушитель становится потребителем терапевтических услуг, не получая никакого порицания со стороны общества и не неся ответственности за совершенное противоправное деяние (*Бэйзмор Г.* Три парадигмы ювенальной юстиции // *Правосудие по делам несовершеннолетних. Вып. 1. Перспективы развития.* – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 67–99). Особенность восстановительного правосудия состоит в том, каким образом здесь решается *вопрос ответственности* в сравнении не только с карательным подходом, но и с моделью индивидуализации обращения. В отличие от последней ресоциализация правонарушителя в ВП рассматривается как реинтеграция его в общество, возрастание социальной компетентности, принятие на себя обязательств (там же, с. 83–84).

Р. Максудов

Ориентиры работы московской группы. Одним из главных моментов работы нашей группы состоял в том, что мы с самого начала не рассматривали себя в качестве организации, оказывающей услуги по типу приемной или службы. Хотя такая работа является важнейшей для закрепления общих результатов движения за восстановительную юстицию, для нас главными были другие приоритеты. Прежде всего это ориентация на инициирование новой практики. Основная трудность в нашей ситуации заключается в том, что инициировать новую практику приходится вне тех или иных функционирующих служб, в которых можно было бы апробировать и кристаллизовать опыт и инициативы. В какой-то степени мы «выращиваем» эту практику на себе. И здесь исключительно важным является методическая работа по анализу, конструированию процедур и юридических алгоритмов, закреплению прецедентов партнерства и постоянному отслеживанию и аккумуляции опыта в довольно узких масштабах небольшой группы вне постоянного финансирования, необходимых организационных условий, с дефицитом профессионализма. Одновременно мы с самого начала видели себя в качестве группы, иницирующей достаточно глубокие преобразования в Российском обществе и государстве. Это заставляло нас постоянно обращаться к опыту реформирования, вести внутренний диалог о путях такой работы, сохранять связь и вести дискуссии с представителями мощного интеллектуального движения России, известного под названием «системомыследеятельностная методология»¹. Социокультурная основательность этого движения стала возможна благодаря 40-летним разработкам Московского методологического кружка, руководителем которого до 1994 года был Г.П.Щедровицкий.

Начало. Временем начала работы московской группы по реализации идей восстановительного правосудия (в дальнейшем – ВП) в России можно считать 1997 год. Летом 1997 г. американский специалист в области восстановительного правосудия Эрик Шенк приехал в Москву. В Москве Эрик провел семинар-тренинг для ведущих программ примирения, в котором приняли участие будущие активисты движения за восстановительное правосудие в России: Михаил Флямер, Анна Грасенкова и я. С осени 1997 г., когда я перешел на работу в Центр «Судебно-правовая реформа», мы совместно с Михаилом Флямером стали работать над созданием условий для запуска первой программы примирения жертвы и правонарушителя. Увлечение идеями восстановительного правосудия не было случайным. Мы участвовали (Михаил Флямер с 1993, я с 1995 г.) в мероприятиях по преобразованию судебной системы России отдела Судебной реформы и судопроизводства Государственно-правового управления Президента РФ под руководством С.А. Пашина. В 1996 году, после ликвидации этого отдела, встал вопрос о нашем самоопределении. Для нас было важно сохранить преемственность и продолжить работу, связанную с судебной реформой. В то же время стало необходимо найти направление деятельности, которое наиболее полно раскрывало бы наш потенциал как специалистов, работающих в общественной организации, не интегрированной в официальное правосудие. Идеи и практика восстановительного правосудия отвечали нашей ситуации и устремлениям.

В условиях зараженности значительной части политиков, руководства правоохранительных органов, СМИ и населения идеологией «войны с преступностью», мы решили начать программы примирения с дел несовершеннолетних, а не взрослых правонарушителей.

Первый наш опыт публичного обсуждения с юристами вопросов восстановительного правосудия в уголовном процессе состоялся в стенах Института

повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры 19 ноября 1997 года. В организации этого мероприятия большую роль сыграла одна из учредительниц Центра – Анна Ильинична Паничева, в то время заведовавшая одной из кафедр Института. Участниками семинара «Формирование института примирения по делам несовершеннолетних в уголовном процессе» стали прокуроры районов из десятка различных областей Российской Федерации.

Тогда же, в конце 1997 года, мы начали искать выход в практику.

По инициативе Виктора Николаевича Волохова, сотрудника Администрации Президента Российской Федерации, и при поддержке Таганского отдела милиции г. Москвы осенью 1998 г. прошла первая программа примирения жертвы и правонарушителя. Важную роль в создании условий для проведения программ примирения сыграла позиция Евгения Викторовича Кретьева, который в то время был заместителем начальника следственного отдела Таганского РУВД по делам несовершеннолетних. Помогли нам в этом также представители Министерства внутренних дел РФ Татьяна Петровна Папкина и управления внутренних дел г. Москвы Татьяна Ильинична Максимова.

Первый опыт и первые проблемы. Первую программу примирения жертвы и правонарушителя по уголовному делу мы с Анной Грасенковой провели в октябре 1998 г. Учащийся одной из среднеспециальных школ г. Москвы выстрелил из духового пистолета в проезжавший мимо трамвай. По стечению обстоятельств в этом трамвае оказалась девушка из группы, где учился обидчик. Жертва в этой ситуации потерпела двойной ущерб. Первым неприятным инцидентом был сам выстрел и осколки стекла, которые слегка ее задели. Затем, поскольку, по мнению друзей правонарушителя, девушка была повинна в том, что указала его фамилию, она еще терпела и негативное отношение к себе со стороны сокурсников. Примирительная встреча дала сторонам возможность понять друг друга. Обидчик принес извинения, жертва их приняла. Следует сказать, что в тот период мы были недостаточно подготовлены для ведения программ восстановительного правосудия, хотя наша энергия и вера зачастую компенсировали отсутствие знания.

Опыт первых примирительных программ показал, что желание людей самим найти выход из криминальной ситуации, в которую они попали, сохранилось. Более того, причиной участия многих родителей потерпевших в примирительных встречах было желание исправить поведение обвиняемых и не допустить их попадания в колонию. И это для нас стало очень важным, мобилизующим открытием. Выражение чувств, неформальный диалог, получение ответов на свои вопросы в значительной степени содействовали изменению отношения участников друг к другу, к самим себе и к ситуации. Так, встреча помогла вновь обрести чувство безопасности 11-летнему ограбленному мальчику, который, пережив сильное душевное волнение, боялся выходить на улицу. Получив возможность выразить свои эмоции и чувства, многие потерпевшие перестали испытывать злобу, их ненависть сменилась желанием участвовать в диалоге с обидчиками. Услышав рассказы потерпевших об их чувствах и переживаниях, подростки-правонарушители стали более серьезно воспринимать последствия своих действий. Заинтересованное и внимательное обсуждение вопроса о том, как сделать, чтобы правонарушение не повторилось, заставило многих ребят глубже осознать собственные проблемы и наметить пути к их разрешению.

В вышеупомянутом случае с выстрелом мы посчитали примирение состоявшимся. Но представители районной прокуратуры, куда попал первый примирительный договор, добились прекращения проведения примирительных программ.

Отчасти мы сами были в этом виноваты. Мы не до конца выяснили мнение прокуратуры по этому вопросу и не согласовали с прокуратурой алгоритм направления

дел на примирение. По-видимому, нуждалась в совершенствовании и форма примирительного договора.

Возобновление программ, контакты, партнеры и повышение квалификации.

После периода взаимонепонимания и неприятия нам все же удалось наладить сотрудничество с прокуратурой. Работники Генеральной прокуратуры Российской Федерации со временем стали внимательно и ответственно относиться к нашим предложениям². Важную роль в этом процессе сыграли специалисты управления Генеральной прокуратуры по надзору за законностью судебных постановлений.

Мы возобновили работы в Таганском районе в июне 1999 г. и с этого времени провели 50 программ. Сейчас в Москве сложилась группа ведущих, состоящая из пяти человек (Анна Грасенкова, Антон Коновалов, Михаил Флямер, Людмила Карнозова, Рустем Максудов). По сравнению с первым опытом мы значительно продвинулись в плане понимания самой идеи восстановительного правосудия и оттачивания техник ведущего.

Большую роль в нашей работе сыграло знакомство с работами Нильса Кристи и Ховарда Зера³. Ховард Зер приезжал в Москву, читал лекции и проводил рабочие встречи с группой нашего Центра. У нас установились хорошие контакты с польскими коллегами – Яниной Валюк, Беатой Чарнецки-Дзалиук, которые оказывают нам большую помощь в работе. При поддержке Фонда Форда мне удалось пройти стажировку в Восточной Европе (Чехии, Польше и Украине). При поддержке Center for International Mobility Михаил Флямер прошел стажировку в Финляндии, а Меннонитский Центральный Комитет помог его участию во Второй международной конференции «Восстановительное правосудие для несовершеннолетних» в г. Форт Лодердейл (США). Английская коллега Мариан Лейбман провела для активистов нашего Центра тренинг «Базовые идеи и технологии восстановительного правосудия». Мы ведем переписку с Иво Айртсеном из Бельгии, Фредом МакЭлри из Новой Зеландии, Лизой Риттербро из Швеции, Марти Прайсом и Ховардом Зером из США. Развивается также сотрудничество Центра с Одесской группой медиации. Важную роль в работе по становлению практики восстановительного правосудия в России играет поддержка Агентства США по международному развитию и организации «Международная тюремная реформа». Большой вклад в эту работу внесли Менонитский Центральный комитет и Дом Друзей общества квакеров в Москве.

Расширение областей программ ВП.

В ходе работы по реализации идей восстановительного правосудия в России мы стали расширять область применения наших программ. Это было вызвано следующими обстоятельствами:

- преодоление карательной направленности уголовного правосудия требует кропотливой и длительной работы;
- существующее устройство правоохранительных и судебных органов подрывает доверие молодого поколения к государству вообще. В этих условиях лучше, чтобы подростки меньше сталкивались с системой уголовного правосудия;
- наш опыт показал, что часть конфликтных и криминальных ситуаций, в которых замешаны подростки, возникает в школе. Правоохранительные органы в силу специфики своей деятельности не решают гуманитарные (социально-реабилитационные и коррекционные) задачи, поэтому большинство школ стремится не выносить подобные ситуации вовне. В то же время, если оставлять данные ситуации без внимания, то многие неразрешенные конфликты и насилие могут привести к более тяжелым последствиям в будущем;
- на примирительных встречах были выделены социальные навыки, которые необходимо приобрести подросткам-правонарушителям для того, чтобы в будущем

преодолевать ситуации некриминальным путем. Таким подросткам необходимо развивать:

- умение ненасильственно разрешать межличностные проблемы,
- самоконтроль,
- умение пользоваться цивилизованными средствами завоевания авторитета среди сверстников,
- целенаправленность в отношении своего будущего,
- умение контактировать с другими людьми,
- независимость от влияния криминализированных групп и сверстников⁴.

Семья, не привившая ребенку хотя бы части вышеперечисленных навыков, является той благоприятной средой, на которой «произрастает» преступное поведение. Отсутствие нормальной психологической атмосферы в семье, трудности социализации подростков нередко ведут к непрекращающимся конфликтам родителей и детей, часто имеющим криминальный характер, – кражам, избиениям.

В связи со всем вышеперечисленным, перспективным направлением мы считаем проведение программ ВП в школах и семьях.

Чтобы получить возможность работать с семьями и школами, мы налаживаем взаимодействие с Комиссиями по делам несовершеннолетних при местных органах власти, которые рассматривают проступки детей и молодежи до 18 лет, а также правонарушения детей, не достигших возраста уголовной ответственности. Мы договорились с представителями Комиссии Управы «Академическая» г. Москвы о том, что они будут направлять нам дела⁵. В Таганском районе удалось достичь договоренности с представителями подразделения милиции по делам несовершеннолетних и рядом школ, что они будут сообщать нам о ситуациях, требующих проведения программ ВП⁶. Результатом этих договоренностей стало проведение программ ВП по направлению представителей школ. Одновременно мы проводили примирение родителей и детей. В основном это были случаи, когда дети долгое время совершали кражи в семьях или родители избивали своих детей. Несколько таких программ были проведены по направлению социальных работников Российского благотворительного фонда «Нет алкоголизму и наркомании».

В то же время мы продолжаем проводить программы восстановительного правосудия в рамках уголовного правосудия. Ведутся программы примирения жертвы и правонарушителя по направлению социального работника, работающего с судьей Черемушкинского суда г. Москвы.

В настоящее время можно выделить следующие организационные области существования программ в Москве:

1. Следствие.
2. Школы.
3. Суд.
4. Отдел органов внутренних дел по делам несовершеннолетних.
5. Комиссии по делам несовершеннолетних.
6. Зарождающаяся практика социальной работы.

Кроме того, с сентября 2000 года началось развитие контактов с районной прокуратурой, как источником информации о криминальных ситуациях и конфликтах.

Расширение области применения программ восстановительного правосудия наблюдается в различных странах (по нашим сведениям, в США, Новой Зеландии⁷, Австралии данные программы вышли за рамки системы уголовного правосудия).

Работа в регионах России. В настоящее время представители различных организаций девяти регионов России изъявили желание проводить программы восстановительного правосудия, а некоторые провели первые встречи жертвы и

правонарушителя. Сюда входят Пермская область (г.Пермь и село Карагай Пермской области), Казань, Новороссийск, Тюмень, Иркутск, Дзержинск, Великий Новгород, Арзамас и Урай. Центр ведет проекты, связанные с поддержкой инициатив этих регионов⁸.

В рамках регионально ориентированных проектов Центр оказывает методическую поддержку, проводит подготовку ведущих, разрабатывает технологию партнерства с правоохранительными органами. Вопрос установления такого партнерства – один из самых «больных». Этому есть несколько причин:

- сама область уголовного правосудия сильно политизирована, и имеет репрессивный характер. Она может показаться опасной для тех, кто хочет вносить в правосудие позитивные изменения;
- роль общественности в сфере уголовного правосудия в основном связывается с деятельностью правозащитных организаций и их сетей. Деятельность правозащитных организаций направлена на защиту прав людей в орбите уголовной юстиции.

Но, кроме защиты прав граждан, остается область работы с отклоняющимся и преступным поведением. Основой для эффективных действий в этом направлении должно стать партнерство общества и государства.

Задача создания партнерских отношений между правоохранительными органами и общественностью, ориентированных на восстановительное правосудие, направлена на преодоление следующих негативных тенденций:

1. часть дел из-за перегруженности исключается из орбиты уголовной юстиции (это является основной причиной коррупции).
2. последствием этой тенденции является потеря гражданами веры в справедливость правосудия, поскольку процесс уголовного правосудия построен так, что основные нужды потерпевших и реальная ответственность правонарушителей⁹ остаются вне зоны внимания правоохранительных органов.
3. отсутствие технологий участия общественности в области работы с правонарушителями не всегда позволяет людям реализовать гражданскую позицию.

Для решения проблемы «обкатки» новых подходов в работе с правонарушителями в России **до сих пор не оформлено ни массовое общественное движение, ни соответствующий ему тип общественных инициатив.** Это обстоятельство, наряду с уголовной политикой государства, является важнейшей причиной бедственного положения в следственных изоляторах и колониях.

Тренинг для ведущих программ восстановительного правосудия, работающих в регионах, который проводился в Москве в декабре 2000 г. позволил выработать принципы партнерства в области работы с несовершеннолетними правонарушителями¹⁰:

1. Основой партнерства является совместная деятельность представителей общества и государства в разработке и реализации восстановительных способов реагирования на правонарушения несовершеннолетних.

2. Договора о сотрудничестве, юридические алгоритмы, иные документы подтверждающие партнерство, должны фиксировать обязательства партнеров. Можно принять следующий вариант обязательств:

- А) организация, проводящая программы восстановительного правосудия, совместно с представителями правоохранительных органов разрабатывает алгоритм партнерства, позволяющий не нарушать юридический статус работников правоохранительных органов.
- Б) организация, проводящая программы восстановительного правосудия, профессионально организует проведение программы восстановительного правосудия.

правосудия и гарантирует гуманитарный результат в проведенных случаях. Гуманитарный результат достигается, когда:

1. Происходит исцеление жертвы от последствий криминальной ситуации.
 2. Самим правонарушителем принимаются и выполняются обязательства по возмещению ущерба.
 3. Непосредственные участники криминальной ситуации участвуют в ее исправлении.
- В) представители правоохранительных органов в случае достижения гуманитарного результата по проведенным случаям учитывают его в вынесении решения или приговора.
- Г) представители общества и государства несут солидарные обязательства по созданию условий для проведения программ восстановительного правосудия.
- Д) представители общества и государства совместно работают над совершенствованием проведения программ восстановительного правосудия.

Особенности проведения программ восстановительного правосудия по делам несовершеннолетних: движение к ювенальной юстиции¹¹. В 1999–2000 годах наш Центр совместно с Российским благотворительным фондом «Нет алкоголизму и наркомании» участвовал в проектах, направленных на становление ювенальной юстиции в России. Мне представляется очень важным обозначить некоторые проблемы, возникшие в ходе этой работы. Мы проводили программы по достаточно сложным случаям. Вот один из них: четырнадцатилетний мальчик совершил несколько правонарушений (кражи, угон автомобиля). Состоялось судебное рассмотрение, и он получил условное осуждение. После этого подросток вновь участвовал в угоне. Социальные работники, опекавшие его, направили дело нам, и мы провели примирение между подростком и пострадавшим. Тем не менее представитель милиции, опираясь на собственное мнение об этом подростке, принял решение о заключении виновника под стражу. Нам пришлось провести серию сложных переговоров, чтобы подростка не поместили в тюрьму. В этом нам помог Олег Зыков, президент Российского благотворительного фонда «НАН». Данный вопрос разбирался Комиссией по делам несовершеннолетних. Представители милиции и прокуратуры на заседании Комиссии говорили следующее: «Вот вы провели примирение, но этот подросток, в силу его психологических качеств и отсутствия семейного контроля, может опять совершить правонарушение. Если мы его не изолируем, люди не будут в безопасности». Это был естественный и важный вопрос, на который необходимо было отвечать не в идеологической или теоретической, но в практической плоскости. Для разрешения этой ситуации мы начали работать над созданием технологии взаимосвязи программ примирения и социальной работы.

Теперь на предварительных встречах мы обращаем внимание на факторы, которые могут нейтрализовать результаты всей программы. В случае социальной запущенности подростка мы приглашаем социального работника, который организует работу по исправлению ситуации, толкающей ребенка на правонарушения¹². Например, если состояние семьи и родительского контроля в ней таково, что у подростка фактически отсутствуют позитивные ориентиры и имеется масса пустого времени, то он, вероятнее всего, будет продолжать совершать различные правонарушения, как бы эффективно ни проводилось «улаживание» отдельных инцидентов. В этом случае возможно включение в примирительный договор пункта о программе социально-психологической реабилитации, выполнение которой контролирует социальный работник. Такая программа реабилитации может приниматься на примирительных встречах в режиме совместных обсуждений со всеми участниками и в первую очередь с самим правонарушителем. В отдельных случаях необходима коррекция поведения в специальном Центре социализации¹³. Например,

если у подростка отсутствует функция элементарного понимания своих действий и их последствий для других людей, необходима работа психолога или реабилитационной службы.

С другой стороны, семья сама по себе может быть и не «в распадае», но, в силу конфликта или отсутствия взаимопонимания, ее положительное влияние на подростка минимально. В данной ситуации программы восстановительного правосудия можно разделить на два этапа:

- разрешение конфликта и (или) налаживание взаимопонимания в семье;
- проведение программы примирения жертвы и правонарушителя с участием родителей (в таком случае это будет вариант, близкий к семейным конференциям¹⁴).

Предполагается, что такая работа будет содействовать укреплению семейных связей, возобновлению привязанности к семье и восстановлению обязательств подростка по отношению к близким. Выбор тех или иных вариантов должен основываться на анализе конкретного случая.

Рассмотрим теоретическую сторону данного вопроса. Ведущие программ восстановительного правосудия должны понимать, что правонарушения подростков провоцируются определенными отношениями в семье, школе, компании, а также их индивидуальными особенностями. То есть необходимо работать, учитывая особенности этих отношений, а также уровень криминальной зараженности правонарушителя. В случае прогрессирующего асоциального поведения ребенка необходимо подобрать режим совместной деятельности различных специалистов – прежде всего ведущих программ примирения и социальных работников. Через такую кооперацию в работу с подростком может включиться психолог, а также специалист по социально-психологической реабилитации.

Надо заметить, что восстановительное правосудие приносит несомненную пользу и социальной работе. Схематично социального работника можно представить как посредника между человеком, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и различными социальными и психологическими службами, которые помогают людям социализироваться (избавиться от алкогольной или наркотической зависимости, трудоустроиться, приобрести необходимые социальные навыки). Социальному работнику нужно избегать попыток взять в свои руки решение трудных (в том числе и криминальных) жизненных ситуаций своих клиентов. Ему важно добиваться того, чтобы они сами стали искать решение собственных проблем. Именно это и позволяют сделать программы ВП.

***Описание программ
восстановительного правосудия,
реализуемых ведущими Центра
«Судебно-правовая реформа»***

Программа встреч жертвы и правонарушителя. Такая программа может задействовать достаточно большой спектр ситуаций (кражи, конфликты, хулиганство, вымогательство, вандализм, грабежи, угоны, насилие в семье).

Встреча может состоять из двух основных этапов. *Первый этап нужен для достижения взаимопонимания жертвы и правонарушителя по поводу ситуации*

правонарушения. Здесь жертва имеет возможность высказать, как повлияло на нее правонарушение, а правонарушитель увидит реальные последствия своих действий. В официальном российском правосудии, если обвиняемый приговаривается к лишению свободы, то ущерб практически невозможно возместить. По мнению многих специалистов, жертвы терпят двойной ущерб – сначала от преступления, затем от официального правосудия. Для некоторых жертв остаются вопросы, которые мучают их годами: «почему я?», «повторится ли это со мной?», «не я ли виноват в этом?», «что я ему сделал?». Страх, чувство горя, незащищенность, недоверие к людям, самообвинения долгие годы могут мучить болезненными переживаниями жертву. Встречи жертвы и правонарушителя предполагают выслушивание и признание чувств обеих сторон, совместную работу по разрешению ситуации, а также планирование будущего участников. Когда жертва рассказывает личную историю, видит, что правонарушитель понял ее страдания, что он испытывает стыд и готов исправить содеянное, начинается процесс ее исцеления. Жертва может задать вопросы, почему это случилось с ней, как ей следовало бы поступать, и получить ответы на них.

На этом этапе правонарушитель может подтвердить свое раскаяние извинением и сочувствием жертве, осознать и объяснить свое поведение. Принципиальным моментом, который ярко высвечивает отличие программ ВП от официального правосудия, является отношение к правонарушителю. В официальном правосудии, даже если подсудимый не приговаривается к лишению свободы, вся процедура построена на отвержении (клеймении) человека. Формальный юридический язык, клетка, куда сажают подсудимый, обращение к нему прокурора и суда – все это свидетельствует, что человек, играющий роль подсудимого, заклеен уже самим попаданием на это место. Но всем известно, к чему приводит клеймение индивида. Он избирает ту референтную группу, где встречается понимание и сочувствие. Тем самым процедуры уголовной юстиции, выталкивая людей из общества, помещая их в тюрьмы способствуют объединению заклеенных людей в устойчивые криминальные сообщества.

Принято говорить, что тот, кто совершил преступление, должен нести ответственность. Чаще всего правонарушители подвергаются наказанию, и это ответственность в юридическом смысле этого слова. В программе встреч жертвы и правонарушителя совершенно по иному понимается ответственность правонарушителя. Понести ответственность – значит совершить действия по исправлению того, что сделал, испытать стыд, встретиться с последствиями своего действия и в полной мере осознать их, а также определить такую стратегию своего будущего, которая исключала бы криминальные способы решения проблем. Для правонарушителя нередко важно также поделиться своими переживаниями и перестать видеть только таких людей, которые хотят ему отомстить. Многие правонарушения совершаются из-за непонимания других людей, черствости и неумения сопереживать, личной неустроенности, отсутствия определенных социальных навыков, неадекватного способа самореализации и получения статуса в референтной группе, неспособности избавиться в одиночку от тех или иных зависимостей.

Встречи жертвы и правонарушителя исключают клеймение человека, которое обычно происходит в официальном уголовном процессе. Такие встречи создают условия для реинтегрирующего (воссоединяющего) стыда. Внушение такого стыда не значит оправдание действий человека, это попытка донести до него боль жертвы с одновременным пониманием проблем самого правонарушителя. Внушение такого стыда предполагает одновременно помощь близких людей и сообщества в процессе исправления содеянного и собственного исправления. Воссоединяющий стыд направлен на возвращение человека в общество, на помощь и поддержку ему в этом процессе.

На втором этапе участниками вырабатывается стратегия выхода из данной ситуации. Одновременно, при необходимости, принимается решение о направлении

правонарушителя (при его согласии) в ту или иную реабилитационную программу. Если все участники согласны с принятыми решениями, подписывается примирительный договор. Во время встречи ведущий сохраняет нейтральную позицию. Его роль состоит в том, чтобы направлять и облегчать переговоры, а также следить, чтобы каждый участник мог выразить свою точку зрения, был услышан и понят.

Обсуждение криминальных ситуаций на встречах жертвы и правонарушителя обнажает также проблемы бедственного положения тех или иных групп населения, пробелы в социализации молодежи, которые можно восполнить, привлекая к разрешению проблем сами эти группы, а также власть и позитивных лидеров местных сообществ. Обнаружение этих проблем происходит лишь в таком диалоге, где на первое место ставится сочувствие и сопереживание, выслушивание и поддержка. Такую атмосферу можно создать на встречах жертвы и правонарушителя, где ведущий не стремится кого-то обвинить в ущерб другой стороне, а содействует процессу налаживания взаимопонимания сторон, выработке и реализации участниками встречи плана по цивилизованному разрешению криминальной или конфликтной ситуации.

Программа примирения в семье. Такие программы особенно необходимы, поскольку именно в дисфункциональности семьи нередко заложены причины криминальной активности подростка. В этом случае ставится задача на преодоление разрушительных для семьи взаимодействий ее членов. Кризис семьи может потребовать и более глубоких форм работы, таких, например, как семейная терапия, но программа примирения в этом случае даст возможность членам семьи сделать шаг к осознанию необходимости собственных усилий и изменению стратегий поведения в ситуации.

Эта программа предполагает, что родители и дети встречаются в спокойной обстановке и с помощью ведущего формулируют и выражают претензии друг к другу. Порой просто спокойное выслушивание друг друга приводит к положительному результату и укрепляет взаимоотношения. Роль ведущего заключается в том, чтобы помочь ясно сформулировать и донести до сторон имеющиеся претензии. Ведущий помогает также создать доброжелательную обстановку, позволяющую сторонам выслушать и принять то, что говорит другая сторона и поддержать усилия сторон на выработку соглашений о совместной жизни. Иногда ситуация неравновесности ролей (родитель и ребенок) требует, чтобы ведущий помог озвучить претензии той или иной стороны. Если во встрече участвует социальный работник, он может также восстановить баланс отношений, поддерживая сторону.

Круги заботы. Круги заботы – одна из самых сложных и слабо разработанных программ ВП. Такие «круги» проводятся в случаях, когда семья фактически разрушена или отсутствует. В этой ситуации необходимо создавать некоторый эквивалент первичной социальной среды, поддерживающей индивида. Ведущий круга заботы инициирует серию встреч с родственниками, учителями, классом, где учится подросток, или коллегами с места работы. Результатом таких встреч должно быть восстановление поддержки и заботы о подростке. Инициативы участников кругов с помощью ведущего должны превратиться в серию взаимосвязанных мероприятий. Присутствие социального работника в кругах заботы обязательно. От социального работника поступает основная информация о ситуации, возможных участниках кругов. Он также следит за выполнением принятых участниками круга обязательств.

Круги заботы могут проводиться в случае:

1. Отсутствия взаимопонимания в семье. Здесь явный конфликт может отсутствовать, и стороны часто ориентированы не столько на примирение, а на помощь в достижении согласия и нормализации отношений. Проведение кругов обусловлено проявлением заботы родителей о том, что отсутствие взаимопонимания выталкивает ребенка из семьи и заставляет его пускаться в рискованные для его возраста предприятия.

2. Фактического развала отношений между родителями, которые негативно сказываются на ребенке. Это может быть и развод, и формальное проживание в семье. В первом варианте сами родители инициируют круг; во втором варианте этот круг инициируют школа, КДН или ПДН – здесь может быть необходима серьезная работа с родителями (иногда с помощью специалистов) для возможного участия родителей в круге.

3. Фактического отказа родителей от ребенка. Здесь вместе с отделом опеки может проводиться круг, позволяющий собрать людей и в форме кругов обсудить возможности родственников взять реальную ответственность за судьбу ребенка. Круг заботы может использоваться и в случае помещения ребенка в интернат (детский дом) с целью сохранения его связей с родственниками.

4. Заболеваний (психических, алкоголизма или наркомании) родителей или детей. Круг возможен после работы соц. работника (а в случае необходимости и других специалистов: нарколога, психолога и т.д.).

Общественные и школьные конференции – это более массовые программы ВП. Они необходимы тогда, когда конфликтная или криминальная ситуация затронула большое количество участников и когда необходимо нормализовать отношения между ними. Сторонами в конференции выступают группы людей или человек и группа. Достаточно стандартной причиной для проведения общественных или школьных конференций являются драки, унижения или издевательства одних детей по отношению к другим.

Такие конференции могут проводиться также в случае возможности исключения ученика из учебного заведения, если он систематически срывает занятия или не посещает их. По мнению специалистов, «Восстановительное правосудие в состоянии предложить лучший выход при практическом решении сложных дисциплинарных проблем, чем исключение из школы или отстранение от занятий «трудных» подростков»¹⁵. Встречи в рамках конференций помогают выявить проблемы ученика (часто это бывают семейные проблемы) и наметить пути их разрешения силами учеников, специалистов школы, родителей.

Школьные конференции помогают также при разрешении затяжных конфликтов между классами, между учеником и классом, классом и учителем (учителями). В некоторых случаях, когда разгорается конфликт между учеником и классом, необходимо участие психолога или социального работника для поддержки ученика, поскольку изначально отношения класса и ученика являются неравновесными.

Важную роль школьные конференции могут сыграть для преодоления ситуации отвержения (остракизма) учеников или ученика в классе. Со стороны отверженного причиной этому могут быть: неумение ребенка строить отношения с другими учениками, те или иные физические недостатки, психологическая травма, которая начинает проявляться в школе, те или иные невротические наклонности. Дети достаточно жестко реагируют на нарушение сложившихся групповых норм, и нередко начинается травля ученика. Обычно учителя пытаются выявить зачинщиков и начинают их «прорабатывать». В условиях, когда исполнители травли сами нуждаются в коррекции поведения, это помогает слабо. Ведущий конференции в этом случае апеллирует к здоровому ядру класса, которое в силу специфики детского возраста может просто не замечать проблем отвергаемого ученика. В то же время конференция дает возможность самому ученику обратить внимание на свои взаимоотношения с классом и наметить путь их изменения.

Необходимым элементом конференции является поддержка ведущим инициатив участников, направленных на личный рост конфликтующих сторон. Если такой поддержки не будет, групповые интересы возьмут верх, и конференция воспроизведет обычный режим групповых взаимодействий. Исключительно важна здесь роль того, кто в дальнейшем поддержит все то положительное, что может укрепить нормальные

отношения между участниками конференции (в этой роли могут выступать социальные работники, учителя или школьные психологи).

***Краткий обзор практики
проведения Центром
«Судебно-правовая реформа» восстановительных процедур
в Москве***

За период с ноября 1998 года по январь 2001 года в Центр «Судебно-правовая реформа» была направлена информация о 69 случаях. Работа проводилась в трех районах г. Москвы – Академическом по направлению КДН Управы «Академическая», представителей школ района, Таганском по направлению СО и ПДН ОВД «Таганский» ЦАО, представителей школ района, а также Черемушкинском – по направлению социального работника, работающего в Черемушкинском суде. Специалистами Центра проведены восстановительные процедуры в полном объеме (ВП) по 42 случаям. По остальным случаям восстановительные процедуры были проведены не в полном объеме (в основном из-за отказа участвовать сторон в примирительных встречах, а также из-за давности происшедшего). Информация об участниках конфликтных и криминальных ситуаций 42 проведенных случаев направлялась из следующих источников:

1. Следствие – 4.
2. Суд – 6.
3. Подразделение органов внутренних дел по делам несовершеннолетних – 5.
4. Комиссии по делам несовершеннолетних – 7.
5. Школы – 14.
6. Социальные работники – 3.
7. Личное обращение граждан – 4.

**Работа по случаям разрешения
криминальных ситуаций в рамках уголовного процесса**

Всего по данным случаям было проведено 11 восстановительных процедур. Из следствия было направлена информация по 4 случаям. Из них было 2 случая грабежа и 2 – хулиганства. Из суда была направлена информация по 6 случаям. Из них 1 случай хулиганства, 1 – вымогательства, 2 случая краж, 2 – угона. Информация одному случаю угона, рассматривавшемуся в рамках уголовного процесса который была направлена КДН Управы «Академическая».

**Работа по случаям разрешения
криминальных и конфликтных ситуаций вне рамок уголовного
процесса**

Всего по данным случаям было проведено 31 восстановительная процедура. Восстановительные процедуры были проведены по:

- 13 случаям конфликтов, взаимонепонимания в семье, часто сопровождавшимися криминальными действиями (кражи, избиения);
- 15 случаям драк, конфликтов между несовершеннолетними, а также издевательствам одних детей по отношению к другим;
- 3 случаям краж.

Проведенные восстановительные процедуры позволили нормализовать конфликтную ситуацию, возместить ущерб, начать вести в отдельных случаях реабилитационные программы (работа психологов и различных медицинских служб).

Важным моментом является осуществление восстановительных процедур по случаям краж подростков в отношении государственных организаций (РЭУ). Полученный эффект (возмещение ущерба, реабилитационные процедуры) говорит о возможности работать по случаям, где потерпевшей стороной является государственная или коммерческая организация. Восстановительные процедуры проводились в рамках программ *Встреч жертвы и правонарушителя, Примирения в семье, Круги заботы, Общественные и школьные конференции.*

Обзор составил *Рустем Максудов*
при участии *Антон Коновалова*.

¹ Участие в данных дискуссиях и помощь нашей работе оказали В.М.Розин и Б.В.Сазонов.

² В установлении нормальных взаимоотношений с работниками прокуратуры большую роль сыграла поддержка консультанта по юридическим вопросам Мары Федоровны Поляковой.

³ См.: *Howard Zehr. Changing Lenses/ A New Focus for Crime and Justice*, Herald Press, 1990. На русском языке издание осуществлено Центром «Судебно-правовая реформа» (*Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». 1998*), а также: *Кристи Н. Конфликт как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Выпуск 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». 1999.*

⁴ См. также: *Лезель Ф. «Воспитание – наказание – помощь – в чем нуждаются молодые нарушители?» // Дети и юноши в конфликте с законом. Доклад регионального семинара республик Балтии. Юрмала, Латвия 30 мая – 2 июня 1994. Издание ICCV, 63, rue de Lausanne, CH – 1202 Geneva, Switzerland.*

⁵ Пользуясь случаем, я хотел бы выразить благодарность Татьяне Николаевне Зарицкой и Смирновой Ольге Юрьевне за поддержку нашей работы.

⁶ Большую помощь в этой работе нам оказывают Галина Петровна Мешкова, Галина Михайловна Леоненко, Фатима Абдухамидовна Турченкова, Наталья Геннадьевна Щурова, Елена Сергеевна Дурова, Марина Юрьевна Городкина, Лариса Ивановна Дерябина.

⁷ Исключительно интересными нам представляются в этом плане идеи судьи МакЭлри из Окружного суда Окленда в Новой Зеландии, изложенные им в статье «Конфликты в школе: решение «выигрыш-выигрыш» / Библиотека Центра «СПР».

⁸ Финансовую поддержку этой работы оказывает IREX и Меннонитский Центральный Комитет в рамках проекта «Партнерство за формирование восстановительной юстиции в России», организация «Международная тюремная реформа» в рамках проектов «Восстановительное правосудие в России: технология взаимодействия общества и государства» и «Региональные образовательные семинары по восстановительному правосудию».

⁹ Ховард Зер предложил следующую мысль в отношении «ответственности»: «С точки зрения структуры правосудия осознанная ответственность правонарушителей за свои действия – это одна из совершенно необходимых вещей. Я иногда беседовал с судьями, и они говорили: «Хорошо, но я должен привлечь преступника к ответственности». Я был полностью согласен, но разница состоит в том, что мы понимаем под ответственностью. Они под этим понимают: «вы несете наказание», и это обычная позиция. Это очень абстрактная вещь. Вы отбываете свой срок в тюрьме и платите свой долг обществу, но вы *не чувствуете*, что платите этот долг кому-либо, а, в сущности, в это время вы живете за счет людей. Таким образом, вы *никогда* не поймете, что вы сделали, а то, что я называю «ответственностью за содеянное» – значит понимать, что вы сделали, и затем взять на себя ответственность за это. Взять ответственность за содеянное значит сделать что-то, чтобы исправить это, а также стать частью этого процесса» (*Restorative Justice: Making things Right (Mennonite Central Committee US) 1994.*)

¹⁰ В России принято называть правонарушителями тех, кто нарушил административное законодательство. Здесь я называю правонарушителями тех несовершеннолетних, кто подвергается

уголовному преследованию. Это исходит из принципов, зафиксированных в документах ООН по защите прав несовершеннолетних, призывающих не употреблять термин «преступник» по отношению к несовершеннолетним.

¹¹ В написании данного раздела принял участие Михаил Флямер.

¹² Такая работа может вестись с жертвой (например, если подросток является «козлом отпущения») или с другими участниками программы в случаях конфликтных ситуаций.

¹³ Создание такого Центра Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» с большим трудом «пробивает» в Москве.

¹⁴ Семейные конференции – такая программа восстановительного правосудия, в которой важным ресурсом решения криминальной ситуации и изменения поведения правонарушителя являются семейные отношения.

¹⁵ *McElrea Fred.* «Win-win» Solutions to School Conflict. Contemporary issues in education law: Strategies for Best Practice. Sydney, Australia, 7-9 July 1997. 12 p. *МакЭлри Ф.* «Конфликты в школе: решение «выигрыш-выигрыш». Перевод с англ. Библиотека Центра «Судебно-правовая реформа».

Московская группа. центр «судебно-правовая реформа».

Сидят (слева направо):

Анна Грасенкова – ведущий программ восстановительного правосудия в проектах Центра. Автор учебных материалов и тренер по теме ведения программ. Автор статей и аналитических материалов по темам ведение программ примирения жертвы и правонарушителя, социальной работы с подростками «группы риска».

Людмила Карнозова – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, член Коллегии Центра, активно работает в проектах Центра (координатор программ восстановительного правосудия в суде, руководитель подготовки и издания учебного пособия «Восстановительное правосудие как область социальной работы»). Организатор исследований российского суда присяжных. Автор книги «Возрождение суда присяжных. Замысел и проблемы становления».

Надежда Марченко – студентка пятого курса Московского государственного социального университета факультета психологии, тема дипломной работы «Влияние программы примирения на участников криминального конфликта». Социальный работник Центра, специализируется на работе с несовершеннолетними правонарушителями и их семьями.

Татьяна Дугарская – кандидат юридических наук, тема работы – правовое регулирование решения проблемы домашнего насилия. Руководитель проекта «Технологии восстановительного правосудия в профилактике социального сиротства».

Дмитрий Галушко – аспирант Московской государственной юридической академии, тема работы «Правосудие глазами жертвы преступления. Сравнение способов обращения с жертвой в обычном и восстановительном правосудии».

Стоят (слева направо):

Рустем Максудов – член Коллегии Центра, руководитель направления деятельности Центра, посвященного программам восстановительного правосудия, ведущий в этих программах. Автор учебных материалов и преподаватель по курсу

восстановительного правосудия. Автор более десятка статей посвященных концепции и практике восстановительного правосудия и ювенальной юстиции.

Наталья Полозок – менеджер в проектах Центра. Ведет организационную и техническую поддержку деятельности Центра.

Евгения Калянова – офис менеджер Центра. Заведует библиотекой и WWW-страницей Центра.

Зинаида Булгакова – социальный работник Центра, специализируется на работе с детьми «группы риска» и их семьями, ведет методическую работу по вопросам профилактики социального сиротства, деятельности Комиссии по делам несовершеннолетних.

Михаил Флямер – исполнительный директор Центра, член Коллегии Центра. Разработчик программ восстановительного правосудия для России и ведущий в этих программах, а также руководитель ряда проектов Центра. Автор более десятка статей посвященных концепции и практике восстановительной и ювенальной юстиции.

ХРОНИКА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ (по состоянию на 15 декабря 2000 года)

Программы примирения

Иркутск

Программами восстановительного правосудия занимается инициативная группа сотрудников «Байкальского центра правовых реформ»: Шакина Виктория, Прохоров Сергей, Бондарчук Ольга, Свистунова Людмила, Галушкина Светлана, Шакин Виталий, Барановская Ольга, Горнов Игорь, Суботина Ирина.

1. Июнь 2000 года. Источник получения дела: директор школы № 24.

Две девочки подрались на выпускном вечере. Стоял вопрос о возбуждении уголовных дел, так как обеим были причинены телесные повреждения, о чем свидетельствовали медицинские заключения.

На примирительной встрече присутствовали девочки и их мамы. В результате решили не возбуждать уголовные дела. Это было предложение девочек, и родители с ним согласились, признав право ребят простить друг друга и продолжить общаться в дальнейшем.

Ведущие: *В. Шакина, Л. Свистунова.*

2. Август 2000 года. Источник получения дела: ПДН Ленинского района.

Один подросток бросил в другого камень, причинив травму головы. Родители обратились в ПДН с целью разрешить данный конфликт. Уголовное дело по данному факту еще не возбуждалось.

Были проведены предварительные встречи отдельно с каждой стороной и общая примирительная встреча, закончившаяся урегулированием конфликта (подростки не имели друг к другу никаких претензий), однако стороны не захотели оформлять примирение в каком-либо договоре. В результате заявление в милицию пострадавший и его родители подавать не стали.

Ведущий: *В. Шакин.*

3. Сентябрь 2000 года. Источник получения дела: ПППН Ленинского района.

Семья обнаружила пропажу 50 видеокассет и заподозрила в этом соседского подростка. Желая возбудить уголовное дело, муж с женой, применив физическое насилие и принудительно удерживая подростка, заставили его признаться в совершении преступления. Подросток рассказал об этом своей матери, настаивая на том, что кражи не совершал. В свою очередь мать избитого ребенка решила возбудить уголовное дело по факту причинения телесных повреждений. Начальник ПДН Ленинского района обратилась в Центр с просьбой провести между данными семьями процедуру примирения до принятия решения о возбуждении уголовных дел.

Соглашение между сторонами было достигнуто. Подростку поверили, что он не совершал кражи, и предложили компенсацию за моральный ущерб в размере 1700 руб.

Ведущие: *С. Прохоров, В. Шакин.*

4.1. Сентябрь 2000 года. Источник получения дела: сами конфликтующие стороны.

Данная программа примирения была проведена между девушками, совершившими кражу, поскольку в случившемся они винили друг друга. Программа проходила на стадии предварительного расследования по уголовному делу.

В Центр обратились две девушки, которые в состоянии алкогольного опьянения на дискотеке украли дамскую сумку. В отношении Т. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 158 УК РФ (ущерб признали значительным). А. являлась свидетелем, поскольку сумку похитила Т. и взяла ее себе. При выходе с дискотеки девушек задержали. Между правонарушителями и жертвой возник конфликт, хотя сумку потерпевшей возвратили. Было очевидно, что процедуру примирения необходимо провести сначала между самими девушками, так как А. считала, что Т. воспользовалась ее дружбой и вовлекла ее в совершение преступления. Результатом примирения стало осознание А. того, что она несет половину ответственности перед жертвой, поскольку не остановила подругу.

Ведущие: *В. Шакина, В. Шакин.*

4.2. После этого была проведена примирительная встреча между девушками и жертвой. Потерпевшей были принесены извинения, которые она приняла, однако посчитала возможным разрешение данной ситуации только при условии компенсации причиненного ей морального вреда. Моральный вред потерпевшая оценила в 10 тыс. руб. Единовременная выплата такой суммы оказалась для девушек нереальной, но и потерпевшая документально не подтвердила наличие морального вреда. Было принято решение о проведении дополнительной встречи, однако она не состоялась: участники отказались принимать в ней участие.

Ведущие: *В. Шакина, В. Шакин.*

Дзержинск

Программами восстановительного правосудия занимается Нижегородское областное отделение Общественного центра «Судебно-правовая реформа» (руководитель – *Лайша Т. Н.*) и Дзержинский правозащитный центр (руководитель – *Фельдштейн Э. З.*).

1. Октябрь 2000 года. Источник получения дела: школа, где обучается один из четырех правонарушителей.

Четверо шестнадцатилетних ребят ночью забрались в легковую машину и украли аудиоколонки, кассеты и документы владельца машины. Подростки были задержаны с поличным, по факту совершения кражи возбуждено уголовное дело. Они совершили правонарушение впервые, на учете в ПДН не состояли. Обвинение предъявлено по ст. 158 УК РФ, ч. 2, п. «а» (группой лиц) и п. «в» (с незаконным проникновением (в автомобиль)) и ст. 325 УК РФ (кража документов).

Программа закончилась подписанием сторонами примирительного договора¹.
Ведущие: *Т. Лайша, Д. Ильин.*

Создание организаций и групп

Дзержинск

4 ноября 2000 года Управлением юстиции Нижегородской области зарегистрировано Нижегородское областное отделение Общественного центра «Судебно-правовая реформа».

Тюмень

Апрель-май 2000 года. Получена первая информация о восстановительном правосудии от Центра «Судебно-правовая реформа». Подписан договор о назначении Тарасюк О. С. координатором восстановительных программ между Благотворительным фондом развития г. Тюмени и Центром «Судебно-правовая реформа».

Иркутск

31 января 2001 года зарегистрировано некоммерческое партнерство «Байкальский центр правовых реформ».

Сотрудничество с государственными структурами

Иркутск

1. Состоялась встреча В. Шакиной с начальником ГУВД г. Иркутска Юдолевичем. Юдолевич категорически отказался заключить договор о сотрудничестве: он считает, что взаимодействие со следователями и дознавателями в связи с существующей системой оценки снизит основные показатели их работы – количество возбужденных уголовных дел и дел, направленных в суд. Однако начальник ГУВД предложил вариант сотрудничества инициативной группы с ОППН и участковыми инспекторами. Тем самым программы восстановительного правосудия будут направлены на профилактику правонарушений и преступлений, что является одной из важнейших функций правоохранительных органов. Он предложил также распространить эту деятельность и на Иркутскую область.

2. Получено согласие на сотрудничество от начальника отдела по работе с участковыми инспекторами УВД г. Иркутска. В. Шакиной и В. Шакиным проведена информационная беседа о восстановительном правосудии с начальниками отдела по организации работы с участковыми инспекторами милиции (ООРУИМ) и предложено взаимодействие по созданному И. Суботиной алгоритму. Предоставлены материалы о деятельности инициативной группы и о программах примирения. Перспектива сотрудничества с нашей организацией вызвала большой интерес среди участковых инспекторов, так как им часто приходится сталкиваться с делами, которые трудно разрешить самостоятельно, где недостаточно одних правовых инструментов. После данной встречи участник группы О. Бондарчук ежемесячно получает информацию от участковых инспекторов каждого района г. Иркутска о предоставлении ими дел для примирения. Наиболее результативным оказалось сотрудничество с Ленинским и Октябрьским районами: участковые из этих РОВД неоднократно предлагали дела для возможного проведения примирения.

3. В рамках общего собрания всех инспекторов ОППН г. Иркутска в УВД проведена встреча, посвященная программам восстановительного правосудия. Сотрудники ОППН проявили большой интерес к нашей работе. Многие говорили, что по роду деятельности им часто приходится мирить людей, но такое примирение нередко носит принудительный характер. Кроме того, из-за большой загруженности инспекторы не могут уделять примирению достаточно времени, чтобы этот процесс был глубоким и более плодотворным.

4. С ПДН ГУВД г. Иркутска в лице капитана милиции И. В. Соколовской заключен договор о сотрудничестве с 19 июля 2000 года по 1 июля 2001 года. На основе данного документа были подписаны договоры с ПДН Кировского и Свердловского районов г. Иркутска. ПДН Куйбышевского и Октябрьского районов договоры пока не подписали, но сотрудничать согласились.

Хочется отметить разную реакцию начальников и инспекторов ПППН на программы восстановительного правосудия. Если начальники сомневаются в их пользе, то инспекторы считают, что такие программы помогут им в работе, и выражают заинтересованность, а также желание получить больше информации и поучаствовать в образовательных мероприятиях.

5. В рамках общего собрания начальников отделов дознания всех районов УВД г. Иркутска В. Шакиной и В. Шакиным была проведена информационная беседа о принципах восстановительного правосудия, о деятельности инициативной группы г. Иркутска и московского Центра «Судебно-правовая реформа» и возможностях проведения программ примирения по делам, находящимся в их компетенции. Был предложен алгоритм нашего сотрудничества с органами внутренних дел. В целом присутствующие положительно отнеслись к идеям восстановительного правосудия, но, по их мнению, проведение подобных программ по делам, находящимся в их ведении, нереально, поскольку органы дознания должны ориентироваться на направление дел в суд. Однако были отмечены и преимущества взаимодействия дознания с программами ВП.

6. Начальник городской КДН дал согласие на заключение договоров о сотрудничестве с КДН всех районов г. Иркутска. Участник иркутской группы, главный специалист КДН Октябрьского района И.А.Горнов совместно с В. Шакиной распространяет информацию о программах примирения в КДН и изыскивает возможности сотрудничества с данной структурой. КДН Октябрьского района были предложены дела для проведения процедуры примирения.

7. В октябре администрация Иркутского авиационного лицея разрешила проведение информационных бесед со студентами по теме «Восстановительное правосудие». 17 ноября В. Шакин и О. Бондарчук провели семинар для студентов начальных курсов, на котором было рассказано о сути ВП и показан фильм «Служба примирения».

Дзержинск

Заключен договор между администрацией г. Дзержинска и Нижегородским областным отделением Центра «Судебно-правовая реформа» о бесплатном использовании помещений в здании Общественно-политического центра для проведения семинаров и конференций по восстановительному правосудию. Договор заключен на срок с 15 января по 31 октября 2001 года.

Тюмень

1. Сентябрь-октябрь 2000 года. «Положение об эксперименте» согласовано с администрацией г. Тюмени, Управлением народного образования г. Тюмени, подразделением по делам несовершеннолетних МОБ и прокуратурой и подписано.

2. 27 ноября 2000 года на заседании КДН г. Тюмени принято решение начать эксперимент по внедрению программ восстановительного правосудия в Ленинском округе.

3. 18 декабря 2000 года прокурором г. Тюмени подписано «Положение об эксперименте». Эту дату следует считать началом эксперимента по восстановительному правосудию.

4. 8 декабря 2000 года представитель рабочей группы на аппаратном совещании директоров школ Ленинского округа прочитал доклад «О восстановительном правосудии в России и, в частности, в Тюмени».

5. 21 декабря 2000 года Г. В. Галицких и В. Г. Оболтина выступили на курсах повышения квалификации ответственных секретарей КДН области.

Семинары, конференции, публичные выступления

Иркутская группа

1. 16-20 ноября в г. Новосибирске была проведена межрегиональная конференция «Женщины-лидеры Сибири: стратегии сотрудничества». В ней приняли участие представительницы различных общественных организаций и государственных структур из Новосибирска, Иркутска, Томска, Барнаула, Горноалтайска. Организаторы – новосибирская организация НП СОКЦ «Коннект» при поддержке Бюро по образовательным и культурным вопросам Государственного департамента США и RHD, Филадельфия, США.

На конференции В. Шакина сделала доклад по теме «Восстановительное правосудие», часть которого посвящена опыту работы в Иркутске. Участники из Томска и Барнаула уже слышали о таких формах работы и проявили большой интерес к данной теме. Новосибирская организация особое внимание уделила возможности создания партнерских проектов и внедрения программ примирения у себя в регионе.

2. 12-16 декабря в г. Иркутске прошел первый областной Молодежный форум «Будущее Прибайкалья». Организатор – Комитет по молодежной политике администрации Иркутской области. В. Шакина поделилась с участниками Форума опытом проведения программ ВП.

3. 4 декабря на семинаре для подростков «Права несовершеннолетних», который проводился в областной юношеской библиотеке им. Уткина г. Иркутска, прочитан доклад «Принципы восстановительного правосудия».

4. 20-21 декабря в г. Иркутске прошла конференция по работе КДН всех районов Иркутской области; В. Шакина выступила с предложением о сотрудничестве не только с иркутской КДН, но и с комиссиями из области.

Тюмень

23-24 ноября 2000 года. Участие в научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальной работы в регионе». Организаторы – Департамент социальной защиты населения Администрации Тюменской области и Тюменский государственный нефтегазовый университет. Доклад «Восстановительное правосудие. Стратегия развития в г. Тюмени» Е. Д. Обрядиной включен в сборник материалов конференции².

Освещение в СМИ

Иркутск

1. В октябре иркутской командой написан сценарий двадцатиминутного фильма о восстановительном правосудии и программах примирения в г. Иркутске. В съемках фильма приняли участие В. Шакина, О. Бондарчук, С. Прохоров, В. Шакин. Фильм снят группой кинематографистов иркутского телевидения и показан 10 декабря 2000 года на 23-м канале.

2. В. Шакина и Л. Свистунова дали интервью журналисту А. Бланку о деятельности иркутской группы по внедрению программ примирения. Статья «Правосудие может быть мирным» опубликована в газете «Честное слово» 17 ноября 2000 года.

Дзержинск

1. В газете «Дзержинец» опубликована статья «Программы восстановительного правосудия в Дзержинске», посвященная работе семинара Центра «Судебно-правовая реформа», который проходил в рамках проекта «Партнерство за восстановительную юстицию в России» (5-8 августа 2000 года).

2. Нижегородским телевидением показан репортаж о семинаре «Идеи и технологии восстановительного правосудия», проведенном 1 ноября 2000 года в Нижнем Новгороде.

Тюмень

1. Заметка О. Крыльцовой «Новое правосудие» опубликована в газете «Тюменский курьер» 25 ноября 2000 года.

2. Пресс-релиз «Первая примирительная встреча» появился в СМИ г. Тюмени.

3. Дано интервью для радиостанции «Радио-7» и телекомпании «Паралакс» (директор БФРГТ В. В. Барова и Е. Д. Обрядина).

¹ Подробное описание этой программы примирения см. в настоящем выпуске «Вестника»: *Лайша Т.* Опыт организации и проведения программы примирения на этапе предварительного следствия. – *Прим. ред.*

² Материалы конференции «Актуальные проблемы социальной работы в регионе». 23-24 ноября 2000 года. – Тюмень: Вектор-Бук, 2001.

Т. Дугарская

Книга Джона Брейтуэйта
«Преступление, стыд и воссоединение»

Профессор Дж. Брейтуэйт преподает в Программе права Исследовательской школы социологии Австралийского государственного университета. Это видный ученый, теоретические труды и практическая деятельность которого в области социологии, антропологии и права известны далеко за пределами Австралии. О признании книги «Преступление, стыд и воссоединение» как серьезного достижения в криминологии и социологии свидетельствует тот факт, что за эту работу, первое издание которой вышло в 1989 году, автору были присуждены две премии: в 1990 году – премия за выдающиеся достижения Общества изучения социальных проблем (США) и в 1991 году – премия Майкла Дж. Хинделанга Американского криминологического общества за самый большой вклад в криминологию за последние три года.

И содержание, и общественная направленность книги в значительной мере отражают характер деятельности ее автора. В 70-х и в начале 80-х годов, когда Брейтуэйт работал в Австралийском институте криминологии, его интересовали главным образом эмпирические труды в области корпоративной преступности. В это время им были написаны книги «Корпоративная преступность в фармацевтической промышленности», «Влияние огласки на корпоративных преступников (в соавторстве с Брентом Фиссом)» и «О мягких манерах» (в соавторстве с Питером Грабовски).

Во второй половине 80-х годов его занимали теоретические изыскания, результатом которых стали книги «Преступление, стыд и воссоединение», «Не по заслугам: республиканская теория уголовного правосудия» (в соавторстве с Филипом Петитом), «Чуткое регулирование» (совместно с Яном Айресом) и «Корпорации, преступность и ответственность» (совместно с Брентом Фиссом).

В 90-х годах Брейтуэйта заинтересовала практическая деятельность в Австралии, связанная с теоретическими трудами в области ВП. Восстановительное правосудие он считает всемирным общественным движением, вкладом в которое являются его теоретические труды и практический опыт. С 1999 года Брейтуэйт является членом Консультативного совета Международного института восстановительного правосудия.

Предметом своего исследования Брейтуэйт сделал не просто преступность, а преступность в понимании современной криминологии. Будучи по жанру синтезирующей, работа Джона Брейтуэйта объединяет различные течения криминологии (теории ярлыков, делинквентных субкультур, стратификации, дифференциальной ассоциации), в ней уделяется внимание и последним достижениям в области культурологии и социальной психологии. Основу этого синтеза составляет вводимая автором концепция стыда, детальный анализ распространенных в обществе институционализированных и неформальных порицаний преступника. Брейтуэйт отмечает, что одним из самых мощных инструментов общественного контроля действительно является стыд, который, по убеждению автора, может быть разным – клеймящим и воссоединяющим. В данном контексте автор отвечает на вопросы о том, что такое преступление, кто такой преступник, какова должна быть реакция общества на отклоняющееся поведение и в чем его причина.

Карательное правосудие порождает чувство клеймящего стыда. Человеку внушают, что порочно не только его поведение – порочен он сам. Подобное отношение приводит к тому, что осужденному становится чрезвычайно сложно вернуться в общество: на человеке, совершившем противозаконное действие, вечно будет лежать клеймо преступника, вынуждая его сближаться лишь с себе подобными.

Воссоединяющий стыд осуждает преступление, но не человека, совершившего его; более того, внушение этого чувства дополняется ритуалами и жестами прощения, сопровождающими возвращение правонарушителя в социум. Признавая свою вину, возмещая нанесенный ущерб, преступник восстанавливает самоуважение и добивается того, что община принимает его обратно. Таким образом, воссоединяющий стыд позволяет использовать правонарушение для воспитания оступившегося и укрепления общины.

Существенно отличается и общий подход Брейтуэйта к вопросу о том, кто должен играть главную роль в предупреждении преступности. Точка зрения сторонников основных направлений криминологии сводится к тому, что община (*или гражданское общество с его институтами*) не должна участвовать в проведении подобного рода профилактики, поскольку есть профессионалы (*то есть специальные государственные органы, которые реализуют принятую на данном этапе уголовную политику*), способные этим заниматься. Брейтуэйт считает, что такое положение лишь способствует росту преступности.

«Контроль над преступностью является наиболее эффективным в том случае, когда главными исполнителями этой задачи становятся члены общины, принимающие активное участие в устыжении преступника, а после всесторонне участвующие в его реинтеграции в общину законопослушных граждан. Низкий уровень преступности наблюдается в тех социумах, где люди не стремятся «заниматься каждый своим делом», где терпимость к отклоняющемуся поведению имеет определенные рамки и где община предпочитает самостоятельно решать проблемы с преступностью, а не взваливать их на профессионалов. Говоря все это, я не предлагаю заменить «власть закона» на «власть человека». Я утверждаю, однако, что если к решению проблемы преступности и исправлению нравов не будет привлечена община, то власть закона сведется к бессмысленному набору процедур и санкций, более всего напоминающих произвол».

Интерес к книге Брейтуэйта со стороны Центра «Судебно-правовая реформа» объясняется необходимостью расширения представлений о восстановительном правосудии и желанием разобраться в механизмах действия применяемых программ ВП – программ примирения жертвы и правонарушителя, примирения в семье и т.д.

Мы полагаем, что для большинства российских читателей и, прежде всего, для читателей, профессионально занимающихся проблемами права, знакомство с книгой Брейтуэйта будет интересным открытием, побуждающим иначе посмотреть на многие вопросы уголовной теории и практики.

Публикации и книги под редакцией Дж. Брейтуэйта по проблемам восстановительной юстиции:

1. *Брейтуэйт Дж.* Комментарий: закон, мораль и восстановительное правосудие // Европейский журнал уголовной политики и исследований (European Journal on Criminal Policy and Research), 1997, 5 (1), с. 93–98.
2. *Брейтуэйт Дж.* Обзорная статья: Ритуалы раскаяния и восстановительное правосудие // Журнал политической философии (Journal of Political Philosophy), 8 (1), с. 115–131.
3. *Брейтуэйт Дж.* Соединить предупреждение преступности и восстановительное правосудие // Конференции: Новый ответ на правонарушения. / Под ред. Т. Уочгела, 1998.
4. *Стрэнг Х., Брейтуэйт Дж.* Связать философию и практику // Восстановительное правосудие: от философии к практике. / Под ред. Х. Стрэнга и Дж. Брейтуэйта, 2000.
5. Восстановительное правосудие и гражданское общество. / Под ред. Х. Стрэнга и Дж. Брейтуэйта, 2001.
6. Восстановительное правосудие и насилие в семье. / Под ред. Х. Стрэнга и Дж. Брейтуэйта, 2001.

¹ См.: *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание (приложение ко второму изданию). С. 302–306.

Дж. Брейтуэйт

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СТЫД И ВОССОЕДИНЕНИЕ»

Фрагмент главы 5. ВНЕ ГРАНИЦ УДЕРЖАНИЯ, ВНЕ ГРАНИЦ ОПЕРАНТНОГО ОБУСЛОВЛИВАНИЯ: СОВЕСТЬ И СТЫД. (Перевод *Н. Хариковой*)

Джексон Тоби (Jackson Toby, 1964: 333) предположил, что удерживающее воздействие не имеет ни малейшего отношения «к огромным массам населения, которые бессознательно усвоили нравственные нормы общества». Люди, как правило, придерживаются рамок закона не из-за страха перед наказанием и даже не из-за боязни стыда, но потому что им просто претит сама мысль о преступном поведении. Для большинства людей тяжкие преступления в их основной массе просто невообразимы; эти люди не проводят рациональный анализ затрат и выгод, прежде чем прийти к решению соблюдать закон. Решающим моментом для понимания того, почему большинство из нас и подумать не может о большей части тяжких преступлений, является, как мы будем утверждать, внушение стыда.

«Невообразимость» преступления есть проявление нашей совести, или сверх-Я, – как бы мы это ни называли в зависимости от наших предпочтений в области психологических теорий. Для Айзенка (Eysenck, 1973: 120) совесть – это условный рефлекс. Наш неоднократный детский опыт связывает проступки с подзатыльниками, пренебрежительным отношением, стоянием в углу, выговорами и другими неприятными стимулами. Этот опыт закрепляет за девиантным поведением условную реакцию страха и тревожности. Такие слова, как «плохо» и «дурно», тоже начинают связываться с этими неприятными событиями и со временем также вызывают условную реакцию тревожности. Это вербальное приклеивание ярлыков является основой процесса обобщения, объединяющего вместе под рубрикой «плохо» или «дурно» самые разнообразные виды неприемлемого поведения, каждый из которых влечет за собой условную реакцию тревожности. Со временем процесс обобщения продолжается, и уже более абстрактное понятие «преступления» определяется как «дурное» или «зло». Оставим психологам споры о том, в какой мере процесс приобретения и обобщения совести является результатом обусловливания, а в какой мере это – когнитивный процесс. Суть в том, что совесть – свойство приобретенное.

Для подростков и взрослых совесть является более мощным орудием контроля над неприемлемым поведением, чем наказание. В отличие от яслей, в более широком обществе технически уже невозможно устроить так, чтобы угроза наказания нависала над головами людей всякий раз, когда они сталкиваются с искушением нарушить существующие правила. К счастью, совесть больше чем просто компенсирует отсутствие формального контроля. В успешно социализированном индивиде совесть вызывает реакцию тревожности как наказание за любого рода причастность к преступлению – наказание более систематическое, чем бессистемные действия полиции. В отличие от любого наказания, исходящего от суда, реакция тревожности возникает безотлагательно. Наказание беспокойством действительно предшествует вознаграждению, получаемому от преступления, тогда как наказание законом следует много позднее полученного вознаграждения. Для большинства из нас, таким образом, муки собственной совести – более сильная угроза, чем наказание, которому нас может подвергнуть система уголовного правосудия.

Внушение стыда представляет особую важность в качестве социетального процесса, гарантирующего существование семейного процесса формирования совести ребенка. Как страховая компания не может вести дела без гаранта, так и семья не могла бы способствовать развитию совести в детях в культурном вакууме, лишенном социетальных практик устыжения. Внушение стыда само по себе является важным

приемом воспитания; оно – чрезвычайно ценный инструмент в руках ответственного и любящего родителя. Однако с развитием нравственности ребенка, с переходом социализации от этапа формирования реакций на внешний контроль к этапу формирования реакций на контроль внутренней прямой формы внушения стыда теряют свою важность в сравнении с воззваниями – обращением к привязанности или уважению ребенка к другим, обращением к его собственным нормам того, что есть хорошо и плохо. Существуют некоторые данные, действительно подтверждающие, что по мере развития ребенка методы непосредственного внушения стыда могут стать менее эффективными, чем методы воззваний и увещевания (Dienstbier *et al.*, 1975). Имеются также веские доказательства того, что излишняя родительская опора на наказание и утверждение собственной власти находится в прямой связи с последующей делинквентностью, потому, возможно, что она тормозит полное развитие внутреннего контроля за счет сохранения контроля внешнего (Hoffman and Zaltstein, 1967; Feshbach, 1970; Hoffman, 1970; Eron and Leftkowitz, 1971, Eron *et al.*, 1974; Welsh, 1976; Maccoby, 1980: 385; Agnew, 1985).

Внешний контроль, тем не менее, должен сохраняться где-то на заднем плане. Если становление совести проходит должным образом, к прямым формам внушения стыда и, больше того, наказания прибегают все реже и реже. Но временами совесть изменяет каждому из нас, тогда для скомпрометированной совести необходим повторный урок. В такой роли «крайнего средства» внушение стыда имеет огромное преимущество перед наказанием. Устыжение в большей степени, чем наказание, наполнено символическим содержанием. Наказание – это отрицание веры в нравственность преступника путем сведения законопослушания к расчету затрат и выгод. Внушение стыда может стать новым утверждением нравственности преступника посредством выражения личного разочарования в том, что он сделал что-то, столь неподобающее, а также – если внушение стыда носит воссоединяющий характер – посредством выражения личного удовлетворения от того, что преступник восстановлен в обществе. Наказание возводит границы между оступившимся и наказываемым, преобразуя отношения и закладывая в их основу утверждение власти и причинение боли. Следствием устыжения становится более прочная, пусть и болезненная, взаимосвязанность сторон, взаимосвязанность, способная увести от клеймения или установить потенциально более положительные отношения. Наказание зачастую бывает стыдным, и внушением стыда обычно воспринимается как наказание. Но в то время как наказание обретает символическое наполнение лишь благодаря тому, что своим осуждающим характером оно связывается с внушением стыда, внушение стыда являет собой символическое содержание в чистом виде.

Тем не менее, равно как необходимость внушать стыд возникает, когда отказывает совесть, так и необходимость наказывать появляется, если преступник находится вне поля действия стыда. К сожалению, однако, у не испытывающих стыда и угрызений совести, не поддающихся обусловливанию стыдом, вероятнее всего, и наказание не вызовет нужной условной реакции. Здесь имеются в виду психопаты (см. работу Медника о способности к выработке условных рефлексов и психопатии; работа эта, похоже, касается обусловливания как посредством боязни стыда, так и страха перед формальным наказанием (Mednick and Christiansen, 1977; Wilson and Herrnstein, 1985: 198-204)). Данные свидетельствуют, что наказание является весьма не эффективным «крайним средством» для людей, которые в своем развитии стали выше приемов контроля, имевших действие в их детстве. В этом заключается основная проблема модификации поведения (основанного на поощрениях и наказаниях) как метода реабилитации правонарушителей. Правонарушители играют в эту игру, возвращаясь к доподростковому реагированию на социальный контроль вознаграждений и наказаний, поскольку так они могут получить наибольшие привилегии и удобства. Однако,

покидая исправительное учреждение, они вновь начинают вести себя как взрослые (коиими и являются) во взрослом мире, где возможность позволить себе проступок и близость наказания связаны весьма отдаленно.

Тот факт, что результатом устыжения становится формирование совести, дает ему превосходство над другими стратегиями контроля, которые основаны на простой манипуляции вознаграждениями и издержками, связанными с преступлением. Указанный эффект внушения стыда усиливается благодаря тому, что процесс этот, по природе, отличается общей причастностью. Тогда как действительное наказание налагается одним человеком либо ограниченным количеством работников системы уголовного правосудия, к связанному с наказанием устыжению могут быть привлечены почти все члены общины. Таким образом, когда в нижеприведенном отрывке Знанецкий говорит о «наказании», он на самом деле имеет в виду осуждение или внушение стыда, связываемое с наказанием:

Вне зависимости от того, удерживает ли в действительности наказание от последующего нарушения закона или нет, оно, похоже, значительно укрепляет согласие и солидарность тех, кто деятельно или опосредованно участвует в определении его меры. Противостояние наказуемым деяниям других увеличивает конформность налагающих наказание и ведет, таким образом, к сохранению и поддержанию системы, участниками которой они являются.

(Znaniecki, 1971:604)

Участие в выражении отвращения по отношению к преступным действиям других является частью того, что делает для нас отвратительной и невообразимой возможность выбрать преступление. Больше того, в следующей главе, говоря о половой принадлежности и воссоединяющем стыде, я буду утверждать, что чем чаще человек становится инструментом внушения воссоединяющего стыда другим, тем значительно увеличивается его способность к воссоединению и реинтеграции в случае, если стыдят его самого. Женская роль, которая отчасти заключается в осуществлении реинтеграции в семье, во многом определяет приверженность исполняющих эту роль к мысли о желательности воссоединения в случае, когда опасность стать отверженным возникает перед ними самими.

Когда мы стыдим самих себя, то есть испытываем угрызания совести, мы обнаруживаем себя в роли другого, видя в себе объект, заслуживающий стыда (Mead, 1934; Shott, 1979). Мы учимся этому путем совместного с другими участия в устыжении преступников и злоумышленников. Внутренний контроль является социальным продуктом контроля внешнего. Внутренний контроль (саморегулирование) может занять место контроля, осуществляемого внешним агентом, только в том случае, когда прочное внутреннее усвоение контроля происходит через предварительное существование в культуре внешнего контроля.

В таких культурах, как японская, где внушение стыда имеет воссоединяющий характер, за церемониями стыда следуют церемонии раскаяния и обратного принятия в общину. В смысле формирования совести эти культуры получают неплохое преимущество в том, что имеют две церемонии вместо одной, а также, что более важно, в том, что утверждение нравственного порядка происходит с двух совершенно разных сторон – со стороны тех, кто был оскорблен, и того, кто в этом повинен. Нравственный порядок устанавливает особый вид доверия, при котором даже тот, кто этот порядок нарушил, выходит и открыто заявляет о том, каким злом является совершенное им нарушение.

Эта возможность достигается благодаря тому, что Гоффман (Goffman, 1971: 113) называет «расщеплением»: «Извинение – это жест, посредством которого индивид

«расщепляет» себя на две части: ту, что виновна в правонарушении, и ту, которая отделяется от деликта и заявляет о вере в нарушенное правило».

В таких культурах, как японская, где «расщепление» входит в практику, поношение согрешившей стороны «я» стороной раскаивающейся может быть много более беспощадным, чем поношение, осуществляемое другими людьми: «он может преувеличить или приукрасить свидетельствующие против него факты, ставя тем самым перед другими задачу сократить его самоуничижение» (Goffman, 1971: 113). Таким образом, по Гоффману, воссоединяющий стыд достигается «расщеплением» личности и отделением заслуживающей порицания стороны, которая становится мишенью индивидуального и общего удерживающего и воспитательного воздействия стыда, в то время как вторая часть отступает назад и совместно со всей общиной выступает орудием порицания, помогая достигнуть эффекта от вышеупомянутого воздействия. Также именно вторая сторона подлежит прощению и воссоединению. Таким образом, в интерпретации Гоффмана внушение стыда по воссоединяющей модели в Японии – это отделение «настоящего» «я», которое представляет собой одновременно и инструмент и объект реинтеграции, от «я» дурного, которое является объектом устыжения.

Если подводить итог, стыд в осуществлении социального контроля действует на двух уровнях. Во-первых, он предупреждает преступное поведение, поскольку социальное одобрение значимых для нас людей представляет ценность, которую не хочется терять. Во-вторых, и что более важно, как устыжение, так и раскаяние формируют совесть, которая предупреждает преступное поведение изнутри даже в отсутствие какого бы то ни было внешнего порицания, связанного с нарушением. Порицание и внушение стыда порождают два весьма разных вида «наказания» – социальное неодобрение и угрызения совести.

Механизм действия слухов и пересудов

Мы уже говорили ранее, что внушение стыда имеет бóльшую значимость в качестве культурного процесса, нежели практической тактики воспитания, поскольку без такого культурного процесса невозможно становление совести. Именно наличие процессов внушения стыда в обществе наполняет социализацию содержанием. Я вспоминаю, как я узнал, насколько ужасно убийство, когда наш ближайший сосед был убит местным мясником в пылу карточной ссоры. Помню поучения моей матери: как она стыдила мясника и говорила о том, какой это позор для его родителей. Такое порицание, несомненно, имело место в каждом доме в нашем районе, и новое содержание вкладывалось в развивающуюся совесть каждого ребенка.

Сомневаюсь, что кто-нибудь из соседей в открытую направлял этот стыд на семью преступника. В этом не было необходимости. Родственники мясника и так знали бы, что поучения и пересуды ходят повсюду. Вместо этого, люди стремились выразить семье свое сочувствие по поводу столь ужасного происшествия. Исключением являлся Эдди, умственно отсталый, которого, бывало, утихомиривали смущенные покупатели мясной лавки, когда он все пытался крикнуть: «Я знаю, почему N здесь больше не работает. Я знаю, что он натворил».

Иными словами, если не считать Эдди, порицание не доходило до ушей родственников мясника, зато доходили жесты воссоединения. Именно таким образом зачастую проходит внушение стыда по воссоединяющей модели: слухи, с которыми нарушитель или его семья не сталкиваются (но о неизбежности которых они осведомлены), сочетаются с открытым стремлением к реинтеграции и обратному приятию, попытками выразить сожаление, обозначить необходимость для преступника и его семьи оставить все позади и начать заново. Скрытые пересуды сочетаются с открытыми жестами, направленными на реинтеграцию преступника.

Глакман (Gluckman, 1963) является ведущим представителем антропологической традиции изучения сплетен и слухов, которая соответствует моему анализу. По Глакману, слухи чрезвычайно важны для процесса кристаллизации и упрочения общинных ценностей. Однако эти же антропологи указали и на то, что в некоторых обществах усердно избегают сплетничать о человеке в его присутствии (например, Campbell, 1964:265). Они утверждают, что, если бы такое происходило, слухи способствовали бы расколу и дроблению общины и в действительности зачастую влекли бы за собой реакцию насилия. Вместо этого слухи способствуют единению и связанности группы.

Это объяснение носит слишком функционалистический характер. Слухи часто бывают основой конфликта, а не социальной интеграции. Вот, например, к каким выводам привело Кэмпбелла его исследование греческой общины горцев: «И поскольку ниспровержение одной семьи утверждает и в некотором смысле повышает статус других семей, мужчины посредством всяческих сплетен, намеков и осуждения поступков пытаются лишить друг друга притязаний на почтение и уважение».

Тем не менее, сторонникам этой традиции удалось сделать ценный вклад, продемонстрировав, каким образом пересуды все же *могут* способствовать социальной интеграции в случае, если открытое осуждение избегается. Но это происходит не всегда. Центральная задача моей книги заключается, кроме всего прочего, в том, чтобы показать, что внушаемый стыд может носить как воссоединяющий, так и отчуждающий характер, и что многое зависит именно от этого разграничения.

Слыша сплетни о других и участвуя в их распространении, мы узнаем об обстоятельствах, в связи с которыми посредством сплетни люди теряют свое доброе имя. Так, если мы сами начинаем вести себя подобным образом, мы знаем, что станем предметом сплетен и пересудов, даже если и не услышим их напрямую. Мы усваиваем культуру.

Внушение стыда в общине, в сравнении с семьей, является, таким образом, более опосредованным и тонким процессом. Однако не следует недооценивать то, в какой степени косвенное выражение неодобрения в сочетании с непосредственной демонстрацией приятия способствует появлению воссоединяющего стыда и в семье тоже. Мать расстроена поведением своего ребенка и жалуется отцу или другому своему ребенку. Затем, возможно, кто-то из них сообщает провинившемуся члену семьи о том, что мать расстроена. Ребенок извиняется перед матерью, и она напрямую прощает его. Или еще более тонко: видно, что мать плакала. Это напоминает дочери о подобной ситуации в прошлом, когда мать сказала, что плакала, потому что другая дочь «подвела» ее. Дочь, видя заплаканные глаза, начинает подозревать, что теперь ее подобным образом стыдят между собой члены семьи. Она просит прощения: из-за слез она испытала стыд, через объятие произошло ее воссоединение. Вот, отчасти, что мы имеем в виду, говоря о том, что внушение стыда и вызов чувства вины суть неделимое составляющее одного социального процесса.

Учебная программа по всему репертуару преступлений

Существование порицания и внушения стыда в масштабах общины необходимо потому, что большая часть преступлений не проходит через личный опыт представителей средней семьи. Узнавать о том, каким злом являются убийство, изнасилование, угон машины и загрязнение окружающей среды, дети должны благодаря осуждению местного мясника или какого-то отдаленного образа на телевизионном экране. Но стыд, направленный на местного преступника, лично известного детям, проживающим по соседству, представляет особую важность,

поскольку и преступление, и порицание столь ярки и близки настолько, что оставляют фактически неизгладимое впечатление.

Порицание и внушение стыда в социализации детей имеют, конечно, по большей части викарный характер, воспринимаются через истории и сказки. Они не обладают такой мощью, которой обладают примеры из реальной жизни, поскольку не являются столь же яркими. Все же они необходимы, потому что, как правило, происшествия в семье или по соседству не охватывают значительное количество видов преступлений. Культура, в которой нет историй и сказок для детей, где четко выводится мораль и определяются злодеяния, потерпела бы неудачу в осуществлении нравственного развития детей. Люди, являясь животными-рассказчиками, определяют свою индивидуальность во многом благодаря ответу на вопрос: «Частью каких сказок и историй я себя считаю?» «Лишите детей их историй и вы оставите им лишь экспромт, сделаете беспокойными заиками, как в действиях, так и в словах» (MacIntyre, 1984:138).

По сути, социетальные процессы внушения стыда выполняют три задачи:

1. Они наполняют содержанием ежедневную социализацию, которая происходит, главным образом, посредством воззваний и увещаний. Как мы только что увидели, порицание и внушение стыда обеспечивают мораль, необходимую для воспитания совести. Дурной характер поступков, выходящих за рамки непосредственного опыта детей, более эффективно передается посредством внушения стыда, нежели посредством простого увещания.
2. Социетальные эпизоды порицания напоминают родителям о разнообразии пороков и злодеяний, в отношении которых им нужно давать своим детям урок нравственности. Родителям необязательно иметь список преступлений, конспект возможных грехов, для того чтобы обсуждать их со своими чадами. В обществе, где порицание и стыд сохраняют свою важность, социетальные примеры внушения стыда способствуют опосредованному порицанию внутри семьи, и, таким образом, все пункты уголовного кодекса оказываются автоматически более или менее охвачены. Так, ребенок, наблюдая однажды за осуждением человека, совершившего изнасилование, спрашивает одного из своих родителей или другого взрослого о том, что лежит в основе этого преступления, либо сам складывает для себя картину из серии подобных эпизодов. Естественно, в тех обществах, где стыдят не в полную силу, сохраняется опасность того, что весь список преступлений не будет охвачен. Это замечание и предыдущее можно свести воедино иным образом: публичное устыжение оказывает давление на родителей, учителей и соседей, заставляя их следить за тем, чтобы их частное устыжение было достаточно систематическим.
3. Социетальное порицание в значительной мере перенимает право у родительской социализации, когда дети уходят из-под влияния семьи и школы. Иными словами, порицание обобщает детские принципы, усвоенные в ранние годы жизни.

Этот третий принцип связан с морально-просветительским потенциалом уголовного права, с его способностью «открывать глаза на нравственность», как называет это Анденес (Andenaes, 1974: 116-17). Ребенком я мог усвоить, что убивать плохо. Но когда я покидаю знакомую семейную обстановку, чтобы начать работать в незнакомой атмосфере атомной станции, система безопасности станции учит меня тому, что нарушение определенных правил безопасности может стоить многих жизней, поэтому людей, совершающих такие нарушения, подвергают сопоставимому с этим, заслуженному стыду. Принцип постыдности незаконного убийства находит свое обобщение. Однако насколько меньше неподдельному стыду подвергаются те, кто пренебрегает правилами безопасности, настолько и я буду склонен воспринимать эти

правила менее серьезно. К сожалению, социетальные процессы устыжения часто терпят неудачу в создании обобщений относительно корпоративной преступности.

Последние годы в некоторых западных обществах были отмечены более эффективным внушением стыда, направленным на определенные виды преступлений и правонарушений: например, на вождение в нетрезвом виде, преступления против окружающей среды, нарушения правил об охране и безопасности труда, политическую коррупцию. Этот стыд для многих взрослых интегрировал новые категории преступлений (которые были упущены их детской социализацией) в нравственные основы, заложенные в них с детства.

Несмотря на то, что граждане по большей части знакомы с содержанием основной массы уголовных законов, знание подробных требований закона может быть привнесено посредством примеров публичного порицания. Порицая юридическую неосведомленность населения, феминистки во многих странах сумели прояснить для граждан, что есть сексуальные домогательства, изнасилование в браке и дискриминация на работе. Социальные изменения проходят необычайно быстро, особенно в свете расцветающих технологий, требующих новой этики ядерной и экологической безопасности, безопасности потребителя, ответственной эксплуатации новых технологий передачи информации и электронных переводов денежных средств, этичное использование новых образований, таких, как биржа фьючерсов, и т.д. Таким образом, устыжение особенно необходимо для поддержания соответствующего сегодняшней ситуации юридического и нравственного порядка.

Ссылки в биографиях кровавых диктаторов на то, что они были заботливыми мужьями и сыновьями или «примерными семьянинами», достаточно регулярно напоминают нам о том, что наши социетальные процессы, обеспечивающие обобщение ситуаций в семье и ситуаций в более широком обществе, далеки от совершенства.

Библиография

- Agnew, R. (1985) «A Revised Strain Theory of Delinquency», *Social Forces*, **64**, 151-67.
- Andenaes, J. (1974) *Punishment and Deterrence*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Campbell, J. (1964) *Honour, Family and Patronage*, Oxford: Clarendon Press.
- Dienstbier, R.A., Hillman, D., Lehnkoff, J., Hillman, J., and Valkenaar, M.F. (1975) «An Emotion-Attribution Approach to Moral Behavior: Interfacing Cognitive and Avoidance Theories of Moral Development», *Psychological Review*, **82**, 1299-315.
- Eron, L.D., Walder, L.O., Huesmann, L.R., and Leftkowitz, M.M. (1974) «The Convergence of Laboratory and Field Studies of the Development of Aggression», in J. DeWit and W.W. Hartup (eds.), *Determinants and Origins of Aggressive Behavior*, The Hague, Paris: Mouton.
- Eron, L.D., and Lefkowitz, M.M. (1971) *Learning of Aggression in Children*, Boston: Little Brown.
- Eysenck, H.J. (1973) *Crime and Personality*, St Albans: Paladin.
- Feshbach, S. (1970) «Aggression», in P.H. Mussen (ed.), *Carmichael's Manual of Child Psychology*, Vol. 2, New York: Wiley.
- Gluckman, M. (1963) «Gossip and Scandal», *Current Anthropology*, **4**, 307-15.
- Goffman, E. (1971) *Relations in Public*, New York: Basic Books.
- Hoffman, M. L. (1970) «Moral Development», in P.H. Mussen (ed.), *Carmichael's Manual of Child Psychology*, Volume 2, New York: Wiley.
- Hoffman, M.L., and Saltzstein, H.D. (1967) «Parent Discipline and the Child's Moral Development?», *Journal of Personality and Social Psychology*, **5**, 45-7.
- Maccoby, E.E. (1980) *Social Development: Psychological Growth and the Parent-Child Relationship*, New York: Harcourt Brace Jovanovich.

- MacIntyre, A. (1984) «The Virtues, the Unity of a Human Life and the Concept of a Tradition», in M. Sandel (eds.), *Liberalism and Its Critics*, Oxford: Basil Blackwell.
- Mead, G.H. (1934) *Mind, Self and Society*, Chicago: University of Chicago Press.
- Mednick, S. and Christiansen, K.O. (1977) *Biosocial Bases of Criminal Behavior*, New York: Gardner Press.
- Shott, S. (1979) «Emotion and Social Life: A Symbolic Interactionists Analysis», *American Journal of Sociology*, **84**, 1317-34.
- Toby, J. (1964) «Is Punishment Necessary?» *Journal of Criminal Law, Criminology and Political Science*, **55**, 332-7.
- Welsh, R.S. (1976) «Severe Parental Punishment and Delinquency: A Developmental Theory», *Journal of Clinical Child Psychology*, **5**, 17-21.
- Wilson, J.Q. and Herrnstein, R. (1985) *Crime and Human Nature*, New York: Simon and Schuster.
- Znaniecki, F. (1971) *Nauki o Kultury*, Warsaw: PWN.

Т. Лайша

О создании и организации работы деловой сети
восстановительного правосудия
в Приволжском федеральном округе

Суть идеи социального партнерства, когда она становится не только лозунгом момента¹, но и находит свое реальное воплощение, можно проиллюстрировать первыми результатами работы по созданию деловой сети восстановительного правосудия в Приволжском федеральном округе.

Речь пойдет о Нижегородском областном отделении межрегионального Общественного центра «Судебно-правовая реформа» (далее – Отделение ЦСПР). Открытие регионального Отделения ЦСПР 23 октября 2000 года явилось результатом интенсивной и эффективной совместной деятельности активистов общественной организации «Дзержинский правозащитный центр» и сотрудников Общественного центра «Судебно-правовая реформа».

В ходе реализации части проекта «Партнерство за формирование восстановительной юстиции в России» в г. Дзержинске Нижегородской области сформировалась группа специалистов (психологов, юристов и социальных педагогов), решивших и далее способствовать продвижению идей восстановительного правосудия в масштабах Приволжского федерального округа. Дополнительным стимулом, ускорившим юридическое оформление Отделения ЦСПР, стала Ярмарка социальных и культурных проектов Приволжского федерального округа, которая проходила в г. Перми с 28 по 30 ноября 2000 года. Перед проведением Ярмарки был объявлен конкурс социальных и культурных проектов «Социальное партнерство», в котором принял участие и коллектив Отделения ЦСПР. Проекту «Партнерство в реализации восстановительного подхода к разрешению конфликтов через программы примирения», представленному на конкурс, Экспертный совет Ярмарки присудил звание победителя.

Говоря о содержании этого проекта, следует выделить три главных направления:

1. Внедрение и расширение практики применения восстановительных процедур как основы разрешения конфликтов в разных социальных сферах, где возможно вмешательство нейтрального посредника в возникший конфликт.
2. Организация в Приволжском федеральном округе сотрудничества муниципальных органов, деловых кругов и общественных организаций на местном и региональном уровнях, направленного на обмен опытом применения

восстановительного подхода к разрешению конфликтов. Нам представляется, что сотрудничество представителей трех секторов (власти, бизнеса и общественности) именно в практике некарательного реагирования на конфликт будет способствовать как гуманизации их взаимоотношений, так и внесению новых личностных смыслов для участников процесса, конвергируя два таких разных аспекта социального партнерства, как нравственный императив и организационный механизм².

3. Объединение некоммерческих организаций, заинтересовавшихся восстановительной юстицией, в деловую сеть для совместной работы по развитию этих идей применительно к конкретным региональным условиям. «Участники одной сети могут принадлежать к разным организациям, профессиям и типам деятельности, поскольку в первую очередь их объединяет не процесс получения какого-то продукта, но содержащийся в их навыках мышления и отношения к «окружающему миру» образ мира-как-он-должен-быть»³.

Цели и задачи, поставленные в проекте, могут быть достигнуты только при условии реального, а не формального партнерства, поскольку предполагают:

- организацию обмена информацией и опытом между участвующими в проекте партнерами;
- выпуск брошюры с методическим описанием и обобщением этого опыта;
- создание окружного объединения общественных некоммерческих организаций, работающих в области восстановительного правосудия;
- участие в подготовке регионального закона по КДН;
- проведение конференций с целью обсуждению содержания брошюры;
- публикации о ходе выполнения проекта в СМИ, в том числе через партнеров в других регионах Приволжского федерального округа.

К настоящему моменту с Нижегородским областным отделением ЦСПР по проекту «Партнерство в реализации восстановительного подхода к разрешению конфликтов через программы примирения» выразили желание сотрудничать общественные организации ПФО Перми и Пермской области, Саратова, Нижнего Новгорода, Самары, Казани, а также других федеральных округов (г. Урай Тюменской области, Иркутск, Новороссийск, Обнинск, Великий Новгород).

Первый семинар по данному проекту планируется провести не позднее мая 2001 года. Предположительно он будет посвящен следующим темам:

1. Восстановительное правосудие как *технология* – способ, принципиально воспроизводимый и тиражируемый. Возможности и трудности. Подтема: «Личность ведущего программ примирения; саморазвитие и профилактика «выгорания»».
2. Аспекты социальной жизни, в которых реален восстановительный подход через программы примирения. Партнеры в применении восстановительного подхода (в конкретных региональных условиях).
3. Отработка навыков ведущего программ примирения.

Работа по созданию деловой сети восстановительного правосудия в Приволжском федеральном округе через реализацию проекта «Партнерство в реализации восстановительного подхода к разрешению конфликтов через программы примирения» будет строиться по согласованию с лицами, включенными в бюджет проекта (оплата расходов на участие в семинаре, конференции и на издание брошюры). Учитываются также интересы тех партнеров, которые захотят сотрудничать вне бюджета данного проекта.

Для организации наиболее эффективного сотрудничества Нижегородское областное отделение ЦСПР просит всех, кто заинтересован в продвижении идей

восстановительного правосудия, откликнуться, прислать свои предложения, идеи и пожелания.

¹ *Флямер М.* Социальные технологии как лозунг момента (заметки о ситуации в Приволжском федеральном округе). С. 66–72 в наст сб.

² Там же.

³ Там же.

М. Флямер

Социальные технологии как лозунг момента **(ЗАМЕТКИ О СИТУАЦИИ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ ПОСЛЕ ЯРМАРКИ)¹**

Эти заметки возникли в контексте дискуссий в группе «Новые социальные технологии», проходивших в последний день Ярмарки. В этих заметках я попробовал собрать результаты и сделать общие выводы из этого обсуждения. Разумеется, я понимаю зависимость предложенной точки зрения на происходящие процессы от моего собственного опыта. В любом случае, я полагал общезначимым сделать акцент на *анализе ситуации* возникшей после Ярмарки. Единственный способ не утратить эффективности в условиях динамичных и качественных изменений – думать над происходящим и додумывать до предела. Цель заметок – прояснить собственную интуицию возникшей ситуации и поднять ее на уровень анализа ситуации, постановки целей и задач момента в перспективе организации в ПФО сети восстановительного правосудия.

1. Идея «социального партнерства» между прошлым и будущим

Один из способов осмысления Ярмарки состоит в рассмотрении ее как важного события в процессе продвижения идеи «социального партнерства». О Ярмарке говорилось, что она послужила реализации этой идеи и одновременно явилась ее *триумфом*.

Известно, что сама эта идея была описана в конце 1995 года (Либоракина М., Флямер М., Якимец В. «Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества в России») и затем, вплоть до 2000 года, пропагандировалась на всех уровнях и продвигалась усилиями многих общественных групп. Первые публикации, раскрывающие идею социального заказа, по словам Н.Хананашвили, относятся к 1994 году. Когда говорят о триумфе, то, возможно, имеют в виду, что все эти 5 лет идея «социального партнерства» была скорее лозунгом и императивом части лидеров общественного сектора России, но *никогда не была нормой*, по которой «власть» организовывала сама себя и свое взаимодействие с общественностью. С этой точки зрения, важно подчеркнуть, что Ярмарка *конкретно и поучительно* для громадной массы чиновников, показала, по меньшей мере, инструментальный смысл идеи «социального партнерства» как совокупности принципов и механизмов, по которым организуется управленческое действие в социальной сфере. Ярмарка здесь предстает как действие по *включению подражания* в слое управленцев-чиновников социальной сферы субъектов федерации и администраций городов целого

федерального округа, как действие утверждающее в качестве нормы для госорганов и городских администраций распределение бюджетных средств через конкурсы «социального партнерства», опирающиеся на механизмы социального гранта и социального заказа.

Соглашаясь с такой оценкой произошедшего события, предлагаю взглянуть на происходящее с точки зрения более широкого опыта.

Первый такой опыт связан со сравнительно недавней историей внедрения хозрасчетных схем на производстве. История эта поучительна в том отношении, что она показывает, *как продолжаются и чем заканчиваются* ситуации, в которых политической волей вводятся новые управленческие механизмы организации производства и перераспределения. Как известно, в начале реформы хозрасчета слой управленцев-чиновников вынужден был адаптироваться к новой ситуации и использовать различных экспертов и консультантов (которые объясняют про 7 или 77 схем хозрасчета и т.п.). Затем, однако, когда чиновники разобрались, что к чему, поняли, каковы «новые правила игры», они отказались от образовательных услуг и начал использовать новые схемы и механизмы для реализации своих клановых и частных интересов.

Значение этого опыта для истории идеи социального партнерства состоит в том, чтобы провести эвристичную аналогию, указать на возможность повторения этого процесса (только на этот раз не на схемах хозрасчета, а на схемах социального заказа, социального гранта и других механизмах социального партнерства) и, самое главное, поставить вопрос о конечном результате всего процесса. Если мы принимаем гипотезу о том, что ярмарка включила в слое чиновников механизмы подражания и открыла этап массового применения в целом ряде субъектов федерации механизмов социального партнерства, то будет правильно поставить вопрос: «Чем это массовое применение обернется для страны (округа) и жизнедеятельности ее населения? Каков будет конечный результат процесса массового применения схем партнерского взаимодействия госорганов, общественности и бизнеса?» Более того, судить о значении Ярмарки – был ли это триумф или начало провала идеи «социального партнерства», – на мой взгляд, следует с позиций того, с какими результатами мы выйдем из этапа массовизации.

А результат этот отнюдь не предрешен и не гарантирован. Тут надо отметить, что в идее социального партнерства есть два разных аспекта. Первый – это «социальное партнерство» как *нравственный императив* и общественный идеал (в котором подчеркивается, что лучшее общество возникает из преодоления отчужденности между людьми, что это, по сути, результат причастного к людям и их жизни отношения), второй – «социальное партнерство» как *организационный механизм*, как формальная схема взаимодействия сторон вокруг «социальной проблемы», по которой может быть организован конкурс и другие распределительные мероприятия. Для разных субъектов в этой идее будут важны разные аспекты. Тем более, указанные планы расщепятся в процессах массовизации и социального подражания, о котором я писал выше и, может быть, даже необратимо. Важно понимать, что, когда эти два плана идеи социального партнерства отделяются друг от друга и расходятся, через формальные схемы и механизмы партнерства может реализоваться, **в сущности любое** социальное содержание. Характерный пример, такого социального партнерства по форме, а по сути – криминала, пришел из Екатеринбурга. На всю страну прогремела история о деятельности группировок уралмашевцев, которая развернулась до партнерства общественного фонда «Нет наркотикам» с ГУВД города в борьбе с такой социальной язвой, как наркоторговля и наркомания.

Конечный результат для жизнедеятельности населения страны (округа) этапа массового применения механизмов социального партнерства потому никак не

предреши, что эти механизмы *ценностно нейтральны*, они не содержат обобщенного выбора той деятельности, осуществление которой должно и будет через них поддержано². Разобраться с проблемой неопределенности конечного социального результата применения механизмов партнерства можно обратившись к теме технологии решения социальных проблем или «социальные (гуманитарные) технологии».

2. «Социальные технологии»

Сегодня, несмотря на частое использование словосочетания «социальные технологии» многими представителями общественности, значение этого выражения остается неопределенным и многосмысленным. Это скорее метафора и бренд, чем строгое понятие. В частности, путаются и смешиваются трактовки «социальной технологии» как элемента, принадлежащего пространству управления и реализации управленческих решений, и «социальной технологии» как клиент-центрированной процедуры, решающей определенную социальную проблему³. Например, часто специалисты по формам межсекторного взаимодействия (социальный грант, социальный заказ и др.) называют социальный заказ и др. организационные механизмы социальной технологией.

Для меня в содержательной трактовке этого понятия⁴ изначально важен был процесс обретения индивидуальными неправительственными организациями, ориентированными на социальные проблемы, *состоятельности*. Обретения своей особой роли, полезности и общественной ценности. В указанных работах утверждалось, что эта роль и место в обществе могут быть обретены и признаны не потому, что НПО указывает на наличие социальных язв и проблем, но потому, что НПО *решает* социальные проблемы, овладевает или создает соответствующее ноу-хау и далее *выходит на управленческую позицию*⁵.

НПО реализует *управление* в том смысле, что качественно меняет процесс решения социальных проблем в обществе. Цель НПО здесь – поставить совместное функционирование государственных органов, обязанных решать некоторую социальную проблему, и соответствующих общественных организаций «на рельсы» найденных технологических решений. Второе условие, позволяющее утверждать, что НПО реализуется социальная технология, – создание специального технологического описания, задающего функциональные места общественного и государственного участника, которые должны совместно (в партнерстве) осуществить *процесс решения* социальной проблемы в технологически предписанном виде. Это описание становится основой реорганизации деятельности НПО в соответствии с указанными в нем функциональными требованиями.

Отдельными примерами реализующихся социальных технологий являются: по проблеме насилия в семье – кризисные центры для женщин, по проблемам, возникающих из криминальных ситуаций, – центры восстановительного (примирительного) правосудия. Помимо случаев «полных» социальных технологий, целесообразно в деятельности многих общественных и муниципальных организаций видеть случаи *технологизации* отдельных элементов деятельности, – например, способы активного слушания могут быть «вынуты» из психотерапии, технологизированы и распространены в виде модели телефонов доверия и т.п.

Чрезвычайно важный и слабо исследованный аспект понятия о социальной технологии связан с тем, что решение социальной проблемы общественность основывает на постановке гуманитарных задач, использовании особых приемов и познаний таким образом, что создание, распространение и употребление этих технологий является выражением *процесса гуманитаризации* деятельности в социальной сфере. Фактически это направление работы выступает в России как форма

практического освоения результатов прошлого этапа развития социальных и гуманитарных дисциплин: психологии и психотерапии, социальной психологии и социальной работы, криминологии и виктимологии. Быть «локомотивами» этого процесса – важная миссия общественных инициатив, реализующих социальные технологии.

Понятие о технологии не просто как о способе решения проблемы и достижения какого-либо стандартного результата, а как о способе **принципиально воспроизводимом и тиражируемом** особенно актуально в контексте ситуации, созданной Ярмаркой. Действительно, понятие социальной технологии в этой ситуации оказывается нацеленным на то, чтобы массовую практику применения механизмов социального партнерства *обратить в массовое же решение социальных проблем* населения на основе найденных в деятельности различных общественных групп суммы технологических решений этих проблем. Это новая и важнейшая задача, постановка которой стала возможной после Ярмарки. Что необходимо для решения этой задачи? Я бы выделил три главных проблемы:

- 1) Социальная политика в России находится в периоде смены парадигмы. Старый язык и задачный строй этой политики отмирает и обесмысливается, но какой будет новая парадигма, не ясно. В этих условиях затруднена формулировка критериев оценки социальных технологий и государственного заказа на результат, который они должны дать.
- 2) Есть концептуальная неясность самого представления о социальной технологии, не разработаны рабочие модельные представления. Необходима специальная разработка следующих вопросов (В.Н.Якимец):
 - определение понятия;
 - элементы конструкции таких технологий;
 - цикл жизни социальных технологий;
 - оценка социальных технологий и их реализации;
 - сфера применения технологий;
 - коллекция (библиотека) примеров.

В дополнение к этому списку я бы предложил от себя еще две темы, требующие концептуального прояснения:

А) Проектная культура и технологическая культура.

Если об усвоении элементов проектной культуры и навыках создания проектов в третьем секторе говорить еще можно, то как обстоит дело с технологической культурой и навыками технологизации? А ведь одно не заменяет другого. В плане технологической культуры необходимо разобраться с понятием и методами технологизации, в особенности применительно к не механизуемым видам работ.

Б) Гуманитарность социальных технологий. Или в иной формулировке – гуманитарная «наполненность» технологий.

Каково место гуманитарного начала и гуманитарных ценностей в социальных технологиях? Как соотносятся процессы гуманитаризации с процессами создания и распространения социальных технологий? Можно ли трактовать такие процессы как создание специализированных сетей кризисных центров или центров восстановительного правосудия как гуманитарные проекты, и что это значит?

- 3) Организационное обеспечение решения этой задачи сегодня отсутствует. В этой связи на дискуссии группы «Новые социальные технологии» была поднята тема ресурсных центров для НКО. Ресурсные центры выступили опорными точками для конкурса и ярмарки, поскольку их сеть оказалась соразмерной округу. Но могут ли ресурсные центры выступить в новом качестве – в качестве Центров

социальных технологий⁶, помогающих технологизации, профессиональному описанию социальных технологий и формированию их коллекции, импорту и экспорту наиболее интересных социальных технологий в отдельных субъектах федерации и т.п.? Все это остается неясным и, с учетом вышеперечисленных трудностей, сомнительным. Разумеется, есть интересный положительный пример такой деятельности – Благотворительный фонд развития города Тюмень. Президент фонда Барова Вера Владимировна в частной беседе говорила, что фонд работает в Тюмени с 4-мя технологиями. Причем с 2-мя из них – в режиме импорта в Тюмень готовых технологий из Москвы, так что их перенос осуществляется московскими организациями, а Фонд целенаправленно поддерживает этот процесс. Мне не известны примеры аналогичной деятельности какого-либо Ресурсного Центра в Приволжском округе.

РЦ были ориентированы на работу с сектором в целом, а не с какими-то отдельными видами социальных проблем населения, модель, по которой многие из них были «отпечатаны» не предполагала отнесенности их деятельности к решению социальных проблем населения. По оценкам независимых наблюдателей, даже те из них, которые развивались из сильных специализированных организаций, сегодня потеряли эту отнесенность к решению социальных проблем. Отсюда возникает ощущение, что Ресурсные Центры в их нынешнем виде оперативно не способны стать действующими игроками на этом новом поле, их *деятельность необходимо перепроектировать*. В любом случае, если в направлении конверсии РЦ в организации, способствующие работе с социальными технологиями общественности в округе, возникнут какие-либо проекты, в особенности если авторами их выступят представители самих РЦ, то я бы считал эти проекты приоритетными и рекомендовал экспертам округа их поддерживать.

3. Деловые сети в ПФО. Вопросы стратегии.

Размышляя о путях решения поставленной выше задачи, полезно обратиться к *теме деловых сетей*, поскольку Округ именно от них может ждать создания и распространения качественных проектов, а также необходимой консультационной, экспертной и учебно-методической поддержки их реализации. Не проводя специального изучения вопроса, можно сказать, что часть проектов, победивших в конкурсе «Социальное партнерство», можно отнести к проектам сетевым. Т.е. за их появлением можно реконструировать деловую сеть, действующую в масштабах России. Еще в большей степени это относится к социальным технологиям: они «передаются» потому, что есть кто-то (явный или латентный субъект), кто их осознанно и целенаправленно передает.

Здесь и возникают двусторонние зависимости. От стратегии, которые сегодня создадут по отношению к Округу как действующие, так и пока не действующие в нем деловые сети, во многом будет зависеть многообразие и качество реализующихся в нем инициатив. Но также и наоборот, от тех отношений, которые установит команда Представителя Президента в ПФО с представителями деловых сетей, от тех условий, которые она сможет создать для их деятельности, будет зависеть степень заинтересованности сетей в присутствии именно на территории Округа.

Чтобы понимать возможные тут варианты взаимодействия, необходимо сказать несколько слов о самих деловых сетях. Особенность деловых сетей, их отличие от более привычных форм (например, производственных организаций) состоит в том, что их подосновой является идентификация не с теми или иными конкретными целями и результатами деятельности, но с неким более широким общественно-онтологическим

идеалом. Участники одной сети могут принадлежать к разным организациям, профессиям и типам деятельности, поскольку в первую очередь их объединяет не процесс получения какого-то конкретного продукта, но содержащийся в их навыках мышления и отношении к «окружающему миру» образ *мира-как-он-должен-быть*. Конечно, религиозно-философский аспект в существовании деловых сетей – это еще далеко не все.

Экологи, имеющие дело с обществом потребления, женские группы, сталкивающиеся с патриархатной культурой и дискриминацией, центры восстановительного правосудия, стремящиеся прервать цикл насилия развивающийся из криминальной ситуации, – все они создают **деловые сети**, поскольку размышляют не только о должном, но и о том, как же все-таки это «должное» можно воплотить в жизнь. В этом смысле наличие такой конструктивно-созидательной компоненты является вполне нормальным и закономерным форматом мышления и деятельности деловой сети. Деловые сети в социокультурном мире реализуются в двух формах, которые равно важны для полноценного существования сети. Их можно условно назвать «Ассоциация» и «Форум».

Ассоциации выражают реализационное содержание деловой сети, закрепление и распространение технико-реализационных возможностей, их передачу между узлами сети, их прирост и нормирование. Ясно, что само это распространение может происходить лишь в границах и по сопричастности с идеально-проблемными составляющими мышления.

Форумы можно соотнести с проблемной и коммуникативной природой деловых сетей. Интересна в этой связи статья С.Э.Зуева «Культурные сети (опыт проблемного анализа)» (см. Вопросы методологии № 3-4, 1997), которая раскрывает именно эту сторону дела: «Прежде всего, заметим, что в основе сети лежит проблемный способ организации. В том смысле, что он не обязательно результирует некую общность целей и узкопрофессиональных интересов. В этом случае речь может идти о других формах объединения – ассоциациях, союзах, партиях, социальных институтах и пр. Предельно заостря этот тезис, можно сказать, что общность интересов и целей – повод к конкуренции, а отнюдь не к взаимодействию. И лишь общие проблемы действительно объединяют людей в их осознанной совместной деятельности».

И далее: сеть «есть средство идентификации общей проблемы и приобщения к ней именно как к универсальной проблеме, а не как к временному затруднению в своей локальной деятельности».

Важно сориентироваться в эволюции деловых сетей и их продуктивных выходах. Типологию форм деятельности деловой сети можно создать, дополнив различие двух модусов существования сети – Форума и Ассоциации – двумя направлениями ее эволюции. Можно выделить направление внешнее для сети – экстенсивное (связанное с ассимиляцией нового типа социального и культурного материала, не входившего ранее в деятельность сети) и внутреннее – интенсивное (связанное с реорганизацией существующих структур сети, образованием в ее рамках новых связей и зависимостей). Тогда возникает типологическая матрица, в клетках которой задаются типовые продуктивные выходы сети.

На этом рассмотрение понятия о деловых сетях можно закончить.

Замысел конкурса «Социальное партнерство», который был реализован на уровне ПФО, планирование Ярмарки и Конкурса как регулярных окружных мероприятий, перспектива массового применения механизмов социального партнерства в субъектах федерации и городах, – все это подсказывает, что организации и сети, которые уже вышли на уровень работы с социальными технологиями, могли бы ставить перед собой качественно новые задачи. Например, начать повышать *плотность* своего присутствия

в Округе до такой степени, когда для населения и систем управления *начнет кристаллизоваться как стандарт и норма* – иметь на сколько-то тысяч населения Службу восстановительного правосудия или Кризисный Центр. Но для того, чтобы новые социальные технологии вошли в социальную реальность, их распространение должно быть подкреплено политикой Округа. Для смены стандартов деятельности в социо-культурной сфере нужны оба типа средств – и деловые сети, и благоприятствующая их развитию политика Округа.

Нужно ли это Представителю Президента и его команде? Опасность всякого политика – остаться в сфере слов, которая не может снять качественную разницу прошлого и будущего состояний социума (утопизм). Достоинство социальных технологий в том, что они «размыкают» сферу слов и реализуют новые приоритеты и ценности по существу. Таким образом, можно выделить три основных предмета сотрудничества деловых сетей и Округа:

- 1) определение существа конкретных политик (социальной, уголовной, образовательной, экологической и т.п.) и перспективных социальных проектов, в которых они получают свое присутствие на местах;
- 2) переориентация наиболее инерционных частей социальной и культурной сферы (отдельных ведомств, государственных и муниципальных учреждений) на новые технологии и новые задачи;

и в связи с этим

- 3) формулирование и закрепление как *образцовых в масштабах Округа приоритетов* окружных и региональных конкурсов социального партнерства.

Произойдет ли смычка политики Округа и деловых сетей, как развернется организационное строительство деловых сетей и в каких формах – это те вопросы ближайшего будущего, от разрешения которых зависят реальные результаты изменения жизни населения округа и населения страны. Вопросы всего этапа массового социального партнерства, и по существу и символически открытого в ПФО Пермской Ярмаркой.

17 декабря 2000 – 29 января 2001 г.

¹ Ярмарка социальных и культурных проектов Приволжского федерального округа прошла в г. Пермь с 28 по 30 ноября 2000 г.. Ярмарке непосредственно предшествовал конкурс социальных и культурных проектов «Социальное партнерство», на саму Ярмарку съехались финалисты этого конкурса (общественные организации), эксперты и чиновники исполнительной власти субъектов федерации и администраций городов округа, представители промышленных предприятий.

² Поэтому наблюдавшаяся на Ярмарке *фетишизация* этих *механизмов* есть вредное выражение технократизма.

³ На это обратил внимание в ходе дискуссии руководитель Центра Социальных Технологий – К.Зендриков.

⁴ См.: *Либоракина М., Флямер М., Якимец В.* «Социальное партнерство. Заметки о формировании гражданского общества в России», Школа Культурной Политики 1996; *Флямер М.Г., Максудов Р.Р.* «Общественная инициатива: от дружеского круга к институциональному проекту» // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: Логос 1999.

⁵ См.: *Флямер М.Г., Максудов Р.Р.* «Общественная инициатива: от дружеского круга к институциональному проекту» // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: Логос 1999. Статья была посвящена анализу деятельности общественных инициатив, и в этой связи задавалось понятие «социальной технологии».

⁶ В 1998 году ОЦ «СПР», при поддержке Фонда «Евразия» проводил в г. Казани семинар для специалистов ресурсных центров по теме «Метод и ресурсы развития общественных инициатив», на котором идея будущего РЦ как Центров социальных технологий была высказана. В семинаре принимали участие представители РЦ Владимира, Казани, Петрозаводска, Тюмени и Кемерово.

	ФОРУМ (углубление проблемного поля)	АССОЦИАЦИЯ (рост технических реализационных возможностей)
ИНТЕНСИВНОЕ	рождение эзотеризма, элементов теории и философии	создание дисциплин, школ мастерства и формирование особой образованности
ЭКСТЕНСИВНОЕ	возврат смысла деятельности в различные организации и трудовые коллективы социума	смена стандарта деятельности в социокультурной сфере путем распространения социальных технологий

8 декабря 2000 года в г. Лювен (Бельгия) состоялось официальное учреждение Европейского форума программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции. Возникла первая в Европе международная организация, объединяющая исследователей, практиков, государственные и неправительственные организации, работающие в сфере ВП. Основное внимание Форум собирается уделять криминальным ситуациям и связанным с ними восстановительным практикам. Тем не менее Форум в своей работе предполагает использовать определение преступности в широком смысле: рассматриваемые дела не обязательно должны проходить в системе уголовного правосудия. В поле зрения Форума будут находиться дела, связанные как с несовершеннолетними, так и со взрослыми правонарушителями. Деятельность Форума ограничена странами, входящими в Европейский Союз. Такое ограничение естественно, поскольку на американском континенте подобная организация уже существует – это VOMA (Ассоциация программ посредничества между жертвой и правонарушителем). Для России и российских специалистов логичным будет осваивать и развивать восстановительные практики в первую очередь через контакты с Европейским форумом.

Предлагаемая статья посвящена более подробному рассказу о создании Форума. Я стремился к тому, чтобы ясно изложить взгляды и организационные решения, на основе которых строился этот процесс. При подготовке сообщения использовались официальные материалы¹ Европейского форума, переданные Центру «Судебно-правовая реформа» в течение 1999 и 2000 годов.

М. Г. Флямер

М. Флямер

Сообщение об организации движения за восстановительное правосудие в Европе

Предыстория

В 1990-х годах многочисленные неформальные контакты между специалистами-практиками, учеными и руководителями неправительственных организаций, работающими по всей Европе, выявили необходимость проведения более регулярного обмена идеями и знаниями, взаимной поддержки в систематическом развитии программ восстановительного правосудия. В тот период было два основных неформальных центра общеевропейской активности в области ВП. Первый был связан с деятельностью кафедры уголовного права и криминологии Лювенского католического университета (Katholieke Universiteit Leuven), а второй ассоциирован с работой экспертов над темой «Посредничество в уголовных делах» при Комитете по уголовным проблемам Совета Европы. Эти группы частично пересекались по составу участников, к тому же придерживались общей точки зрения относительно того, что рекомендации Совета Европы, утвержденные в сентябре 1999 года, могут быть только началом более интенсивной кооперации и деятельности по продвижению программ посредничества между жертвой и правонарушителем в Европе.

Конкретные мероприятия, направленные на запуск работы формальной общеевропейской организации, прошли в 1999-2000 годах в рамках проекта, инициированного Лювенской группой. В 1998 году эта группа получила единовременный грант на создание Европейской сети и проведение организационных мероприятий в течение года. Финансирование проходило по программе «Гротиус» Европейского Союза, помогающей развивать связи между европейскими странами в области правосудия и внутренних дел. Координация и поддержка проекта, который продолжался с 1 января по 31 декабря 1999 года, осуществлялись секретариатом, базирующимся на кафедре уголовного права и криминологии Лювенского католического университета. В качестве основных участников проекта были определены страны с наиболее развитой практикой восстановительного правосудия – Австрия, Бельгия, Финляндия, Франция, Германия, Норвегия, Польша и Великобритания. Координационную группу, управлявшую ходом проекта, образовали эксперты этих стран.

Главные цели проекта, представленного Европейскому Союзу, формулировались следующим образом: проведение консультаций и дискуссий по вопросам восстановительного подхода в уголовном правосудии и создание Форума для обмена информацией, знаниями и опытом. В первый год работы Европейский форум должен был провести конференцию по примирению правонарушителей и жертв, создать формальную европейскую организацию, положить начало международному информационному обмену и обеспечить финансирование будущих проектов.

Миссия Европейского форума

Специалисты, создавшие Европейский форум, изложили в отдельном документе общее понимание восстановительного правосудия и миссии новой организации. Это была не формулировка догм, а указание *проблемной области*, избранной Форумом, и соответствующих направлений работы.

«Существует несколько определений восстановительного правосудия. Программа медиации Соединенного Королевства (Mediation UK) определяет это понятие следующим образом:

Восстановительное правосудие основано на принципе максимального, насколько это реально, возмещения вреда, нанесенного преступлением. Оно предоставляет возможность жертве, правонарушителю, всем заинтересованным сторонам и пострадавшим от конкретного правонарушения встретиться и сообща решить, как это сделать.

Восстановительное правосудие может осуществляться разными способами. Самый распространенный из них – медиация жертвы и правонарушителя, хотя существуют также Круги правосудия, семейные и общественные конференции. Комиссии правды и примирения созданы для восстановительной реакции на ситуации самой страшной жестокости и самых горьких человеческих страданий.

Отличительной чертой всех форм восстановительного правосудия является активное участие как жертвы, так и правонарушителя. В определении медиации жертвы и правонарушителя, приведенном в рекомендации № R (99) 19 Совета Европы, говорится следующее:

Медиация жертвы и правонарушителя – это процесс, посредством которого жертва и правонарушитель при их добровольном согласии получают возможность принять активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления, с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора).

Еще одна отличительная черта медиации состоит в достижении взаимного признания сторон и наделении их полномочиями (часто с помощью обученных волонтеров или профессиональных фасилитаторов). Важными потенциальными результатами этих процессов являются возмещение нанесенного ущерба и примирение сторон.

Запрос на восстановительное правосудие привел к появлению социального движения, с одной стороны, дополняющего, а с другой стороны, противодействующего тенденциям и событиям последних десятилетий, в числе которых можно назвать:

Перенесение акцента с классических карательных мер на меры превентивные. Это *ситуативное предупреждение преступности*, состоящее в улучшении физических мер безопасности, более тщательном наблюдении за общественными местами и расширении прав и полномочий полиции, а также *социальное предупреждение преступности*, заключающееся в уменьшении социальных и средовых факторов преступления. Описанная тенденция, возможно, будет дополнять и поддерживать восстановительные формы работы.

Усиление карательных и репрессивных мер в сочетании с криминализацией широкого круга действий и более суровыми наказаниями.

Применение альтернативных мер, направленных на сокращение потока дел и разгрузки прокуроров и судов. Восстановительное правосудие занимает среди них все большее место. Очень важно, однако, чтобы ВП не рассматривали только как попытку вывести правонарушителей из официальной судебной процедуры и избавить от наказания. Восстановительное правосудие – это особый подход к преступлению и уголовному правосудию в целом, каким бы ни был характер или тяжесть правонарушения или стадия уголовного процесса, в котором находится дело.

Эмансипация пострадавших и растущее движение жертв преступлений, приведшие к появлению различных услуг, которые предоставляются жертвам, и официальному признанию прав жертв. В данном контексте восстановительное правосудие стремится уравновесить потребности, права и ответственность жертвы, правонарушителя и сообщества, в котором они живут.

Движение за восстановительное правосудие старается примирить, с одной стороны, позитивные результаты классического уголовного права, в первую очередь гарантию свободы (под которой понимаются свобода от посягательств на личную неприкосновенность и личную собственность и минимальное ограничение личной свободы государством), а с другой стороны – права, близкого к аутентичному опыту народа, его потребностям и интересам. В отношении уголовного закона это означает работу с конкретными случаями причинения боли или нанесения обиды правонарушителем и исправление последствий по мере возможности.

Восстановительная юстиция реализует «уголовную политику для народа»². Она возрождает древнюю мудрость: на причиненное зло нельзя отвечать другим злом, а надо постараться исправить его. Такое знание и практика все еще сохраняются у некоторых групп и народов, но могут быть легко искажены, отодвинуты, забыты; движение за восстановительное правосудие стремится поддержать их.

Чтобы дать импульс такому движению, как это случилось в Европе, был создан Европейский форум программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции. Его главная цель – сохранять, укреплять и продвигать идеи и практику ВП в противовес системе уголовного правосудия, чрезмерно опирающейся на надзор и репрессии, несмотря на доказательства их неэффективности и опасность упустить из виду обычные проблемы, потребности и страдания жертв, правонарушителей и их ближайшего окружения».

Создание официальной организации

Координационная группа проекта уделила достаточно большое внимание процедуре создания официальной независимой европейской организации. В официальных материалах координационной группы говорится: «Мы хотели создать организацию, деятельность которой основана на уверенности в том, что примирение правонарушителей и жертв и восстановительное правосудие представляют собой самостоятельный подход к проблемам преступности и криминального правосудия, и этот подход имеет свой особый облик по сравнению с другими принятыми методами». Были тщательно рассмотрены доводы «за» и «против» создания независимой, но *неофициальной* организации или сети. Приводившиеся доводы «за» базировались на том, что неофициальная сеть смогла бы полностью сосредоточиться на конкретном материале, интересующем всех; кроме того, в ее рамках будет обеспечена полная свобода проведения различных мероприятий, которые в свою очередь будут способствовать дальнейшему развитию сети. Доводы «против» включали следующие соображения:

- для установления более легкого постоянного научного и практического обмена между странами Форуму понадобится штаб (по крайней мере один координатор), которого придется нанять. А чтобы нанимать сотрудников, Форуму потребуется официальная структура;
- обеспечивать финансирование станет проще, если у Форума будет официальная структура;
- целью Форума является нечто большее, чем просто объединение людей. Среди задач данной организации оказание влияния на проводимую в интересующей ее области политику. В связи с этим необходима четко определенная официальная структура;
- неофициальная организация или сеть может так и остаться неким замкнутым клубом, поскольку будет неясно, что она собой представляет и каким образом к ней можно присоединиться.

Аргументы «против» оказались более весомыми, чем аргументы «за», и координационная группа решила, что Европейский форум должен иметь официальную организационную структуру. При этом было подчеркнуто, что данная структура должна быть как можно более простой и гибкой, с минимальной бюрократической системой.

В конечном счете члены Форума следующим образом определили назначение созданной ими формальной организации. Она необходима для того, чтобы:

- обеспечивать необходимые условия для интенсивного обмена информацией на многосторонней основе;

- закрепить непрерывность и стабильность этого процесса;
- нанять постоянно работающий персонал, облегчающий обмен информацией и поддержку деятельности;
- изыскивать ресурсы для текущей работы, включая общение и взаимную поддержку среди членов Форума, организацию специальных проектов;
- способствовать проведению местных и национальных программ (включая поиск людей, занятых в них), помогая обрести политическую, общественную и информационную поддержку.

Внутри координационной группы и во время предварительной встречи на октябрьской конференции обсуждалась также возможность вхождения в другую ассоциацию, например Европейский форум служб помощи жертвам преступлений или СЕР (Постоянная европейская конференция по условному освобождению). Снова были внимательно рассмотрены доводы «за» и «против».

Доводы «против»:

- потеря самоидентификации и независимости в философии;
- потеря независимости в осуществлении деятельности;
- поиск финансирования может быть затруднен, так как спонсоры вправе заявить, что они уже оказывают поддержку всей организации или что организация получает поддержку от своих членов;
- ни одна из рассмотренных организаций не выполняет полностью все предполагаемые функции Европейского форума, например СЕР занимается в основном вопросами, связанными с условным наказанием, а Европейский форум служб помощи жертвам преступлений ориентирован прежде всего на жертв. Идеи примирения правонарушителей и жертв в Европе реализовывались, как правило, в тесной связи с целым рядом служб: помощи жертвам преступлений, условного наказания, государственными министерствами юстиции и т.д.;
- вхождение на правах младшего партнера ослабит влияние Форума на уже устоявшуюся группу.

Доводы «за»:

- возможность влиять на действия организации;
- поиск финансирования станет проще, так как спонсоров привлечет репутация организации;
- Форуму не придется тратить слишком много энергии на организационные мероприятия, следовательно, будет легче сосредоточиться на главном;
- организация предоставит Форуму свои связи и, вероятно, административную поддержку;
- появится возможность применять новые технологии, опыт и инструменты, наработанные организацией.

В результате члены Форума постановили, что отрицательные моменты от вступления в другую организацию перевешивают предполагаемые выгоды. Вместе с тем была отмечена необходимость создания прочных связей с подобными организациями.

Решения первого общего собрания Форума ³ и первого заседания Правления

О членах Правления

Первое принятое решение касалось количества членов Правления. На общем собрании, состоявшемся 8 декабря 2000 года, постановили, что членов Правления будет девять.

Участники общего собрания исходили из того, что в Правлении должны быть представлены различные регионы Европы (по крайней мере шесть разных стран). Пришли к следующему соглашению: если в ходе голосования сложится ситуация, при которой в Правлении будет недостаточно разнообразный набор стран, и если у одной страны окажется два представителя, то кандидат, получивший меньшее количество голосов, уступит свое место кандидату из другой страны, еще не представленной в Правлении.

Результаты выборов: Иво Айртсен, Торунн Болстад, Андрей Паску, Криста Пеликан, Роберт МакКэй, Мартин Райт, Джезус Труджилло, Тони Питерс, Юхани Иивари.

О членских взносах

Предложено и принято не делать различий по сумме взноса между полноправными членами и кандидатами в члены. Предлагаемый размер членских взносов:

- отдельные члены – 35 евро;
- организации местного (то есть муниципального) или регионального уровня – 100 евро;
- национальные и международные организации – 150 евро.

В исключительных обстоятельствах может быть частичное или полное освобождение от уплаты членских взносов. Взносы утверждаются ежегодно (на один календарный год) и пересматриваются в случае необходимости.

Целая дискуссия была посвящена членским взносам национальных и международных организаций. Некоторые сочли сумму слишком маленькой; другие согласились с ней, предположив, что у национальных организаций не так уж много денег.

Один из членов Форума заявил, что необходимо выбрать между максимизацией доходов и максимизацией количества членов Форума. Более того, присутствующим напомнили, что членские взносы никогда не станут большим источником доходов. Поступило предложение разграничить неправительственные (150 евро) и государственные организации (500 евро). Однако Лодевик Тонино заявил, что к правительствам нужно подходить по-другому. Чтобы развивать идеи восстановительного правосудия в Европе, государственные структуры лучше попросить о крупных отчислениях в Форум: правительства, поддерживающие идею восстановительного правосудия, больше заинтересованы в выплате значительных сумм. Альтернативное предложение состояло в освобождении государственных органов от уплаты членских взносов, если они будут делать значительные отчисления в Фонд; те же организации, которые не вкладывают деньги, должны платить взносы. Но не повлечет ли требование уплаты членских взносов отказ от более существенных вкладов? Было решено, что на практике это вряд ли вызовет проблемы. Таким образом, правительства, инвестирующие крупные суммы, от членских взносов освободили.

В результате утвердили следующие членские взносы:

- отдельные члены – 35 евро;
- организации местного уровня – 100 евро;
- неправительственные региональные, национальные и международные организации – 150 евро;
- государственные организации – 500 евро.

Комитеты Форума

Состав комитетов (автономных рабочих групп) Форума был определен Правлением на основе списка приоритетов работы на ближайший год, сформированного и проранжированного общим собранием:

1. **Анализ ситуации** – обзор программ в Европе; исследование состава и видов практик; сравнение национальных законодательств; отслеживание процессов в рамках Совета Европы (20 голосов).
2. **Практика** – семинары для практиков; анализ случаев; обмен опытом между практиками; выделение образцов и примеров работы; контакты между практиками и учеными (14 голосов).
3. **Тренинг** – стандарты преподавания (11 голосов).
4. **Распространение** – публикации; бюллетень; список рассылки; веб-сайт; распространение информации, в особенности в странах Центральной Европы (10 голосов).
5. **Конференция** (7 голосов).
6. **Исследование** – контакты между практиками и учеными (4 голоса).

На основе этих приоритетов, принятых общим собранием, Правление определило, каким образом сформировать структуру функциональных областей и комитетов. Выделили пять областей: финансы, информация, практика и обучение, связи, исследования. Приоритет «анализ ситуации» отнесен к ведению Комитета, работающего в области информации. Деятельность данного Комитета должна быть направлена на то, чтобы собрать как можно более полные сведения о событиях в Европе, и создать базу данных, к которой каждый мог бы легко обратиться; этот Комитет также отвечает за прогресс на наднациональном уровне. Приоритеты «практика» и «тренинг» объединены в рамках Комитета по обучению и практике, приоритеты «распространение» и «конференция» – Комитета по связям.

Хотя все комитеты организованы автономно, они тесно связаны друг с другом и должны, насколько это возможно, работать вместе. В Комитете по исследованиям необходимо установить взаимодействие между эмпирическими и теоретическими изысканиями и практикой. Несмотря на то что исследования, практика и тренинги соотносятся между собой, лучше иметь отдельный Комитет по исследованиям, поскольку он, скорее всего, будет функционировать в очень короткие промежутки времени.

Правление постановило, что предложенные пять комитетов будут постоянно действующими. Внутри Комитета по связям организуется подкомитет по выпуску бюллетеня Форума.

Также принято решение, согласно которому члены Правления могут быть членами, но не председателями Комитетов. Общее собрание согласилось с предложенной структурой комитетов. Участники общего собрания записались в них по своему желанию.

Финансовый комитет

Председатель: Джоеп Ханрат.

Члены Комитета: Тони Питерс, Белен де ла Камара и Хильде Ван Линдт (в качестве советника).

План ближайшей работы включает три главных направления:

- 1) продолжать контактировать с национальными правительствами, в первую очередь с Министерством внутренних дел, с целью получения инвестиций;

- 2) определить свои приоритеты и постараться подготовить заявку на проект «COST» Европейского Союза, который дает возможность получить поддержку для сети в проведении отдельных акций. Крайний срок – конец января 2001 года;
- 3) повторно обратиться в программу «Гротюус» (Европейский Союз). Следовательно, группе из Комитета по исследованиям нужно подготовить заявку.

Информационный комитет

Председатель: Уотер де Куапер.

Члены Комитета: Регина Делаттре, Дэвид Майерс, Марко Босняк, Катриен Лауаерт, Дагмар Расмуссен, Аннунциата Калфапьетро, Джиойа Коппола, Иво Айртсен, Фредерико Маркес.

В списке необходимых дел: сбор информации на международном уровне для составления базы данных и т.д. Для этого намечены следующие шаги:

- 1) связаться с людьми из каждой страны и получить больше имен из разных стран;
- 2) собрать по электронной почте информацию по тем же восьми заголовкам, что и в книге.

Комитет по обучению и практике

Председатель: Лео Ван Гарсс.

Члены Комитета: Уотер де Куапер, Герд Делаттре (пока не утвержден), Расим Гйока, Мариана Семини, Добринка Чанкова, Джудит Джонсон, Мария Флинн, Бернард Мерфи, Криста Пеликан, Жуа Лазаро, Брам Вандроогенброк, Ханнелоре Малемпре.

Комитет будет заниматься сбором информации о практике в разных странах и о необходимости обучения, а также поиском людей, с которыми можно контактировать по поводу обучения в разных странах. Члены Комитета договорились связываться по крайней мере раз в два месяца.

Комитет по связям

Председатель: Джолиен Вильямсенс.

Члены Комитета: Уотер де Куапер, Регина Делаттре, Криста Пеликан, Андрей Паску, Торунн Болстад, Катриен Лауаерт, Мартин Райт, Анне Лемонне, Иво Аэртсен, Жэм Мартин (пока не утвержден), Марцена Крук (пока не утверждена).

В первую очередь обсуждалась необходимость проведения конференции в 2001 году (но не в Лювене, а в Вене, Польше или Праге). В результате пришли к заключению, что это делать нецелесообразно. Однако члены Комитета проявили интерес к поддержке региональных семинаров, которые будут проходить в Болгарии и Румынии, а конференцию назначили на 2002 год.

Тем не менее в 2001 году необходимо созвать общее собрание. Поскольку Комитет не будет ничего организовывать сам, удобно, если оно совпадет с конференцией Международной сети по исследованиям в области восстановительного правосудия, которая должна состояться в Лювене в третью неделю сентября.

Помимо этого Совету Европы предложено провести что-нибудь совместно по поводу годовщины принятия Комитетом министров рекомендации № R (99) 19.

Что касается странички в Интернете, было решено, что для ее создания необходимы дополнительные человеческие или финансовые ресурсы.

Подкомитет по выпуску бюллетеня

Председатель: Катриен Лауаерт.

Члены подкомитета: Джолиен Вильямсенс, Мартин Райт, Анне Лемонне, Иво Аэртсен, Жэм Мартин (пока не утвержден), Марцена Крук (пока не утверждена).

Все пришли к единому мнению, что содержание и объем бюллетеня менять пока не следует, однако было предложено увеличить размер букв. В следующем году выйдет три номера бюллетеня (в марте, июле и ноябре-декабре) объемом восемь страниц.

Комитет по исследованиям

Председатель: Инге Ванфраехем.

Члены Комитета: Дэвид Майерс, Марко Босняк, Альберто Олалде, Катриен Лауаерт, Расим Гйока, Мариана Семини, Джоеп Ханрат, Джезус Труджилло, Юхани Иивари, Анне Лемонне, Иво Айтсен, Роберт МакКэй.

Утверждены два направления деятельности:

- 1) давать последнюю информацию по исследованиям;
- 2) ввести краткий раздел в бюллетене. За связь с подкомитетом по выпуску бюллетеня отвечает Роберт Стрит.

Практические шаги:

- 1) вручить заявку на грант по программе «COST», чтобы иметь возможность встретиться в течение года;
- 2) разослать электронную почту по цепочке для составления отчета Комитета и делать это регулярно;
- 3) найти финансирование на европейском уровне. Поиск инвестиций поручить Роберту МакКэю.

Координаты для связи

Секретарь Форума – г-жа Джолиен Вильямсенс. С ней можно связаться, используя следующие контактные данные:

Jolien Willemsens

Secretariat of the European Forum for Victim-Offender Mediation and Restorative Justice

Hooverplein 10

3000 Leuven, Belgium

Tel +32 16 32 54 29. Fax +32 16 32 54 63

E-mail:

jolien.willemsens@law.kuleuven.ac.be

¹ Перевод части этих материалов, выполненный Н.Смагловой и А.Лаптевым, находится в библиотеке Центра. Полную рукопись отчета (Willemsens, J. and Lauwaert, K., *Report for the Grotius-Committee of the European Commission. The European Forum for Victim-Offender Mediation and Restorative Justice*, unpublished, June 2000) о ходе учреждения и деятельности Форума в 1999 году можно получить по запросу из секретариата Форума.

² «Kriminalpolitik für Menschen» – название книги Хорста Шулер-Спрингорум (Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1991).

³ Текст Устава Форума см. на с 80-85 в наст. сб.

Устав Европейского форума программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции

Следующие лица или организации

Фамилия, имя, профессия, адрес,
национальная принадлежность:

1. ABOUALI, Khaled, Criminologist, Rue de la Station 81, 6230 Obaix, Belgium, of Belgian nationality;
2. AERTSEN, Ivo, Researcher at the K.U.Leuven, Prinses Lydialaan 45, 3001 Heverlee, Belgium, of Belgian nationality;
3. BOLSTAD, Torunn, Adviser with the Ministry of Justice, Nordre Skrenten 1C, 1413 Ternesen, Norway, of Norwegian nationality;
4. BOSNJAK, Marko, Researcher, Hafnesjevo naselje 20, 4220 Skofja Loka, Slovenia, of Slovenian nationality;
5. BUONATESTA, Antonio, Implementator of mediation for redress for MEDIANTE v.z.w., Rue Giguelleric 47, 5640 Saint Gerard, Belgium, of Belgian nationality;
6. CALFAPIETRO, Annunziata, Lawyer and mediator, via M. Quatraro 28, Acquaviva, Italy, of Italian nationality, as representative of the “Centro Ricerche Interventi sullo Stress Interpersonale”, Via Pansini, Pal. F/B, 70124 Bari, Italy;
7. CHANKOVA, Dobrinka, Lawyer, Studentski grad, bl. 7A, ap. 95, 1700 Sofia, Bulgaria, of Bulgarian nationality;
8. CLAES, Mia, Implementator of mediation for redress for juveniles, Pastoor Legrandstraat 31, 3012 Wilsele, Belgium, of Belgian nationality;
9. COPPOLA, Gioia, Mediator, via Monte San Michele 2, Bari, Italy, of Italian nationality;
10. DE CUYPER, Wouter, Victim-offender mediator, Slype 17, 8550 Zwevegem, Belgium, of Belgian nationality;
11. DEKLERCK, Johan, Researcher at the K.U.Leuven, Honsdonkstraat 57, 3120 Tremelo, Belgium, of Belgian nationality;
12. DE LA CBMARA, Beljín, Lawyer, C/Francesc Carbonell 54, 3º, 08034 Barcelona, Spain, of Spanish nationality;
13. DELATTRE, Regina, Co-ordinator of international affairs, Anna-Bosch-Strasse 14, 72074 Tuebingen, Germany, of German nationality;
14. FLYNN, Maria, Mediator, 2 Liscarne, Rowlagh, Dublin 22, Ireland, of Irish nationality;
15. GJOKA, Rasim, Sociologist, Rruga “Him Kolli” 23/1, Tirana, Albania, of Albanian nationality;
16. HANRATH, Jean Josef, Mediator, Pelikaanstraat 17, 3582 SB Utrecht, The Netherlands, of Dutch nationality;
17. HOPPONEN, Liisa, Educator, Rovastintie 1A3, 03400 Vihti, Finland, of Finnish nationality;
18. IIVARI, Juhani, Research manager, Tasakalliontie 7, 0760 Espoo, Finland, of Finnish nationality;
19. JOHNSON, Judith, Police inspector, ‘Kewbank’, Belmont, Wantage, Oxon, United Kingdom, of British nationality;
20. JULLION, Daniel, Lawyer, Route de Clj́menciýres, 38950 Saint Martin Le Vinoux, France, of French nationality;
21. KOSS, Christoph, Responsible for mediation in criminal matters at the Austrian Association for Probation Service and Social Work (VBSA), Castelligasse 17, 1050 Vienna, Austria, of Austrian nationality;
22. LAUWAERT, Katrien, Assistant professor at the Faculty of Law of the University of Maastricht, Pakenstraat 48, 3001 Heverlee, Belgium, of Belgian nationality;

23. LBZARO, Joro, Lawyer and Secretary General of the Portuguese Association for Victim Support “APAV”, Rua Sol ao Rato 53 – 2º D, 1250 262 Lisboa, Portugal, of Portuguese nationality;
24. LEMONNE, Anne, Researcher at the University of Copenhagen, Julius Bloms Gade, 6 st tv, 2200 Copenhagen, Denmark, of Belgian nationality;
25. LOFTY, Mel, Police superintendent, Chedworth Drive 41, Witney, Oxon, OX8 5FS, United Kingdom, of British nationality;
26. MACKAY, Robert Edward, Lecturer in Social Work, Juniper Place 7, Perth, PH1 1EZ, Scotland, United Kingdom, of British nationality;
27. MARQUES, Frederico, Lawyer – Technical adviser to the Board of the Portuguese Association for Victim-Support “APAV”, Avenida Miguel Torga 29, 7ºB, 1070 183 Lisboa, Portugal, of Portuguese nationality;
28. MIERS, David, Professor of law, Church Road 69, CF14 2DY Cardiff, United Kingdom, of British nationality;
29. MURPHY, Bernard, Victim-offender mediator, Ashfield Avenue 12, Kingswood, Dublin 24, Ireland, of Irish nationality;
30. OLALDE, Alberto, Researcher, Enrique Eguren 3-5ºB, 01009 Vitoria-Gasteiz, Spain, of Spanish nationality;
31. PASCU, Andrei, Chief of social and educational work at the Ministry of Justice, Str. Dealul Florilor 3, 4650 Dej, Romania, of Romanian nationality;
32. PELIKAN, Christa, Researcher, Sterngasse 2/27, 1010 Vienna, Austria, of Austrian nationality;
33. PETERS Tony, Professor at the K.U.Leuven, Van Couwenhovelaan 44, 3020 Herent, Belgium, of Belgian nationality;
34. RAETS, Greet, Co-ordinator of ‘Victim in Focus’, Lange Leemstraat 431, 2018 Antwerpen, Belgium, of Belgian nationality;
35. RASMUSSEN, Dagmar, Co-ordinator of victim-offender mediation, Burmeistersgade 14-2, 1429 Copenhagen K, Denmark, of Danish nationality;
36. REENILD, Yrjü, Student, Pormestarinrinne 8 C 47, 00160 Helsinki, Finland, of Finnish nationality;
37. SEMINI-TUTULANI, Mariana, Assistant professor doctor at the Magistrate’s School, Rr. “Sami Frashëri” P. 20/1, Shk 1, Ap 11, Tirana, Albania, of Albanese nationality;
38. TRUJILLO, Jesús, Assistant professor in criminology, Rafael Rafaeli 43, 35017 Las Palmas de Gran Canaria, Spain, of Spanish nationality, as individual member, but also as representative of the “Escuela Superior de Ciencias Criminológicas”, Avenida Maritima del Norte, Edificio la Granja, Campus Universitario de San Cristobal, Las Palmas de Gran Canaria, Spain;
39. VANDROOGENBROECK, Bram, Victim-offender mediator and trainer in mediation, Naamsesteenweg 382/44, 3001 Heverlee, Belgium, of Belgian nationality;
40. VANFRAECHEM, Inge, Researcher at the K.U.Leuven, Lindaal 118, 3090 Overijse, Belgium, of Belgian nationality;
41. VAN GARSSE, Leo, Implementator of mediation for redress for Suggnomi v.z.w., Wittebolsstraat 72, 3018 Wijnmaal, Belgium, of Belgian nationality;
42. WILLEMSSENS, Jolanda, Researcher at the K.U.Leuven, Brugstraat 98, 3001 Heverlee, Belgium, of Belgian nationality;
43. WRIGHT, Martin, Consultant in mediation, 19 Hillside Road, SW2 3HL London, United Kingdom, of British nationality;
44. YLDHOLLO, Jaana, Executive manager, Vemmelsdrentie 4 B 10, 02130 Espoo, Finland, of Finnish nationality;

согласились учредить некоммерческую организацию, управляемую на основе следующего Устава.

1. Название, правовой статус и официальный офис

Ст. 1. Название общества – Европейский форум программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции.

Ст. 2. Форум имеет статус некоммерческой организации в соответствии с бельгийским законом от 27 июня 1921 года.

Ст. 3. Официальный офис организации находится по адресу: Хуверплейн, 10, 3000 Лювен, Бельгия (Hooverplein, 10, 3000 Leuven, Belgium). Официальный офис может быть переведен в любое место по решению Правления. Информация о перемещении должна быть опубликована в течение одного месяца в «Бельгийском официальном вестнике».

2. Цели и задачи

Ст. 4. Главной целью Форума является содействие созданию и развитию института восстановительного правосудия и посредничества между правонарушителями и жертвами в Европе.

Ст. 5. Для достижения главной цели Форум ставит перед собой следующие задачи:

- участвовать в международном обмене информацией, развивать взаимную поддержку;
- содействовать формированию эффективной восстановительной политики, системы услуг и законодательства;
- изучать и развивать теоретическую базу восстановительного правосудия;
- способствовать проведению новых исследований;
- помогать развитию принципов, этики, возможностей для обучения и практики.

Другие задачи Форума периодически определяются общим собранием.

3. Деятельность, принципы функционирования

Ст. 6. Форум намеревается предпринимать все необходимые обоснованные действия для достижения главной цели и решения поставленных задач, например:

- расширять диалог между практиками, политиками и исследователями;
- привлекать внимание общества к проблемам жертв, правонарушителей и сообщества;
- развивать связи с европейскими и международными институтами и организациями, включая Совет Европы, Европейский Союз и соответствующие неправительственные организации;
- изыскивать и сохранять финансовые средства, управлять ими, а в дальнейшем и распределять их от имени Форума.

Ст. 7. Форум обязуется не дискриминировать никого по признаку возраста, пола, расы, инвалидности или религии.

Ст. 8. Форум приветствует выражение самых разных мнений со стороны работников системы правосудия: это может принести пользу как жертвам и правонарушителям, так и обществу.

Ст. 9. Форум намеревается оставаться независимым в своих действиях и в выработке идей.

Ст. 10. Деятельность Форума будет базироваться на принципах открытости и взаимного уважения и на желании всех его участников учиться и перенимать опыт друг у друга.

4. Продолжительность деятельности

Ст. 11. Форум создан на неограниченный период времени. Он может быть распушен в любой момент в соответствии со статьями 43 и 44.

5. Членство

Ст. 12. Минимальное число членов Форума – девять. Максимальное число членов не лимитировано.

Ст. 13. Членами Форума могут быть: физические лица, государственные или другие законные организации, неправительственные организации, которые поддерживают главную цель Форума.

Ст. 14. Есть две категории членства: полноправные члены (с правом голоса) и ассоциированные члены (без права голоса).

Ст. 15. Желаящие стать членами Форума обязаны указать категорию членства.

Ст. 16. Кандидаты в члены предоставляют свои заявки в письменном виде секретарю председателя Форума. Правление выносит решение о том, будет ли допущен заявитель в члены Форума. Такое решение должно быть подтверждено на последующем общем собрании. Если Правление отказало кандидату, он или она могут обжаловать это решение на общем собрании. Критерии приема в члены Форума также будут определяться общим собранием.

Ст. 17. О прекращении членства в Форуме Правление должно быть проинформировано в письменном виде.

Ст. 18. Членство может быть приостановлено по инициативе Правления вплоть до ближайшего общего собрания. Прекращение членства возможно только на основе двух третей голосов общего собрания. В любом случае – приостановления или исключения – член Форума, которого это решение касается, должен получить письмо с объяснением причин.

Ст. 19. Общее собрание определяет размер ежегодных членских взносов, который не может превышать 1000 евро.

6. Общее собрание

Ст. 20. Общее собрание членов Форума проводится один раз в год. Правление обязано уведомлять участников о дате и месте проведения общего собрания по крайней

мере за три месяца до его проведения. В уведомлении должна присутствовать повестка собрания.

Ст. 21. На общем собрании обсуждаются следующие вопросы:

- approval of the report of the previous General Meeting;
- определение основ политики Форума;
- выборы и, если необходимо, исключение членов Правления;
- утверждение ежегодных бухгалтерских отчетов и бюджета;
- утверждение ежегодного отчета о деятельности Форума;
- назначение аудитора;
- установление и утверждение внутренних правил;
- вопросы членства;
- обсуждение любых вопросов, касающихся функционирования Форума, его целей и задач.

Ст. 22. На общем собрании присутствуют полноправные члены Форума (имеющие право голоса). Ассоциированных членов и персонал приглашают участвовать и высказываться во время прений. Ведет собрание председатель Форума. В его/ее отсутствие работой руководит вице-председатель, а в его/ее отсутствие – кто-либо из членов Правления. При отсутствии всех членов Правления общее собрание должно выбрать председательствующего из числа полноправных членов Форума.

Ст. 23. Решения принимаются путем достижения консенсуса. Если к единому мнению прийти не удастся, решение выносится большинством голосов. Полноправный член Форума, отсутствующий на общем собрании, может назначить другого члена Форума, имеющего право голоса, голосовать от его имени по всем вопросам повестки общего собрания. Любому полноправному члену Форума разрешается представлять не более трех других полноправных членов Форума. Изменения в Устав могут быть внесены в случае, если они одобрены не менее чем двумя третями присутствующих на собрании полноправных членов Форума, при условии что в голосовании участвуют (лично или через представителей) не менее двух третей полноправных членов.

Ст. 24. Решения общего собрания сводятся в единый отчет, который одобряется председателем и рассылается всем членам Форума.

Ст. 25. Общее собрание может образовывать подкомитеты или другие рабочие группы и назначать людей для работы в них. Подкомитеты и рабочие группы отчитываются перед Правлением.

Ст. 26. Специальные общие собрания могут созываться по инициативе Правления и по просьбе 10% от числа полноправных членов не менее чем из трех различных стран. В просьбе должны быть изложены причины такого обращения и предложения к повестке общего собрания. Правление рассылает сообщение о проведении специального общего собрания, включающее его повестку, по меньшей мере за два месяца до назначенной даты.

Ст. 27. Любые два и более членов Форума из двух различных стран могут предложить резолюцию общему собранию, которое примет по ней решение. Эти предложения должны быть получены председателем и секретариатом не позднее чем за два месяца перед тем общим собранием, на котором они будут рассматриваться.

7. Правление

Ст. 28. Правление состоит минимум из семи, максимум из пятнадцати человек, представляющих по крайней мере шесть европейских стран. Число членов Правления определяется общим собранием. Они выбираются среди полноправных членов Европейского форума. Выборы членов Правления проходят простым большинством голосов. Члены Правления выполняют обязанности без вознаграждения.

Ст. 29. Общее собрание назначает выборный комитет, чтобы определить кандидатов на следующие выборы Правления. Любые два полноправных члена Форума могут выбрать кандидата в члены Правления.

Ст. 30. Сразу же по завершении общего собрания правление должно избрать председателя, вице-председателя, казначея и секретаря.

Ст. 31. Члены Правления избираются на шесть лет. Каждые два года должна происходить ротация трети членов Правления. Переизбрание членов Правления допускается. Если член Правления выбывает из его состава в период между общими собраниями, на его место кооптируется кто-либо из числа полноправных членов Форума. Его/ее назначение утверждается на ближайшем общем собрании. В первые шесть лет существования Форума по отношению к мандату члена Правления применяется особая процедура: после двух лет переизбирается одна треть членов Правления; после четырех лет – другая треть; после шести лет – последняя, наиболее долго работающая часть Правления.

Ст. 32. Правление проводит встречи минимум два раза в год. Встречи Правления могут проводиться посредством электронных и других технических средств коммуникации, обеспечивающих эффективное обсуждение вопросов.

Ст. 33. Решения Правления принимаются путем достижения консенсуса. Если к единому мнению прийти не удастся, решение выносится большинством голосов. Председатель имеет преимущественное право голоса в случае, если мнения разделились. Голосовать могут только присутствующие на собрании члены Правления. Для кворума необходимо присутствие пяти членов Правления.

Ст. 34. В компетенцию Правления входят все вопросы, не делегированные общему собранию Уставом или законом. Правление может делегировать отдельные задачи или функции одному или нескольким полноправным членам Форума либо уполномоченной третьей стороне. В последнем случае задачи и функции необходимо точно описать и указать время их выполнения.

Общество вступает в какие-либо отношения с третьей стороной на основе подписи председателя и секретаря или двух членов Правления, назначенных Правлением для этой цели.

Ст. 35. Правление может вводить специальные правила, необходимые для выполнения статей Устава. Подобные правила подлежат подтверждению на следующем общем собрании.

Ст. 36. Решения Правления сводятся в единый отчет, который одобряется председателем и рассылается всем полноправным членам Форума; всем остальным членам – по требованию.

Ст. 37. В периоды между общими собраниями Правление может образовывать подкомитеты или другие рабочие группы и назначать людей для работы в них. Подкомитеты и рабочие группы отчитываются перед Правлением.

8. Исполнительный комитет и секретариат

Ст. 38. Исполнительный комитет состоит из председателя, вице-председателя, секретаря и казначея. Они несут ответственность за каждодневную деятельность Форума, включая назначение персонала и обеспечение условий работы.

Ст. 39. Секретариат или любая его часть могут быть наняты по согласованию с общим собранием.

9. Финансовая поддержка

Ст. 40. Форум не будет принимать поддержку от организаций, чьи цели не согласуются с целями Форума.

10. Бюджет и бухгалтерские счета

Ст. 41. Бюджет и бухгалтерские счета доступны и подлежат утверждению на ежегодных общих собраниях.

Ст. 42. Финансовый год Форума продолжается с 1 января по 31 декабря.

11. Роспуск/выход из организации

Ст. 43. Общество может быть распущено согласно статье 20 бельгийского закона от 27 июня 1927 года или по решению суда. В случае самороспуска общее собрание назначает одного или нескольких ликвидаторов и определяет их компетенцию.

Ст. 44. В случае роспуска общества его имущество должно быть передано организации со сходными целями. Решение принимает общее собрание, руководствуясь рекомендациями Правления.

12. Применение закона

Ст. 45. Для всех случаев, не описанных в Уставе, применяется бельгийский закон от 27 июня 1921 года.

13. Вступление в силу данного Устава

Ст. 46. Данный Устав вступает в силу сразу же после одобрения общим собранием.

В этом виде Устав одобрен общим собранием в Лювене 8 декабря 2000 года.

Следуют имена и подписи учредителей

Назначение членов Правления

На общем собрании, прошедшем 8 декабря 2000 года по адресу: Tiensestraat 41, 3000 Leuven, членами Правления были назначены следующие персоны:

AERTSEN, Ivo;
BOLSTAD, Torunn;
PIVARI, Juhani;

MACKAY, Robert;
PASCU, Andrei;
PELIKAN, Christa;
PETERS, Tony;
TRUJILLO, Jesús;
WRIGHT, Martin.

На первом рабочем заседании, проведенном 9 декабря 2000 года, Правление Европейского форума распределило среди своих членов следующие должности:

председатель – AERTSEN, Ivo;
вице-председатель – PASCU, Andrei;
секретарь – MACKAY, Robert;
казначей – PETERS, Tony.

Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 года,
и пояснительные заметки

ПОСРЕДНИЧЕСТВО В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ

Правовые вопросы

СОВЕТ ЕВРОПЫ КОМИТЕТ МИНИСТРОВ

РЕКОМЕНДАЦИЯ № R (99) 19

КОМИТЕТА МИНИСТРОВ К ГОСУДАРСТВАМ – ЧЛЕНАМ СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННАЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВУ В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ

*(принята Комитетом министров 15 сентября 1999 года
на 679-й встрече представителей Комитета)*

1. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 года, составлена Комитетом экспертов по организации посредничества в уголовных делах, созданного в рамках Европейского комитета по проблемам преступности (CDPC).

2. Настоящее издание содержит текст рекомендации № R (99) 19 и пояснительные заметки, подготовленные и внесенные в документ Комитетом экспертов и исправленные Европейским комитетом по проблемам преступности.

Комитет министров, в соответствии с условиями статьи 15b Устава Совета Европы,

- отмечая использование посредничества в уголовных делах как гибкое, всеобъемлющее, нацеленное на разрешение проблем дополнение или как альтернативу традиционному судебному разбирательству;

- учитывая необходимость вовлечения в разбирательство большего числа людей: жертвы, правонарушителя и тех, кого данное происшествие могло бы коснуться, а также местного сообщества;

- признавая законный интерес жертвы к возможным последствиям виктимизации, к диалогу с правонарушителем для получения извинений и возмещения ущерба;
 - учитывая важность развития чувства ответственности у преступника и предоставляя ему тем самым возможности для исправления, ведущие к реинтеграции и реабилитации;
 - отмечая, что посредничество способствует повышению в сознании людей роли человека и сообщества в предотвращении преступлений и разного рода конфликтов, что может привести к новым, более конструктивным и менее репрессивным исходам того или иного дела;
 - признавая, что посредничество требует определенных навыков, умений, аккредитованного обучения;
 - учитывая помощь со стороны неправительственных организаций и местных сообществ, а также необходимость сотрудничества государственных и частных структур;
 - помня о требованиях Конвенции по защите прав человека;
 - не игнорируя Европейскую конвенцию по правам детей, Рекомендацию № R (85) 11 о позиции жертвы в рамках уголовного права и процесса, Рекомендацию № R (87) 18, касающуюся упрощения уголовного правосудия, Рекомендацию № R (87) 21 об оказании помощи жертве и об уменьшении виктимизации, Рекомендацию № R (87) 20 о реакции общественности на подростковую преступность, Рекомендацию № R (88) 6 о реакции общественности на правонарушения, совершаемые подростками из семей переселенцев, Рекомендацию № R (92) 16 о европейских нормах в отношении мер и санкций, Рекомендацию № R (95) 12 о системе управления уголовного правосудия и Рекомендацию № R (98) 1 о семейном посредничестве,
- рекомендует правительствам государств – членов Совета при развитии системы посредничества в уголовных делах учесть принципы, отмеченные в приложении к этой Рекомендации, и ознакомить с настоящим документом как можно большее количество людей.*

I. Определение

Настоящие указания действительны для любого процесса, где жертве и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (ведущего) принимать активное участие в разрешении вопросов, связанных с произошедшим преступлением.

II. Основные принципы

1. Посредничество в уголовных делах должно проводиться только в том случае, если все стороны добровольно пришли к согласию по этому поводу. Стороны имеют право отказаться от данной процедуры на любом этапе проведения посредничества.

2. Любого рода обсуждения в ходе встречи носят конфиденциальный характер и не могут быть использованы впоследствии (за исключением случаев, когда на это получено согласие сторон).

3. Посредничество в уголовных делах должно быть повсеместно доступной услугой.

4. Посредничество в уголовных делах должно быть доступно на любой стадии отправления правосудия.

5. Посредничество является независимым, автономным предприятием в рамках уголовной юстиции.

III. Правовая основа

6. Законодательство должно способствовать посредничеству в уголовных делах.

7. Необходимы определенные указания, регламентирующие использование посредничества в уголовных делах. Подобные указания должны характеризовать условия передачи дел на посредничество и предлагать возможные решения проблем, возникновение которых вероятно после встречи-посредничества.

8. Требуется соблюдать некоторые предосторожности. Стороны должны иметь право на правовую поддержку и, в случае необходимости, на толкование, разъяснения. Подростки должны иметь право на родительскую помощь.

IV. Работа органов уголовной юстиции в отношении посредничества

9. За органами уголовной юстиции закреплено право выносить решение о передаче дела на встречу-посредничество и оценивать результат упомянутой процедуры.

10. Прежде чем дать согласие на встречу, стороны должны быть проинформированы о своих правах, о характере процесса посредничества и о возможных последствиях принятого решения.

11. Ни жертву, ни преступника нельзя побуждать к участию какими бы то ни было нечестными способами.

12. Специальные инструкции, гарантии, предосторожности должны быть соблюдены при участии во встрече подростков.

13. Посредничество не может проводиться, если какая-либо из сторон не пришла к пониманию значения процесса.

14. Некоторые обстоятельства дела должны быть приняты обеими сторонами в качестве основы для участия в посредничестве. Участие во встрече не является показателем признания вины в последующих судебных разбирательствах.

15. До передачи дела на встречу необходимо учесть возможные признаки неравенства сторон: возраст, зрелость, интеллектуальные способности.

16. До передачи дела на встречу нужно согласовать с полномочными органами уголовной юстиции временные рамки проведения программы.

17. Снятие обвинения, явившееся результатом достигнутого на встрече соглашения, должно иметь тот же юридический статус, что и судебные решения или приговор. Таким образом, устраняется любого рода попытка уголовного преследования по данному делу (*ne bis in idem*).

18. В случае если соглашение между сторонами в ходе встречи подписано не было или если его условия не выполняются, дело возобновляется в судебном порядке без каких-либо задержек.

V. Организация посредничества

V.1. Нормы

19. При проведении посредничества нужно руководствоваться признанными стандартами.

20. Посредничество должно иметь достаточную автономию. Необходимо разработать нормы этики и компетенции, а также процедуры отбора, обучения и оценки ведущих встреч.

21. Компетентный орган должен вести мониторинг за посредничеством.

V.2. Квалификации, обучение ведущих

22. Ведущие отбираются из разных слоев общества. Одним из критериев является хорошее знание ими местного сообщества и его культурных особенностей.

23. Ведущие должны обладать навыками межличностного общения и уметь здраво оценивать ситуацию.

24. Прежде чем взяться за выполнение своих функций, ведущие обязаны пройти начальное обучение, чтобы получить более обширные знания в данной сфере: уметь разрешать конфликты, определенным образом работать с жертвой и преступником, понимать устройство системы уголовной юстиции.

V.3. Подход к работе с индивидуальными случаями

25. До начала посредничества правомочные органы уголовной юстиции информируют ведущего обо всех относящихся к делу обстоятельствах и обеспечивают его необходимыми документами.

26. Посредничество проводится беспристрастно, с учетом обстоятельств дела, а также потребностей и желания сторон. Ведущий проявляет должное уважение к сторонам и следит, чтобы стороны проявляли уважение друг к другу.

27. Ведущий несет ответственность за обеспечение безопасности и создание благоприятной атмосферы для встречи. Он также должен осознавать уязвимость сторон.

28. Посредничество осуществляется наиболее эффективным образом, но в той степени и теми темпами, которые лучше всего подходят для сторон.

29. Встреча должна проходить в отдельном помещении.

30. Несмотря на провозглашенный принцип конфиденциальности, информация о возможных в будущем серьезных преступлениях, о которых стало известно в ходе встречи, передается соответствующим заинтересованным лицам или органам.

V.4. Результат посредничества

31. Стороны достигают соглашений в добровольном порядке. Соглашения подразумевают наличие разумных и соразмерных обязательств сторон.

32. Ведущий сообщает органам уголовной юстиции о предпринятых шагах и результатах встречи. В его докладе не раскрывается содержание процесса посредничества и не дается оценка поведения сторон в ходе встречи.

VI. Последовательное развитие системы посредничества

33. Для достижения взаимопонимания необходимы регулярные консультации и обмен информацией между представителями структур уголовной юстиции и служб, осуществляющих посредничество.

34. Государства – члены Совета должны способствовать проведению исследования и оценки посредничества в уголовных делах.

I. ВВЕДЕНИЕ

1. Краткий обзор развития посредничества в уголовных делах

В конце XX века появился новый подход к урегулированию конфликтов – подход, конкурирующий с уже устоявшейся системой разрешения конфликтных ситуаций. Модель, основанная на поиске консенсуса, а не на традиционной конфронтации, распространяется достаточно быстро. Подобное развитие не ограничивается чьей-либо юрисдикцией или отдельной отраслью права. Скорее, оно охватывает все правовые сферы и выступает как часть устройства большинства систем права.

Модель, предполагающая нахождение компромисса, в целом не нова. Однако тот факт, что подобное явление уже не является лишь теоретической перспективой на ближайшее будущее и что для данной модели открыта даже система уголовной юстиции, управляемая государством, позволяет понять, насколько привлекательным оказался настоящий подход. Движение в его пользу часто описывается как общинное, восстановительное или неформальное правосудие и т.д., но, как правило, речь идет о механизме, которым обладают все вышеупомянутые формы правосудия, – медиации, или посредничестве.

Некоторые элементы посредничества в рамках системы уголовной юстиции известны уже давно. Путем организации посредничества конфликты можно разрешать более полно и конструктивно, с большим упором на сообщество, нежели с помощью традиционных судебных процедур. Похоже, движение набирает силу потому, что поддержку ему обеспечивают различные центры, чьи философия и идеология направлены на развитие данной системы. Идея посредничества объединяет всех, кто горит желанием использовать известные формы разрешения конфликтов, стремится защитить и расширить права жертв, ищет альтернативу наказанию и хочет уменьшить затраты на работу системы уголовного правосудия, сделав ее более совершенной.

Модели

Формы посредничества в уголовных делах могут быть самыми разнообразными. Расскажем немного об основных моделях:

1. *Неформальное посредничество* проводится в жизнь структурами уголовной юстиции в ходе их обычной работы. Это может быть прокурор, приглашающий стороны принять участие в неформальном урегулировании дела с намерением прекратить судебное преследование, если достигнуто удовлетворительное соглашение. Это может быть социальный работник или сотрудник службы пробации, проводящий работу с осужденным, – специалисты, полагающие, что контакт с жертвой положительно повлияет на преступника; с другой стороны, это может быть полицейский, вызванный для разрешения бытового конфликта, способный, как ожидается, справиться с ситуацией без вынесения какого-либо имеющего юридическую силу обвинения. Судья также может попытаться урегулировать конфликт вне суда и затем прекратить дело. Подобный способ неформального вмешательства является общим для всех правовых систем, хотя условия, при которых это допустимо, будут зависеть от нормативной базы того или иного государства. К сожалению, применяется такой способ хотя и часто, но бессистемно и бесконтрольно, а следовательно, существует вероятность необъективности, злоупотреблений и т.п. Многие зависит и от умений, наклонностей и способностей специалистов. Этот способ может оптимизировать работу формальной системы, однако его не нужно путать с теми организованными моделями, о которых идет речь в данной Рекомендации.

2. *Традиционные деревенские или племенные собрания* – этот давний обычай, когда все сообщество собирается для разрешения конфликта между его членами, до сих пор распространен в менее развитых странах и сельских районах, но не в цивилизованном современном обществе. Подобная модель лежит в основе западной системы права, именно она дала толчок к развитию многих современных программ

посредничества, которые стремятся представить преимущества племенного собрания в форме, отвечающей требованиям современных социальных структур и законно признанных прав человека.

3. Говоря о посредничестве в уголовных делах, многие имеют в виду *модель посредничества между жертвой и правонарушителем*. Предполагается, что стороны (где число как нарушителей, так и жертв не ограничивается) встречаются в присутствии специально назначенного ведущего. Участвовать могут сразу обе стороны (прямое посредничество) или, если пострадавший не желает видеть правонарушителя, встречи организуются для каждой стороны отдельно. Варианты этой модели многообразны.

Иногда в роли посредников выступают специально обученные сотрудники органов уголовной юстиции, особенно социальные работники или представители службы пробации, а также полицейские, представители суда и прокуратуры. В некоторых программах работают независимые посредники (профессионалы или добровольцы), чьи функции не являются юридически закрепленными.

Посредничество между жертвой и правонарушителем может проводиться такими структурами, как полиция, органы правосудия для несовершеннолетних, служба пробации, прокуратура, суд или независимая общественная организация – например, заинтересованная в поддержке жертв и в реабилитации преступников или учрежденная специально для проведения посредничества. В некоторых случаях программа проводится несколькими организациями под управлением вневедомственного координационного совета.

Такой способ посредничества может применяться на любой стадии дела: вне уголовного преследования или параллельно с ним, после ареста полицией, перед вынесением приговора или после этого. Разница лишь в том, повлияет ли результат встречи на решение суда или нет, будет ли прекращено дело в связи с достижением приемлемого договора или же последний будет рекомендован суду в качестве решения или приговора. Если проведение посредничества будет оказывать влияние на решения суда, то потребность в контроле или судебном надзоре возрастает.

Одни программы посредничества между жертвой и преступником подходят для любых правонарушителей, в то время как другие работают только с подростками или с взрослыми; несколько программ ограничиваются лишь одним видом преступления, к примеру с кражей в магазине, ограблением или какими-либо насильственными действиями. Ряд программ нацелен главным образом на взаимодействие с теми, кто оступился впервые, совершив, как правило, незначительное правонарушение; в то время как другие подразумевают работу с рецидивистами, чьи преступления являются довольно серьезными.

4. *Программы, направленные на установление возмещения*, существуют единственно для того, чтобы определить размер материальной или иной возможной компенсации причиненного вреда, которую по решению суда должен будет выплатить преступник. Такие программы иногда включают в себя встречу-посредничество между двумя сторонами, но чаще это отдельные встречи с каждой стороной, предполагающие проведение переговоров в простой и краткой форме. Здесь не ставится цель примирить стороны, а лишь оговариваются условия выплаты материального возмещения. В случае если преступник не обладает средствами для произведения выплаты в полном объеме, ему может быть предоставлена работа.

5. *Общественные суды* предполагают рассмотрение дела не органами уголовной юстиции, а сообществами. Процедуры рассмотрения становятся более гибкими и неформальными и часто включают в себя элемент посредничества и переговоров. Местные власти могут создавать свои комитеты по проведению посредничества.

6. *Семейные и общественные конференции*, появившиеся в Австралии и Новой Зеландии, представляют собой тот же пример участия сообщества в работе системы уголовного правосудия. Здесь предполагается встреча не только жертвы и преступника, но также родственников правонарушителя, членов сообщества, лиц, выступающих в поддержку пострадавшего, и представителей таких структур, как полиция и органы правосудия для несовершеннолетних. Как правило, правонарушитель вместе со своими родственниками подписывают договор, где оговариваются все возможные обязательства, – документ, удовлетворительный для жертвы и который, как полагают участники, поможет правонарушителю избежать в дальнейшем новых правонарушений.

Развитие

В основе современных программ посредничества лежат главным образом североамериканские модели. Представлены здесь и другие идеи. Тем не менее именно дискуссия, возникшая за океаном, явилась причиной возрождения идеи медиации в Европе.

Что касается европейских стран, развитие моделей посредничества везде идет по-разному и, как правило, находится еще на своем начальном этапе. Существенно отличаются модели, применяемые в государствах – членах Совета Европы. Так, в Объединенном Королевстве доминирующим является посредничество между жертвой и правонарушителем, но и здесь присутствует довольно широкий спектр программ; конституция Королевства не препятствует вовлечению сообщества.

Развивающаяся система континентальной Европы отличается тем, что структуры уголовной юстиции с самого начала привлекались к разработке схем медиации, поэтому существующие модели нередко функционируют в рамках системы уголовной юстиции и закреплены законодательно. К примеру, в Австрии, Германии и во Франции законодательством предусмотрены программы посредничества в уголовных делах, причем результатом встречи между жертвой и преступником может стать прекращение расследования и уголовного преследования. В Норвегии комитеты по проведению посредничества, имеющие дело главным образом с подростками, объединяют преимущества встреч (между сторонами) и общественных судов. В Испании программы посредничества возмещения для несовершеннолетних осваиваются местными властями в рамках уголовного правосудия. В самом деле, характерной чертой развития подобных программ в Европе является, прежде всего, внимание к подросткам. И, как правило, работа с несовершеннолетними становится основой для проведения таких действий (встреч) между взрослыми.

В некоторых странах идея посредничества еще только заявлена, другие государства рассматривают возможность узаконивания подобных программ. Таким образом, быстро развивающийся процесс нуждается в определении норм, стандартов и директив в большей части государств – членов Совета Европы.

2. Совет Европы и посредничество

Развитие разных форм медиации в государствах – членах Совета было признано Советом Европы и уже не раз прошло обсуждение в европейском контексте. В 1998 году Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию № R (98) 1 по семейному посредничеству, которая обращает внимание государств на преимущества последнего и отмечает принципы разрешения семейных конфликтов при помощи посредничества.

Эволюцию посредничества в уголовных делах можно проследить, изучая подготовленные недавно рекомендации и доклады Совета Европы при содействии европейского Комитета по проблемам преступности. Некоторые из принятых рекомендаций, касающиеся, например, положения жертвы в рамках системы уголовного права и процесса, помощи пострадавшим и устранения последующей виктимизации, реакции общества на подростковую преступность, а также упрощения системы уголовного правосудия, имеют отношение к примирению и выступают в защиту этой и любых других форм внесудебного урегулирования конфликтов, к которым в определенных ситуациях относится и медиация.

В 1992 году Европейский комитет по проблемам преступности предложил учредить экспертный Комитет по посредничеству в уголовных делах, который оценил бы опыт в данной сфере и роль медиации по отношению к традиционной системе уголовного правосудия. В 1993 году Комитет министров одобрил предложение, однако из-за ограниченного количества бюджетных средств Комитет приступил к работе с задержкой. Тем временем некоторые новые члены Совета Европы изъявили желание принять участие в его деятельности. Таким образом, некоторые пункты задания Комитету были изменены.

Итоговые условия задания экспертного Комитета по посредничеству в уголовных делах были приняты в 1995 году на 44-й пленарной сессии Европейского комитета по проблемам преступности и утверждены в том же году на 543-м заседании Комитета министров. Согласно этим условиям Комитет должен был дать оценку различным европейским моделям и программам медиации, а также ее роли по отношению к традиционной системе уголовного правосудия. В частности, требовалось обратить внимание на следующие факторы:

- возможность при помощи посредничества разрешать конфликты наиболее приемлемым для сторон образом, а не путем навязывания определенных решений, как при традиционной системе;
- роль, подготовка, профессиональный статус и степень профессионализма ведущих;
- характер конфликтных ситуаций и возможность проведения по ним программ посредничества;
- форма и степень интеграции в систему уголовной юстиции;
- выполнение должных условий в процессе осуществления посредничества.

Был сформирован Комитет, в состав которого вошли специалисты из Австрии, Бельгии, Болгарии, Кипра, Чехии, Франции, Германии, Греции, Венгрии, Ирландии, Италии, Лихтенштейна, Норвегии, Словении, Испании и Турции. В качестве наблюдателей выступили Канада, участники Европейской конференции по вопросам пробации и реабилитации и Всемирное общество виктимологии. В Комитет вошли представители правоохранительных органов, суда, прокуратуры, научные сотрудники, чьи интересы лежат в области права, криминологии и социологии, а также те, кто имеет непосредственный опыт в посредничестве; председателем была избрана госпожа Криста Пеликан (Австрия). Два научных сотрудника – господин Хайке Юнг (профессор уголовного права, Университет Заарланд, Германия) и господин Тони Маршалл (бывший управляющий Отделом научных исследований, Министерство внутренних дел, Соединенное Королевство) – изъявили желание помогать Комитету. Техническая помощь обеспечивалась Управлением по правовым делам Совета Европы.

В период с ноября 1996 года по апрель 1999 года Комитет провел пять заседаний. Члены Комитета предоставили в письменном виде подробную информацию о проведении медиации по уголовным делам в своих странах. В дополнение некоторые не вошедшие в Комитет государства доложили о работе системы посредничества на своей территории. Таким образом, было получено достаточно информации о структуре

системы и ее применении на практике. Текст проекта Рекомендации и ее пояснительных замечаний принял окончательную форму на пятом заседании экспертного Комитета в апреле 1999 года и был передан для утверждения Комитету министров в ходе 48-й пленарной сессии европейского Комитета по проблемам преступности в июне 1999 года. 15 сентября 1999 года на 679-м заседании Комитет министров принял Рекомендацию и дал разрешение на публикацию пояснительных замечаний.

II. КОММЕНТАРИИ К ВВОДНОЙ ЧАСТИ РЕКОМЕНДАЦИИ

Особое внимание в вводной части уделяется преимуществу посредничества в уголовных делах, которое рассматривается как возможное дополнение к традиционным судебным разбирательствам или даже как альтернатива последним. Благодаря своей гибкости и принципу участия, система посредничества, в отличие от системы уголовного правосудия, работающей «в одиночку», вероятнее всего, будет способна более обстоятельным образом разрешать проблемы, проистекающие из того или иного преступления. Рассматриваемая как альтернатива традиционным судебным разбирательствам и приговорам, система посредничества также ставит своей целью уменьшить количество заключений под стражу, что, в конечном счете, приведет к снижению затрат на тюремную систему.

В предисловии также отражены цели и философия посредничества в уголовных делах. Существенным отличием от традиционного судебного разбирательства является смена главных действующих лиц процесса. Если основными участниками традиционного уголовного разбирательства являются государство и правонарушитель, то в рамках посредничества на первый план выступают жертва и правонарушитель. Таким образом, к числу первоочередных задач посредничества относится: обеспечение для сторон возможности урегулировать свой собственный конфликт к взаимному удовлетворению. Это предполагает, что стороны лично играют более активную, конструктивную и иногда инновативную роль. Жертва получает извинения и объяснения со стороны преступника, а также выражает свои чувства. Это обычно помогает справиться с гневом и страхом, успокоиться, что способствует дальнейшему исцелению. Кроме того, в ходе встречи пострадавший имеет право более четко обговорить условия заглаживания вины преступником (компенсации и т.п.). Жертва может получить более реалистичное понимание правонарушителя и его или ее поведения. Некоторые пострадавшие, видя готовность преступника взять на себя ответственность, могут пожелать сказать о том, что прощают его.

Что касается преступника, предоставление ему возможности встретиться с жертвой, объясниться и принести извинения есть не что иное, как попытка дать ему или ей почувствовать вред и боль, причиненные жертве. К тому же посредничество дает правонарушителю шанс принять активное участие в урегулировании конфликта и в обсуждении условий возмещения ущерба (например, финансовой компенсации), что в дальнейшем способствует реабилитации преступника и его реинтеграции в общество.

Посредничество создает условия для участия социума в процессе отправления правосудия: приглашаются все, кого касается преступление, здесь работают ведущие-добровольцы из местного сообщества; общественным организациям предоставляется возможность проводить подобные программы. Вовлечение общественности позволяет проникать в самую суть преступления и, соответственно, оказывать поддержку пострадавшим, реабилитировать преступников и содействовать предотвращению правонарушений в дальнейшем.

Следовательно, медиация удовлетворяет интересам и жертвы, и правонарушителя, и общества в целом. Социально-конструктивные подходы к решению той или иной проблемы оказываются благотворными для всех. Система посредничества, с ее

примирительным характером, может помочь существующей системе уголовного правосудия, задачей которой является восстановление спокойной и мирной жизни общества после того, как было совершено преступление.

Разнообразие и смешение общественных и государственных программ в области посредничества приводит к необходимости согласованности и создания общих стандартов (норм). Практика применения посредничества показывает, что к настоящему времени имеется уже довольно большое количество необходимых в этой сфере знаний. Тем не менее, нужно серьезно, взвешенно и обдуманно подходить к вопросу посредничества и ко всему, что стоит за ним. Ведущие нуждаются в обучении, в накоплении опыта для использования особых навыков и умений. Поскольку система медиации является достаточно гибкой, предполагающей разнообразие действий, ее основные принципы должны быть зафиксированы уставом или сводом правил: это будет являться гарантией качества оказываемых услуг и доверия к посредничеству как таковому.

Ссылка в предисловии на Европейскую конвенцию по правам человека обращает особое внимание на защиту основных прав человека. Система посредничества делает более гибкими действия системы уголовного правосудия, а это в некоторых случаях может создавать риск того, что законы, выступающие в защиту прав человека, будут проигнорированы. Посредничество поэтому необходимо сопровождать контролем норм, выполнение которых гарантируется Европейской конвенцией.

Далее во вводной части отмечаются другие документы Совета Европы, имеющие отношение к применению посредничества и иных подобных систем:

- Европейская конвенция по правам детей (статья 13) призывает к институционализации и более широкому применению системы посредничества;
- Рекомендация № R (85) 11 по положению жертвы в рамках системы уголовного права и процесса обращает внимание государств – членов Совета на преимущества посредничества и схем примирения;
- Рекомендация № R (87) 18 относительно упрощения системы уголовной юстиции предлагает государствам – членам Совета пересмотреть свое законодательство с целью узаконивания способов внесудебного урегулирования конфликтов;
- Рекомендация № R (87) 20, посвященная реакции общественности на подростковую преступность призывает государства внести в законодательство необходимые поправки, касающиеся развития альтернативных механизмов и процедур посредничества;
- Рекомендация № R (87) 21 по уменьшению степени виктимизации и оказанию помощи пострадавшим предлагает государствам – членам Совета проводить эксперименты в области посредничества, привлекая к участию в них жертв и преступников;
- Рекомендация № R (92) 16 по европейским стандартам применения общественных санкций и мер содержит перечень мер, являющихся альтернативой лишению свободы и способствующих реинтеграции правонарушителя в сообщество (система посредничества, в частности, как раз и предполагает достижение подобного результата);
- Рекомендация № R (92) 17 относительно вынесения приговоров подчеркивает, что осуждение человека должно осуществляться современными более гуманными способами, ориентированными на уменьшение количества тюремных заключений (система посредничества, между прочим, является одним из таких способов);
- Рекомендация № R (95) 12 по структуре управления системы уголовного правосудия отмечает, что политика декриминализации, по депенализации или созданию альтернатив, по применению посредничества и упрощению разбирательств

облегчает работу системы уголовной юстиции, снимая, например, проблемы с нагрузкой и финансами;

- Рекомендация № R (98) 1 посвящена распространению семейного посредничества.

Следует отметить, что содержащиеся в Рекомендации принципы, подчас тщательно разработанные и сложные, нужно рассматривать в качестве ориентира и источника вдохновения при создании национальных систем (систем отдельных государств) посредничества в уголовных делах. Очевидно, что государства – члены Совета Европы оставляют за собой право оценки создаваемых систем, для того чтобы сделать их соответствующими собственным правовым традициям.

III. КОММЕНТАРИИ К ПРИЛОЖЕНИЮ

I. Определение

Термин «mediation» (посредничество) нуждается в объяснении. Это связано с тем, что существует довольно большое количество других понятий, используемых для обозначения программ или подходов, которые ставят своей целью (как и посредничество) достижение согласия. С одной стороны, необходимо уточнение в дефиниции. С другой стороны, такая дефиниция должна принимать в расчет все существующие разновидности программ и моделей.

Небезынтересно, к примеру, что во Франции термин *médiation* в рамках юридической лексики имеет отношение к процессам, участниками которых являются взрослые люди, в то время как *réparation* касается только несовершеннолетних. В Германии применяется термин *Täter–Opfer–Ausgleich*, а в Австрии – *Außergerichtlicher Tatausgleich*. Норвежцы назвали свою модель – *konflikt and mediation*. В Соединенном Королевстве термины *médiation* и *réparation* вначале были взаимозаменяемы, кроме того, понятие *restorative justice* (восстановительное правосудие) необычайно быстро стало популярным. Такое разнообразие в терминологии указывает на различия в происхождении, целях и концепциях программ посредничества.

В более широком смысле, вне уголовно-правового контекста термин *médiation* (посредничество) обычно применяется по отношению к процессу разрешения конфликта путем вмешательства беспристрастной третьей стороны с целью содействовать добровольному соглашению между сторонами.

В Рекомендации *посредничество в уголовных делах* рассматривается как процесс, в котором жертва и правонарушитель¹ имеют возможность добровольно участвовать в решении порожденных преступлением проблем через помощь беспристрастной третьей стороны или посредника. Указание только на жертву или правонарушителя, как на стороны, не исключает других персон (юридически и физически), участвующих в посредничестве.

Подобная практика может принимать самые разные формы, часто комбинированные, например:

- жертва и преступник делятся своими взглядами (мнением) на произошедшее для того, чтобы лучше понять друг друга;
- принесение извинения и добровольное участие в достижении согласия – способы, с помощью которых правонарушитель пытается возместить ущерб;
- добровольное согласие со стороны нарушителя предпринять какое-либо иное действие, например поработать на сообщество или принять участие в реабилитационной программе (косвенная реабилитация);

- разрешение любого конфликта между жертвой и правонарушителем или между их семьями или друзьями;
- программа согласованных санкций и решений, которая может быть предложена суду в качестве рекомендуемого приговора или судебного решения.

Медиация в уголовных делах допустима в прямой или косвенной формах – как общая встреча сторон или как встреча ведущего с каждой стороной по отдельности, может осуществляться профессиональными ведущими или прошедшими специальное обучение добровольцами. Посредничество способно осуществляться под покровительством органов уголовной юстиции или на базе независимых общественных организаций. В состав участников включаются не только жертва и преступник (как это происходит при «классическом» проведении программы посредничества), но также и их родственники, члены сообщества и представители структур уголовной юстиции (как в семейных или общественных конференциях). Во всех случаях существенно, что участие сторон *добровольно* и ведущий остается *беспристрастным*.

II. Основные принципы

Основные принципы отражают существенные (необходимые) элементы посредничества в уголовных делах: роль и место посредничества в системе уголовной юстиции, основные характеристики (добровольное участие и конфиденциальность) и доступность посредничества как услуги пострадавшим и правонарушителям.

1. Медиация не будет иметь успешного исхода в случае, если стороны не хотят участвовать в процессе; необходимым условием для любой из форм системы посредничества является добровольное участие. В этом состоит разница между системами уголовного правосудия и посредничества: в последнем случае рассматриваемое дело находится в руках сторон (жертва и преступник), которые должны дать добровольное согласие перед началом процесса. Стороны также имеют право в любое время отказаться. Представители органов уголовного правосудия и ведущий обязаны проинформировать обе стороны об их правах до и в самом начале процесса соответственно.

2. Есть две причины, по которым работа системы посредничества невозможна без учета принципа конфиденциальности. Во-первых, конфиденциальность есть необходимое условие для продуктивного диалога и получения конструктивных результатов. Гарантия соблюдения настоящего принципа способствует безопасной обстановке и выявлению новых аспектов дела. Полученная дополнительная информация чаще всего и является основой для внесудебного урегулирования конфликта. Во-вторых, конфиденциальность соблюдается в интересах сторон. Любого рода обсуждения в ходе процесса не должны быть преданы огласке, такое возможно только при согласии сторон. Следовательно, подчеркивается «приватный характер» посредничества, что также отличает его от традиционного уголовного разбирательства с характерным для этой системы требованием гласности. Информация закрыта не только для общества, но и для органов юстиции. Исключения из этого правила отражены в пункте 30.

3. До настоящего времени во многих государствах – членах Совета Европы посредничество находилось на зачаточной стадии. Некоторые страны ушли вперед, но не намного. Важно, чтобы система стала всеобъемлющей, качественно функционирующей и доступной. Поэтому Рекомендация призывает государства – члены Совета Европы способствовать развитию и проведению программ посредничества в качестве общедоступной услуги. Такой призыв дает основания полагать, что посредничество (государственные или частные программы) наконец станет официально признанной государством системой, выступающей в качестве возможности, альтернативы или дополнения к традиционному уголовному процессу.

Подобные программы финансируются, как правило, федеральным бюджетом (государство и/или муниципалитет) и контролируются определенной, взявшей на себя ответственность, общественной организацией. Рекомендация не оценивает посредничество как нечто заведомо правильное. Посредничество рассматривается как правовая возможность, которая должна быть принята во внимание органами уголовной юстиции.

4. К посредничеству можно прибегнуть на разных стадиях уголовного процесса. В разных странах это происходит по-разному. Одни программы работают на любой стадии, другие полностью связаны с прекращением уголовного (условного или иного) преследования, третьи вступают в действие после предупреждения или ареста человека полицией; некоторые программы идут параллельно уголовному преследованию, другие составляют часть приговора (например, распоряжение возместить причиненный вред) или же начинают действовать после его вынесения. Желательно, чтобы посредничество было доступным в ходе всего процесса отправления уголовного правосудия. Учитывается тот факт, что стороны (жертва в частности) могут не быть готовы воспользоваться услугами сразу после случившегося. И тем не менее, важно не откладывать урегулирование конфликта.

5. Автономия посреднических услуг в рамках системы уголовного правосудия обеспечивает работу процесса, рассматривающего дело несколько иначе, нежели упомянутая система. Системе посредничества необходима автономия, чтобы быть гибкой и ответственной перед сторонами.

Разумеется, посредничество не может работать абсолютно самостоятельно, без опоры на систему уголовного правосудия. Структуры уголовного правосудия должны наблюдать за ходом процесса и отвечать за законность его проведения. В их функции входит оценка вопросов, представляющих публичный интерес, а также гарантий процессуальных прав сторон при принятии ими решений до и после посредничества. Кроме того, необходим контроль за соблюдением прав человека в ходе самого процесса.

III. Правовая основа

6. Во избежание чрезмерного нормирования посредничества и учитывая существование самых разнообразных подходов к нему, Рекомендация не предлагает государствам обязательно отразить программы посредничества в законодательстве. Однако возможность проведения посредничества должна быть официально закреплена. Необходимо, чтобы законодательство способствовало, а не препятствовало применению этой системы.

Процессуальные права и гарантии

В ходе проведения посредничества должны учитываться все установленные права и гарантии. Степень того, как это будет отражено законодательством, зависит от существующих правовых традиций конкретного государства – члена Совета Европы.

Посредничество – менее формальная процедура по сравнению с уголовным процессом. И она обязана быть таковой, чтобы обеспечить полный и индивидуальный подход к урегулированию конфликта. Невозможно (да и не нужно), чтобы малейшие детали находили отражение в законодательстве, но все же существуют процессуальные права и гарантии участников уголовного процесса, без которых не обойтись обществу, живущему в соответствии с буквой закона. Посредничество как неотъемлемая часть уголовного процесса должно, таким образом, получить законное признание и работать в согласии с основными правами вовлеченных в дело людей. Например, в статье 6 Европейской конвенции по правам человека оговаривается право на справедливый суд (судебный процесс):

1. Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или часть его по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, если это требуется в интересах несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия.
2. Каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока виновность его не будет доказана в соответствии с законом.
3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:
 - a) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;
 - b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;
 - c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника, или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;
 - d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей, на тех же условиях, что и свидетелей, показывающих против него;
 - e) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на нем.

Из сказанного следует, что статья 6 Европейской конвенции по правам человека относится ко всем делам, где речь идет об обвинении в уголовном преступлении. В принципе охватываются переданные на посредничество дела, отправной точкой которых послужило подобное обвинение. Необходимо более детально рассмотреть то, в какой степени применяются различные отмеченные статьей 6 права, когда посредничество используется в качестве альтернативы традиционному судебному разбирательству.

Право на доступ к суду (статья 6.1)

Согласно делу «Deweert» (Европейский суд по правам человека, решение от 27 февраля 1980 года, серия А, № 35), право на суд в уголовных делах является не более абсолютным, чем в гражданских. Это право может подлежать неявным ограничениям, в частности может быть принято решение не преследовать обвиняемого судебным порядком. Более того, согласно тому же решению Европейского суда, существует возможность отказа сторон от права на суд, если, конечно, они обладают достаточной бдительностью. Согласие на программу посредничества, в контексте применения альтернативы, может означать отказ от «права на доступ к суду». Самое серьезное внимание следовало бы уделить тому, действительно ли решение об отказе было принято в надлежащих условиях.

Рекомендация проводит различие между «работой органов уголовной юстиции относительно посредничества» (раздел 4) и «организацией посредничества» (раздел 5). Это отличие также отражено в разделе «Правовая основа посредничества», пункты 7 и 8.

7. Данный пункт относится к *органам уголовного правосудия*, которые должны быть проинструктированы о случаях, когда допустимо применение посредничества.

Подобное руководство может содержать характеристику типов преступлений, предлагаемых для посредничества, или условия, которые должны быть созданы для сторон. К примеру, нужно, чтобы обвиняемый согласился с представленными ему обстоятельствами дела. Вероятно, он (она) и признает отчасти свою ответственность, но откажется от выполнения каких-либо обязательств. В соответствии с принципом презумпции невиновности (статья 6.2 Европейской конвенции по правам человека) решение о признании обвиняемого виновным, согласно статье 6, принимается только после надлежащего судебного разбирательства. Таким образом, местное законодательство большое внимание должно уделять фактам и гарантиям для сторон. Рассмотрение проходит до передачи дела на посредничество и в ходе проведения программы (см. также раздел 4).

8. Что касается встречи, организуемой службой медиации, необходимо, чтобы были четко отражены основные права сторон, к которым можно прибегнуть в ходе процесса. В первую очередь это, конечно, право на перевод, а для несовершеннолетних – право на родительскую помощь (или, при необходимости, помощь других близких людей).

IV. Работа системы уголовного правосудия относительно посредничества

Этот раздел Рекомендации посвящен роли органов уголовного правосудия и отражает в некоторой степени их направляющую функцию.

9. Проведение посредничества в уголовных делах должно зависеть от решения органов правосудия (обычно прокуратуры или суда). К тому или иному противозаконному действию прикрепляется ярлык «уголовное дело», как только о преступлении было заявлено в полицию. Оценка завершенного процесса посредничества остается также за органами уголовного правосудия (см. раздел «Основные принципы», пункт 5).

10. Необходимо, чтобы стороны, прежде чем дать согласие на проведение встречи, полностью осознали свою процессуальную ситуацию, основанную на обстоятельствах дела. Стороны также должны иметь право на детальное объяснение того, каким образом будет проходить встреча и кем она проводится. Стороны предупреждаются о возможных результатах посредничества как в терминах решения по уголовному делу, так и с точки зрения результатов посредничества (успех, провал или частичное урегулирование). Ответственными за это являются органы уголовного правосудия. Сведения стороны получают по отдельности (если так нужно). Итак, каждая сторона должна быть подробно проинформирована, чтобы, соглашаясь на проведение встречи, иметь ясное представление о ней, что соответствует пункту 1.

11. Возвращаясь к основному принципу, изложенному в пункте 1, заметим: важнейшим значением обладает тот факт, что согласие сторон на проведение посредничества достигается исключительно справедливым путем. Органы уголовного правосудия должны следить за тем, чтобы информация, о которой упоминалось в пункте 10, надлежащим образом дошла до сторон. никоим образом нельзя заставлять ту или иную сторону соглашаться прийти на встречу; также необходимо контролировать ситуацию, дабы избежать возникновения попыток одной стороны с помощью угроз побудить другую к участию в программе. Говоря кратко, органы уголовного правосудия должны быть уверены, что согласие сторон на посредничество не вызвано какой-либо формой давления.

12. Установленные законом гарантии и правила, действующие в отношении несовершеннолетних в ходе традиционного судебного разбирательства, не устраняются и при передаче дел на программу посредничества, равно как в ходе самого посредничества. Подразумевается мониторинг органами уголовного правосудия за

ходом процедуры посредничества, в которой участвуют подростки. Правовые гарантии должны, в частности, распространяться на право получать информацию, на высказывание собственных взглядов, на присутствие близких (родителей или других) и на безотлагательное, быстрое рассмотрение дела. Органы уголовного правосудия обязаны рассматривать процессуальные вопросы и посредничество с точки зрения наивысших интересов ребенка (см. Конвенцию ООН по правам детей и Европейскую конвенцию по правам детей).

13. Данное правило исключает проведение посредничества в том случае, если одна из основных сторон в силу своих умственных способностей не понимает сути процесса и не вникает в нее. Это может быть связано с возрастом или с умственной недостаточностью человека. Указание на «основные стороны» подразумевает, что случаи, включающие более чем две стороны, могут быть направлены на посредничество, даже если одна из сторон не понимает происходящего, если ее роль незначительна.

14. Необходимым условием для проведения посредничества служит принятие жертвой и обвиняемым всех относящихся к делу обстоятельств. Если отсутствует такое общее понимание, возможность достижения соглашения ограничивается или вовсе исключается. Нет необходимости в том, чтобы обвиняемый признал вину, а органы уголовного правосудия, дабы не нарушить принцип презумпции невиновности (статья 6.2, Европейская конвенция по правам человека), не должны считать его виновным. Достаточно, если обвиняемый принимает на себя определенную ответственность за произошедшее. Более того, участие в посредничестве не должно впоследствии обратиться против обвиняемого, если дело по окончании встречи вновь будет передано органам уголовного правосудия. К тому же согласие обвиняемого с изложенными обстоятельствами преступления, полученное в ходе встречи, или даже «признание вины» в ходе посредничества не должны быть использованы в качестве доказательств по данному делу в ходе последующего судебного разбирательства.

15. Возможно, что посредничество не станет той процедурой, которая действительно необходима, если между сторонами наблюдаются серьезные противоречия. Посредничество подразумевает активное участие сторон и их право в ходе процесса принимать решения в соответствии со своими интересами. Такие отрицательные моменты, как зависимость одной стороны от другой, скрытые или явные угрозы насилия и др., мешают добровольному участию и истинному согласию с составленным договором. Следует понимать также, что неравенство сторон в обладании властью или навыками может быть исправлено посредниками, нацеленными на восстановление баланса.

16. Такое явление, как затянутые (долгие) судебные разбирательства, известная проблема в некоторых странах – членах Совета. Посредничество должно быть проведено в течение оговоренного промежутка времени, который устраивает обе стороны. Временные рамки необходимо согласовать и с органами уголовного правосудия, которым требуется определенное время для обработки полученного после проведения встречи материала и принятия соответствующих решений. Если же медиация не укладывается в установленные временные рамки, право следовать или не следовать принципу быстроты в ходе судебного разбирательства остается за органами уголовного правосудия (однако это не всегда значит, что посредничество не может быть продолжено на частной основе, если стороны того хотят – см. пункт 28).

17. Данное правило действует в случае, если встреча прошла успешно и органы уголовного правосудия согласились с результатом. Все судебные разбирательства прекращаются распоряжением «не преследовать судебным порядком», и дело закрывается. Такое решение органов уголовного правосудия закрепляет невозможность

возобновить дело (по тому же случаю и с теми же обстоятельствами) при условии, что решение имеет законную силу и все пункты договора выполняются в полном объеме.

18. Если соглашение между сторонами в ходе встречи подписано не было или если его условия не выполняются, органы уголовного правосудия, как правило, возобновляют дело. В соответствии с пунктом 16 судебные разбирательства не должны быть долгими: решение о возобновлении принимается незамедлительно, дальнейшее рассмотрение дела проходит быстро и без задержек.

V. Организация посредничества

Настоящий раздел посвящен посредничеству как таковому: рассматривается вопрос о том, что происходит со случаем после передачи информации о нем на программу органами уголовного правосудия, иными словами, как развивается ситуация после выхода уголовного дела из-под их прямого контроля. В разделе также отмечаются некоторые правила для проведения посредничества в случаях, возникших не из уголовных дел.

V.1. Нормы

19. Рекомендацией оговаривается тот факт, что чрезмерное регулирование системы излишне и что службы посредничества должны обладать определенной независимостью и автономией при выполнении своих функций. Тем не менее общедоступность посреднических услуг (по крайней мере, так должно быть) предполагает необходимость некоего набора стандартных правил для слаженной подготовки и проведения программы посредничества. Предпочтительно, чтобы правила получили поддержку и одобрение у государства, муниципалитета или иного органа публичной власти. Совсем необязательно трансформировать эти постулаты в законы, однако желательно, чтобы они имели официальное признание.

20. Согласно пунктам 12 и 19, служба посредничества должна иметь достаточную автономию для разработки норм, определяющих степень квалификации ведущих, а также норм поведения и/или этических норм, соблюдение которых требуется при проведении встречи-посредничества. Кроме того, нужно совершенствовать процедуры набора и обучения ведущих и создавать небольшие центры по оценке работы таких людей. Подобные меры обеспечат некоторую степень профессионализма службы.

21. Необходимо, чтобы наблюдение за проведением посредничества осуществлялось независимыми структурами. Мониторинг может проводиться органами уголовного правосудия, хотя Рекомендация не исключает и другие структуры, так как в ней называется «любое компетентное (правомочное) лицо».

V.2. Квалификация и обучение ведущих

Что касается квалификации и обучения, Рекомендация отмечает минимум требований к личностным качествам ведущего и к целям его подготовки. Предполагается, что государства – члены Совета расширят круг соответствующих норм и директив (в некоторых странах это уже делается).

22. Ведущие (профессионалы или добровольцы) должны по возможности представлять те слои общества, которые присутствуют в регионе, охваченном службой посредничества.

При наборе ведущих не должны игнорироваться различные социальные группы, включая этнические, а также меньшинства. Привлекаются как мужчины, так и женщины. Желательно, чтобы ведущие обладали разносторонними знаниями, в частности знаниями местного колорита. Образование и квалификация самыми существенными факторами не являются. Рекомендацией также не отмечен

минимальный возраст посредника, хотя такой вопрос может быть поставлен на национальном уровне.

23. Что касается черт характера и навыков ведущего, в Рекомендации говорится о рассудительности и здравом суждении, то есть акцент делается на зрелости человека. Под «навыками межличностного общения» понимается умение открыто и искренне подходить к людям, умение слушать и вести общение, способность оставаться беспристрастным. Перечисленные выше качества должны отражаться в ходе отбора и тренинга.

24. Ведущим необходимо пройти начальное обучение, которое будет продолжено в ходе их дальнейшей работы. Обучение ведется в соответствии с нормами и правилами системы посредничества; его цели – развитие специфических навыков и разработка методики разрешения конфликтных ситуаций. К тому же обучение способствует более глубокому пониманию проблем жертвы и причин виктимизации, проблем, с которыми столкнулся преступник, и, следовательно, социальных проблем. Институционализация подобного обучения не только благотворно скажется на деятельности ведущего, но и станет еще одним шагом к совершенствованию самой системы медиации.

V.3. Подход к работе с индивидуальными случаями

25. Незадолго до начала программы ведущий знакомится с фактическими обстоятельствами дела, чтобы получить представление о произошедшем. Эти сведения, получаемые от органов уголовного правосудия, необходимы, во-первых, для определения характера данного преступления и, во-вторых, при оценке ведущим степени пригодности/непригодности дела для работы с ним. Дополнительная информация о сторонах, которая может оказаться полезной в ходе посредничества, передается ведущему в определенном объеме с разрешения самих сторон (согласно местным правилам и законам).

26. Посредничество осуществляется беспристрастно: ведущий не принимает чью-либо позицию, а помогает сторонам активно участвовать в процессе с целью извлечения из него какой-либо пользы (как для пострадавшего, так и для преступника). Чтобы ведущий, находящийся с одной из сторон в каких-либо отношениях (родственных, дружеских и т.п.), не проявил необъективность в ходе встречи, при наличии таковых связей вопрос о его (ее) участии в качестве ведущего даже не рассматривается. Не имеет права выступать в роли ведущего и человек, лично занимающийся данным делом. Так, встречу может проводить представитель органов уголовного правосудия, но не прокурор, осуществляющий работу именно по этому преступлению.

Оставаясь беспристрастным, ведущий не должен забывать о том, что совершено противозаконное деяние, проступок, ответственным за который является правонарушитель. Таким образом, существенным отличием посредничества в гражданских делах от посредничества в уголовных является изначальное неравенство сторон в последнем случае, поскольку очевидно, что основные обязательства лежат на правонарушителе. Однако, следуя принципу презумпции невиновности, ведущий не должен иметь позицию по вопросу виновности.

27. В обязанности ведущего входит выбор места для проведения встречи (с учетом пожеланий сторон), как правило, это нейтральная территория. Встреча должна проходить там, где участники почувствуют себя комфортно, безопасно и смогут проявить уважение друг к другу. Большое внимание, таким образом, необходимо уделить степени уязвимости каждой из сторон. Если требования этого пункта не могут

быть исполнены, то случай не подходит для посредничества. Процесс посредничества на этом заканчивается, и дело отправляется обратно в органы уголовного правосудия.

28. Медиация как неотъемлемая часть уголовного процесса должна осуществляться эффективно и оперативно. Введение посредничества в систему уголовного правосудия также направлено и на совершенствование последней. Отсюда следует, что временные рамки хода процесса должны быть согласованы как с участниками программы, так и с органами правосудия.

29. Здесь мы снова упоминаем принцип конфиденциальности (см. раздел «Основные принципы», пункт 2), отмечая ограниченный доступ к процессу и к информации широкой общественности. Цель – установить доверие сторон друг к другу и к ведущему встречи (см. также пункт 32).

30. В случае угрозы совершения нового серьезного преступления, перед ведущим возникает дилемма: соблюдать принцип конфиденциальности до конца или же нарушить его, дабы предотвратить возможное причинение вреда (ущерба) правонарушителем. Принцип конфиденциальности не распространяется на информацию, полученную в ходе встречи, о каких-либо намерениях стороны, грозящих серьезным преступлением. В таком случае ведущий предоставляет необходимые сведения либо органам уголовного правосудия (необязательно), либо тем, кого это непосредственно затрагивает и интересует. Подобно другим гражданам, в таких ситуациях ведущий должен подчиняться внутренним законам, предписывающим принимать меры, предотвращающие такие преступления.

V.4. Результат посредничества

31. Соглашение, подписанием которого завершается встреча, должно быть документом добровольным, разумным и соразмерным.

Требование, чтобы стороны пришли к соглашению совершенно добровольно, является безусловным. В этом отличие программ посредничества от арбитражного или третейского суда, где беспристрастная сторона выслушивает участников, что придает процессу большую неформальность и гибкость, но выносит свое собственное решение. Требование добровольного подписания договора не исключает ведущего, активно стремящегося к достижению соглашения.

Требование разумности соглашения предполагает наличие связи между типом нарушения и характером возлагаемых на нарушителя обязательств и должно целиком зависеть от тяжести преступления; установленная компенсация, к примеру, не должна быть чрезмерной.

32. По окончании процесса ведущий сообщает органам уголовного правосудия о шагах, предпринятых в ходе проведения посредничества, и о результатах проведенной работы.

Если результата не было, ведущий обязан указать в своем сообщении причины такого исхода. Но, в соответствии с принципом конфиденциальности, доклад не должен раскрывать содержание заявлений (утверждений) сторон и оценивать их поведение в ходе встречи. Желательно, чтобы доклад был подан в письменной форме установленного образца.

VI. Развитие системы посредничества

33. Посредничество – относительно новое явление, развивающееся в большинстве европейских стран. Необходимо, чтобы оно получило общественное признание и одобрение органами уголовного правосудия, без сотрудничества с которыми не обойтись, как не обойтись и без взаимопонимания и взаимоуважения.

Нужно, в частности, показать, что именно привносит посредничество в систему уголовного правосудия, и продемонстрировать высокую степень компетентности. Для этого следует наладить регулярные контакты и консультации между представителями служб посредничества и сотрудниками органов уголовного правосудия (включая Министерство юстиции, суды, прокуратуру и полицию).

34. Об исследовании и оценке следует говорить в тесной связи с пунктом 33.

Исследование, между прочим, связано с процедурой объективного описания и оценки. Опыты и разного рода изыскания служат для получения более глубоких знаний, касающихся работы системы посредничества. Только на основе таких знаний можно получить достоверные описание и оценку предпринимаемых мер и получаемых результатов. Для дальнейшего развития посредничества необходима оценка существующих моделей. Необходимо проведение исследовательской работы по оценке функционирования системы посредничества в уголовных делах именно сейчас, когда система еще только зарождается. Надеемся, что приведенная информация заинтересует вас и подтолкнет к проведению научной работы.

Посредничество в уголовных делах (часто говорят – посредничество между жертвой и преступником) как дополнение к традиционным судебным разбирательствам до сих пор находится на начальной стадии своего развития во многих странах – членах Совета Европы. Существующие модели значительно разнятся. И тем не менее интерес к подобному типу внесудебному урегулированию непрерывно растет.

Рекомендация, посвященная посредничеству в уголовных делах, и содержащиеся здесь пояснительные заметки отмечают те руководящие принципы, которых следует придерживаться как при работе с существующими моделями, так и при создании новых.

Этот документ дает определение посредничеству в уголовных делах, освещает некоторые основные принципы и правовую основу системы. Рассматривается деятельность системы уголовного правосудия и службы медиации. Особое внимание уделяется гарантиям и правам сторон, сформулированным в Европейской конвенции по правам человека.

¹ Термином «offender» (преступник, правонарушитель) в Рекомендации и в Пояснительных заметках к ней обозначается также и обвиняемый, чья вина окончательно не доказана.

ТАТЬЯНА ДУГАРСКАЯ – кандидат юридических наук, тема диссертационной работы - правовое регулирование решения проблемы домашнего насилия. Руководитель проекта «Технологии восстановительного правосудия в профилактике социального сиротства».

ЛЮДМИЛА КАРНОЗОВА – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, член Коллегии Центра, активно работает в проектах Центра (координатор программ восстановительного правосудия в суде, руководитель подготовки и издания учебного пособия «Восстановительное правосудие и социальная работа»). Организатор исследований российского суда присяжных. Автор книги «Возрождение суда присяжных. Замысел и проблемы становления».

ТАТЬЯНА ЛАЙША – руководитель Нижегородского областного отделения Центра «Судебно-правовая Реформа». Руководитель проектов, ведущий программ и тренер.

РУСТЕМ МАКСУДОВ – член Коллегии Центра, руководитель направления деятельности Центра, посвященного программам восстановительного правосудия, ведущий в этих программах. Автор учебных материалов и преподаватель по курсу восстановительного правосудия. Автор более десятка статей посвященных концепции и практике восстановительного правосудия и ювенальной юстиции.

МИХАИЛ ФЛЯМЕР – исполнительный директор Центра, член Коллегии Центра. Разработчик программ восстановительного правосудия для России и ведущий в этих программах, а также руководитель ряда проектов Центра. Автор более десятка статей посвященных концепции и практике восстановительной и ювенальной юстиции.